ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА
ВИЛЬНА
1866.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ IV 18$\frac{65}{66}$

КНИЖКА VI.
ТОМЪ II.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1866.

Дозволено Цензурою 5-го Марта 1866 года. Вильна.

I.

№ 10-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Фундушовая запись князя Богдана Матвеевича и Анны Волловичевой Огинскихъ, данная Въевейскому монастырю на разныя земли.

Я Богданъ Матфеевичъ Окгинский Подкоморый Трокски державца дорсунъский и коръмяловский; а я Анна Воловечовна малжонка (супруга) его милости Пана Подкоморого Троцкого обое сполечне (совмѣстно) чинимъ явно и сознаваемъ симъ нашымъ листомъ, доброволнымъ записомъ, и вечистымъ фундушомъ кому о тымъ ведати належало нынешного и потомъ будучого вѣку людемъ: Ижъ маючи мы предъ очима повинность (обязанность) нашу христианскую которая то на насъ вытягаеть, абысмо впродъ всихъ инныхъ речей царства Божого и правды его искали и собѣ зачасу (заблаговременно) местце зъеднали и домъ а мѣшкане (жилище) ку вечистому отпочиваню зготовати могли, и ко розширеню и помноженю чти (чести) а хвалы Створителя нашого и давцы всехъ Добръ промыслу и старания уставичного (постояннаго) мѣти незанѣхивали (незабывали) прикладомъ (попримѣру) годной памяти продковъ нашихъ и инныхъ побожныхъ не-

смертельной славы людей которые не такъ далеѣ о земные и дочасные (временные) яко о небесные и безъконечные Добра и потѣхи стараючися церкви и монастыри ку чти и хвалы створца своего выставуючи слугъ Божихъ и шафаровъ (раздаятелей) таемницъ (таинствъ) его, потребы телесные добрами (имѣніями) въ шафунокъ (распоряженіе) собѣ повероными опатруючи, и инные побожные милосердные и святобливые учинки (дѣла) выконываючи (исполняя) по щасливомъ на томъ свете въ ласце (милости) и благословенстве его помѣшканю, во вечны и правдивы животъ одходили, што все мы особы верхъмененные, якося рекло на доброй памети маючи, а хотячи за такою помочию Божою, з тыхъ Добръ дочасныхъ въ шафунокъ отъ него собе поверенныхъ ку чти а хвале имени его Святого, часть якую (нѣкоторую) теплыми руками выделити, а яко за животовъ, такъ и по животахъ нашихъ молитвы неуставаючие при Божественныхъ литургиахъ и инныхъ (ведлугъ порадку и уставу Светой восточной церкви) обрадахъ за себе и за потомки свои на посвѣщеныхъ нато местахъ отправованые (совершаемые) мели, первей сего за ласкою и помочию Божою в честь и славу имени его Светого и Пречистой а Преблагословенной Его матери збудовавши (построивши) церкви албо храмы молитвенные, и заложивши (основавши) монастырь маетности нашей прозываемой Виевиа въ повете Троцкимъ лежачой, а хотячи абы монастырь виевеский годными и способными на то служители, а звлаща (въ особенности) во светомъ иноческомъ станѣ (званіи) честно мешкаючими ведлугъ потребы достаточне опатроны были могучие зась пристойное содержаніе и выховане маючи наделеныи нсгиблющаго но пребывающого в животъ вечны брашна упражнялися, упатруючи (усматривая) и уважаючи оферовали (пожертвовали) и отдали есмо на то, и симъ нашимъ листомъ добровольнымъ записомъ даемъ, даруемъ, и на вси потомныи и вечистыи часы

(времена) непорушънымъ неотъзовънымъ правомъ записуемъ и фундуемъ з именей нашыхъ виевейского и олесницкого, а мысмы напродъ самый монастырь виевейский въ местечку натомъ Виевейскомъ заложоны (основанный) при церквахъ: одной Успеня Пречистое Богородицы, а другой Вознесеня Христова, и з друкарнею (типографіею) нашею въ томъ монастырѣ будучою. До того Дворъ нашъ виевейский въ Повете Троцкимъ лежачий надъ озеромъ Виевиемъ зо всякимъ будованиемъ (строеніями) дворнымъ и гуменнымъ, и з огороды, и з сады дворными, и спашнею дворною во всехъ трохъ поляхъ лежачею, а з збожемъ (зерновымъ хлѣбомъ) озимымъ и з ярынами засеяными такъ якохъ мы сами пахали, и уживали и сѣножатми при той пашнѣ прилеглыми, ктому сѣножать дворную виевейскую надъ речкою Бразолою внизъ става (пруда) и млына (мѣльницы) нашого бразалского лежачую, ктому на улицы дворской при самомъ монастыре почавши одъ монастыря ажъ до Пашни дворное плацовъ чотырнадцать, по левой руце ѣдучи з местечка до двора виевейского на оседание (подъ осѣдлость) мещаномъ монастырскимъ вымероные, до того волокъ полътретя на местечко помероныхъ для пашни мещаномъ монастырскимъ при одномъ концу волокъ вѣскихъ; ктому два села прозываемые Олесники одно Балцеришкое в которомъ волокъ двадцать, а другое княгини Свирское, в которомъ волокъ осмъ въ повете Троцкомъ лежачие з людми осѣдлыми в тыхъ обудвухъ селахъ мешкаючими и со всякою ихъ повинностию и з службами; Ктому речку Вервесно почавши од озера Виевиа и з Ставкомъ (прудкомъ) по бору на той же речце Вервеснѣ занятымъ, по греблю того ставку з езами и всякимъ ловениемъ рыбъ. Ктому шесть озеръ одно Ломыновандерысъ въ бору недалеко ставу Бразалского, другое озеро въ бори недалеко дороги з двора Виевейского до Трокъ идучое Ломыновандерысъ, третее озерко тамъже въ бору по правой стороне тоежъ

дороги Ломыновандератынской, четвертое озерко подъ местечкомъ виевейскимъ за монастыромъ Плокишки. Пятое озерко въ бору Ворълышки. Шестое озерко за речкою Бразалою вниз ставу Бразалского Домбле; надъто (сверхъ того) даемъ и записуемъ имъ на тотъ же монастыръ виевейский уступъ волный ловеня рыбъ въ чотырохъ озерахъ нашыхъ виевейскихъ и олесницкихъ заставуючи тежъ и собе въ тыхъ чотырохъ озерахъ нашыхъ волное ловление рыбъ, а менoвите (именно) въ першомъ озерце въ бору Увеприе, въ другомъ озерце Увепратину, въ третомъ озерце въ бору Вашарыню, въ четвертомъ озерку малымъ въ боружъ также званымъ Ашерины, а во пятомъ озере великомъ Виевию уступномъ ведлугъ стародавного уступу стого двора виевейского волное ловление рыбъ. И то ставищо з Греблею старою подъ селкомъ олесницкимъ Кнегинины Свирское для збудованя (постройки) млына для потребы монастырской, лижъбы (лишь бы) тежъ на потребу дворную и монастырскую мели дрова на опалъ (топливо) и на будованиe даемъ имъ волный вступъ у боръ нашъ для потребы монастырской въ тыхъ границахъ: почавши од местечка виевейского по правой сторонѣ гостинца (большая дорога) з Ковна до Вилна идучого ажъ до лугу и заливку ставу нашого бразалского; а з другое стороны по границу Коръклызкую. Ато учинивши впродъ застоновение певное (извѣстное) з архимандритомъ и иноками общого житиа въ монастырю братскомъ вилеискомъ при церкви Сошествия Светого Духа мешкаючими, тамъ тежъ и зо всѣмъ братствомъ нашимъ церковнымъ виленскимъ православия греческого; абы яко тотъ монастыръ од насъ заложоны виевейский, певною личбою (числомъ) иноковъ и всякими служителми церковными пристойне (прилично) достаточне опатроный (снабженный) быти могль, въ моцъ вдержение и ужывание (пользованье) имъ есмо дали, и симъ нашымъ листомъ доброволнымъ записомъ даемъ, даруемъ, и записуемъ вечными часы: то есть нетолко имъ

самимъ, але (но) и тымъ которые бы по нихъ на тые мейсца наступовали, покуль (пока) при православномъ исповедании истинное и Богомъ преданное веры нашой, и въ благославенствѣ а послушенстве звыклого (обычного) Пастыра нашого Святейшого и вселенского Патриаръхи Конъстанътинополского стале (твердо) и неодменне трвати (пребывать) будутъ: а' они якосе вышей рекло ото старати уставичне (постоянно) такъ теперъ яко и на всѣ потомные часы маютъ и повинны будутъ абы тотъ вышемененный монастыръ виевейский годными и способными на то делателми и строителми опатроный былъ; скоторыхъ бы нетолко повседневное служение церковное ведлугъ звыклого (обычного) и належного (надлежащого) намъ уставу и порадку Церкви светой восточной матки нашой, але и самая слова Божия проповедь въ дни неделные и празники Господские спожиткомъ (пользой) и утехою душъ людскихъ отправоватися могла и абы неменѣ у монастырю виевейскомъ надъ пять иноковъ уставичне (постоянно) ховано было (содержалось); межи которыми абы было принаймней (покрайней мѣрѣ) по два священноиноки и по одному іеродіакону, опрочь приспособленныхъ ведлугъ потребы до церкви диаковъ и выростковъ, абы тежъ и наука школная для детей быти могла, которымъ всемъ покармъ (пища), одение, а кому слушность спотребою окажетъ, и самый юръгелтъ (жалованье) отъ нихъ же взглядомъ провенту (жизненные припасы) стое маетности нашой имъ записаной неодводне (непременно) даваны и вси потребы церковные и монастырские пристойне опатрованы быти маютъ, А мы особы верху мененные, такъ же и по насъ дети и потомки наши и тейже церкви восточной и благословенства Патриаршого неотступные наслядовцы (последователи) ачъколвекъ опекунами и оборонцами той маетности звлаща (особенно) въ трудностяхъ и поволокахъ (тяжбахъ) правныхъ были и того абы отъ хвалы Божой отривана и отдалена небыла такъ яко иные до

того Братства нашого церковного уписаные особы постерегати маемъ и маютъ, однакъже яко въ речи тые которыхъ порадокъ и послушенъство закону ихъ иноческому приналежачие потребуютъ, такъ и во всѣ провента и доходы своей маетности отъ насъ записанной якосе вышей рекло приходячие, и въ неякую часть ихъ ниякимъ способомъ и протекстомъ (предлогомъ) вступати немаемъ и немаютъ, и мочи небудемъ и небудутъ вечными часы и овшемъ (напротивъ) каждаго таковаго, хтобы тую добреуважную волю и данину нашу акимъ колвекъ способомъ и выкладомъ вовсемъ, або въ части зрушати хотелъ, и на Судъ Божи и право посполитого (общественного) одсылаемъ, и то тежъ тымъ листомъ и фундушомъ нашимъ варуемъ (объусловливаемъ), еслибы чего Боже уховай одступство якое по архимандрите або Братстве церкви Сошествия Святого Духа будь тежъ по наступцехъ (преемникахъ) ихъ одъ послушенства святейшого Патриархи Конъстанътинополского показалосе, албо зневоленние (принужденіе) якое (чего недай Боже) на архимандрита, иноковъ, и Братство Церкви Сошествия Святого Духа отъ противныхъ хвалы Божой, которые звыкли старатися о зневолене верующихъ правдиве людей подъ послушенствомъ Патриархи Конъстантинополского будучыхъ; тогды тотъ монастыръ нашъ виевейский зовсимъ наданиемъ нашымъ таковымъ Архиманъдритомъ инокомъ, и Братству, которые бы отступивши отъ послушенъства Патриархи Конъстанътинополского, кого иншого за старшого (начальникомъ) признавали, належати немаетъ, але намъ и потомству нашому волно то будетъ на себе взяти и удержати. И нато дали есмо его милости отцу Архиманъдриту церкви Сошествия Святого Духа, инокомъ и всему Братству до той церкви нашой уписанному сей нашъ листъ подъ нашыми печатми, и подписами рукъ нашихъ, до которого за устною прозбою нашею печати свои приложили, и руки свои подъписами рачили (изволили), люди зацные, его

милость панъ Андрей Млечко Судия Земъский Упитский, и его милость панъ Янъ Верещака, и его милость панъ Богданъ Стеткевичъ. Писанъ въ Вилни Року 1619 месяца Іуля 20 дня.

Богданъ Огинский рукою властною.
Аанна Воловичовна Огинская р. вл.
Андрей Млечко р. вл.
Янъ Верещака р. вл.

Документъ этотъ хранится въ архивѣ виленского св. Духовского монастыря. Состоитъ въ описи подъ № 907.

№ 11-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ШЛЯХТО-КСЕНДЗОВСКАГО МЯТЕЖА 1863 ГОДА.

Польская революціонная обѣдня.

(*Переводъ.*)

(Извлечено изъ дѣлъ Кіевской Слѣдственной Коммисіи).

Предавая печати одинъ изъ документовъ чрезвычайной важности, замѣчательный не меньше извѣстнаго „Польскаго революціоннаго катихизиса", — это *польскую революціонную обѣдню*, составленную и утвержденную (какъ сказано въ оглавленіи ея) *польскою католическою церковью*, мы считаемъ необходимымъ сказать предварительно нѣсколько словъ.

Въ польской революціонной литературѣ давно уже появлялись мистическія поэмы о Польшѣ, о ея божественности, о всемирномъ ея значеніи, но ихъ можно было считать за горячешный бредъ нѣкоторыхъ личностей, не могущій имѣть особеннаго вліянія на все польское общество. Теперь оказывается, что вся разбросанная въ мистическихъ сочиненіяхъ теорія сведена, такъ сказать, въ систему, въ правильное догматическое ученіе новаго рода, неслыханное до сихъ поръ въ свѣтѣ, и хотя скрытно, тѣмъ не менѣе дѣятельно, и судя по послѣдствіямъ, успѣшно поддерживается польскою р. католическою церковью.

Ученіе это, выразившееся со всею силою въ революціонной обѣдни, проповѣдуетъ апоѳеозу Польши, распространяетъ богопочтеніе къ ней, уподобляетъ ее Христу, ея дѣянія страстямъ Христовымъ; утверждаетъ, что какъ Христосъ пострадалъ за весь міръ, такъ Польша идетъ крестнымъ путемъ, распинается, пребываетъ въ гробѣ, и скоро воскреснетъ для спасенія всѣхъ народовъ, для коихъ она избранная и единственная путеводительница; что Іисусъ Христосъ—единый сынъ Божій,—а Польша—единая дщерь Божія, хранительница божественной истины, всемирная жертва и т. д. Мистическія сочиненія пріобрѣтаютъ такимъ образомъ значеніе—новаго евангелія, распространяемаго не едиными личностями, а всею р. католическою революціонною партіею, которая силится посѣять въ польскомъ народѣ новоизобрѣтенное вѣрованіе, съ цѣлію какъ можно болѣе фанатизировать и бунтовать народъ во имя религіи.

Теперь становится болѣе ясною причина упорства въ бунтѣ и въ революціонныхъ замыслахъ и предпріятіяхъ, безпрестанно возобновляющихся, не смотря на очевидное сознаніе многихъ поляковъ въ незаконности притязаній, въ ненадежности попытокъ и въ безполезности разныхъ затѣй революціонной партіи.— Причина эта—религіозное изуверство, до котораго польское общество доведено своимъ духовенствомъ и преданными ему поэтами и писателями въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій. Вся эта крамольная работа давно уже велась съ величайшею энергіею, но съ сохраненіемъ самаго мистико-религіознаго ученія въ совершенной тайнѣ, такъ что оно только теперь открылось благодаря случаю, подобно другимъ происходящимъ изъ того же источника сочиненіямъ:— польскому катихизису, польской статьѣ; „Uczmy się“ (станемъ учиться), составленной въ видѣ правила вѣры для учащихся, польскому поученію съ каѳедры о ношеніи поляками, и въ особенности польками траура, подъ опасеніемъ за противное сему утраты всего въ семъ и будущемъ вѣкѣ (*).

Всѣ этого рода кощунства и богохульства опасны при ихъ таинственности; обличеніе, преданіе ихъ гласности и всеобщему суду убійственны для нихъ. Это существенный путь, по которому можно еще спасти самое общество польское и вырвать его изъ рукъ фанатическаго ослѣпленія. Имѣя въ виду эту вы-

(*) Статью „Uczmy się“, мы помѣстили въ IV Отдѣлѣ настоящей книжки.

сокую цѣль, мы помѣщаемъ ниже „Польскую революціонную обѣдню“ въ самомъ точномъ и полномъ переводѣ.

Священная месса польскаго народа, или молитвы въ нынѣшнихъ крайнихъ нуждахъ ойчизны для чтенія во время священной миссы изъ ея текста составленныя и утвержденныя польскою католическою церковью.

Часть первая священной миссы (введеніе).

In nomine Patris, Filii, et Spiritus Sancti, amen.
„Introibo ad altare Dei....“

Во имя Отца, Сына, Духа святаго. Аминь.

Приступаемъ къ алтарю Бога отцовъ нашихъ, Милосердаго нашего небеснаго Отца, который въ крестномъ мученичествѣ нашемъ изливаетъ въ сердца наши росу сладости и утѣшенія, насъ, живыхъ похороненныхъ, силою и благодатію своею укрѣпляетъ и поддерживаетъ.

Суди намъ о Боже, и разрѣши прю между ойчизною нашею, правды ради Твоей и для блага человѣчества расчетвертованною, кровью и слезами облитою, на крестѣ Сына Твоего распятою и въ гробъ положенною и между народами, отъ которыхъ благодать Твоя отступилась, вслѣдствіе чего они на этой юдоли плача содѣлались духами тьмы. Изми насъ изъ рукъ нхъ Всемогущій Боже! Прости имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ! И дай имъ покаяніе, ибо Ты еси Богъ крѣпость наша! За чѣмъ Ты насъ оставилъ? За чѣмъ же мы и печальны когда непріятель посмѣвается надъ Тобою и нами на гробѣ нашемъ?

Ниспосли свѣтъ и правду Твою, которыя на историческомъ полѣ руководили Твой польскій народъ въ не-

престанныхъ битвахъ съ язычествомъ, запальчиво возстающимъ на Святое Имя Твое.

О ниспосли намъ эти свѣтъ и правду, которыя чистую и непорочную Польшу Твою свели на Голгоѳу, дабы исполнилась на ней справедливость Твоя за грѣхи и преступленія народовъ.

Отчего ты печаленъ народъ, Богомъ избранный, народъ, подобно Сыну Божію распятый и погребенный? Отчего приходишь въ смятеніе? Вѣруй и притерпѣвай! Третій день настаетъ! Утро воскресенія свѣтаетъ! И Польша возстанетъ въ чести и славѣ, свободная отъ грѣховъ и слабостей душевныхъ, христіанскою только любовію на сквозь дышущая, одну любовь ближнимъ своимъ народамъ несущая! (*).

Слава Отцу, Сыну и Св. Духу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ; аминь.

(*) Въ сороковыхъ годахъ польскій поэтъ—мечтатель Мицкевичъ и авантюристъ, нѣкто Товянскій, образовали странную секту, имѣвшую много послѣдователей между эмигрантами, называющуюся отъ главнаго ее основателя „товіанизмъ,“ а по сущности ученія „мессіонизмъ.“ Мечтатели (изъ которыхъ Мицкевичъ подъ конецъ своей жизни лишился ума и въ пароксизмахъ этой болѣзни написалъ пресловутую исторію Польши) учили, что Іисусъ Христосъ посланъ былъ отъ Бога Отца, для избавленія рода человѣческаго отъ грѣховъ міра, а Польша имѣетъ посланничество и помазаніе отъ Бога для избавленія рода человѣческаго отъ рабства и неволи, поэтому и въ политической жизни Польши находятъ они сравненіе съ жизнею Іисуса Христа отъ предреченія о Немъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, Его рожденія, крещенія, служенія, страданій и проч. до крестной Его смерти на Голгоѳѣ, искупившей родъ человѣческій. Точно также и Польша исполняетъ свою Богомъ ей указанную миссію и уже она совершила свое служеніе въ назиданіе народовъ на Голгоѳѣ страдала, распята на крестѣ и умерла, теперь она находится во гробѣ, но скоро послѣдуетъ славное и побѣдоносное ее воскресеніе, а затѣмъ освобожденіе ею всѣхъ народовъ отъ рабства, послѣ чего водворится на землѣ золотая свобода (złota wolność), равенство, вѣчный миръ и блаженство. Мицкевичъ умеръ, а Товянскій живъ и теперь, и еще цѣлыя сотни находитъ, между поляками, такихъ тупоумныхъ сумазбродовъ, что вѣруютъ и послѣдуютъ этому ученію, выдавая себя за апостоловъ Польши. Въ духѣ этаго ученія составленна эта мисса. Ред.

Помощь наша въ имени Господнемъ, сотворившемъ небо и землю и всѣ на ней народы, дабы были выраженіемъ Его святой мысли и какъ дѣти одного отца шли вмѣстѣ къ цѣли, назначенной для всего человѣчества.

Исповѣданіе грѣховъ.

„Confiteor Deo omnipotenti.....“

Исповѣдаемся Богу предвѣчной справедливости и нескончаемаго милосердія, Пресвятой Дѣвѣ Маріи, Царицѣ Польши, Литвы и Руси, святымъ патронамъ нашимъ, Св. Станиславу, Св. Казиміру и Св. Юзефату (*) и всѣмъ святымъ, происшедшимъ изъ среды нашего народа, въ томъ, что мы согрѣшили тяжко злоупотребленіемъ свободы, которую Богъ намъ далъ ранѣе и щедрѣе, нежели инымъ народамъ и обратили этотъ высшій даръ не на равный надѣлъ между всѣми чадами рѣчи посполитой, а на превознесеніе и превозвышеніе гордыни вельможъ нашихъ на уничиженіе низшей шляхты (**), на парализованіе спасительныхъ трудовъ и намѣреній добрыхъ королей нашихъ; мы согрѣшили, упустивъ призваніе наше быть защитниками христіанства отъ языческаго и схизматицкаго преобладанія и, предавшись своеволію, праздности и сластолюбію, отреклись отъ нашихъ обычаевъ, языка и даже и въ вѣрѣ отцевъ нашихъ поколебились, а наклонили послушное ухо наговорамъ недобрыхъ сосѣдей, искавшихъ подобно льву рыкающему нашей погибели, и до той позабылись степени, что чрезъ заблудшихъ братій нашихъ, сконфедерованныхъ въ Торговицѣ, дерзнули поднять само убійственную длань! А во дни рабства и мучени-

(*) Іосафатъ Кунцевичъ, извѣстный отступникъ и непримиримый въ началѣ XVII столѣтія гонитель православія и народа сѣверо-западной Руси, возведенъ за это во святые, а теперь уже и въ патрона Польши. Смотри „Вѣстн. Зап. Россіи“ за 18⁶²/₆₃ г., книга 1 и 2.

(**) По этимъ выраженіямъ видно, что обѣдня сія сочинена въ духѣ шляхетско-католицкой, аристократической партіи.

чества, все еще не раскаянные, братьевъ поселянъ къ сердцу нашему не привлекли, но, братоубійственно содержа ихъ въ крѣпостномъ рабствѣ, ихъ слезы, страданія, грѣхи и преступленія, порожденныя невѣжествомъ и мракомъ, мы взяли на души наши! Согрѣшили мы, согрѣшили, премного согрѣшили! потому молимъ Тебя, Святая Царица наша и васъ святые патроны трехъ братскихъ землицъ рѣчи посполитой польской, и васъ, всѣ святые, происшедшіе изъ польской земли во славу предвѣчному; ради мученичества тѣхъ, кои сражаются за Божію правду въ польскомъ дѣлѣ или погибли въ темницахъ, пыткахъ и на эшафотахъ, ради святой жертвы тѣхъ, кровь которыхъ, пролитая на улицахъ Варшавы и Вильны (*), еще не застыла, тѣхъ геройскихъ дѣтей Польши, кои съ пѣснью любви на устахъ, падая подъ ударами враговъ, наполнили весь міръ удивленіемъ и прославленіемъ къ невѣдомому до селѣ на землѣ самоотверженію,— молимъ васъ исходатайствовать у Бога и Господа нашего, дабы Онъ единою слезою отеческаго милосердія, пролитою надъ злополучіемъ нашимъ, перетянулъ чашу вѣсовъ въ которую скоро столѣтіе уже какъ льются кровь и слезы наши и которая перевѣшивается съ чашею нашихъ народныхъ грѣховъ и дабы онъ привелъ Польшу къ воскресенію, въ славу свою и для блага человѣчества.

Прощеніе, разрѣшеніе, отпущеніе и исправленія согрѣшеній нашихъ подаждь намъ Господи всемогущій и милосердный!

Боже! Ты изречешь всемогущее слово, обративъ къ намъ лице Твое, и народъ польскій встанетъ изъ гроба.

(*) Вѣроятно разумѣются здѣсь разстрѣлянные и повѣшенные на Лукишкахъ предводители мятежниковъ, обагрившіе свои руки въ невинной крови поселянъ и священниковъ, ибо на улицахъ Вильны никакихъ не было стычекъ съ мятежниками, слѣдовательно не пролито ни одной капли крови. Ред.

Яви этому народу, Господи, Твое милосердіе и дай намъ воскреснуть изъ мертвыхъ!

Господи, услышь моленія Твоего народа.

Да прійдутъ къ престолу Твоему молитвы, слезы и и стенанія наши!

Съ нами Господь Богъ всемогущій! И духъ Его Святой да внидетъ въ сердца и умы наши!

Господу помолимся.

Сними съ насъ, Господи просимъ Тебя, беззаконія отецъ нашихъ и наши собственныя, очисти сердца любовію, просвѣти умы мудростію Твоею, дабы мы, чистые и святые, заслужили предшествовать народамъ зачатымъ въ мысли Твоей, Христа ради Господа нашего, аминь.

Просимъ Тебя Господи, заслугъ ради святыхъ патроновъ страны нашей, заслугъ ради всѣхъ святыхъ рыцарей правды Твоей потомъ и кровію коихъ обильно залиты всѣ нивы польской земли, остави народу нашему всѣ согрѣшенія его!

Слава Отцу, Сыну и Святому Духу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Господи помилуй, помилуй насъ! Іисусе Христе, помилуй насъ!

Ангельская пѣснь.

„Gloria inecscelsis Deo.....“

Слава въ высшихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе. Тебя славимъ, Тебя благословимъ, Тебя величаемъ, Тебя благодаримъ, для большаго прославленія Твоего, Господи Боже, Царю небесъ, Боже отцевъ всемогущій, Господи сыне единородный, Господи Іисусе, Господи Боже, Агнецъ Божій, Сыне Отчій, вземлющій грѣхи міра, помилуй насъ; пріими моленія наши; сидящій одесную Отца, помилуй насъ! Ибо Ты одинъ святъ, одинъ Всевышній, Іисусе Христе, со святымъ Духомъ, во славѣ Бога Отца, Аминь.

Поученіе или посланіе.

МОЛИТВА.

Благодаримъ Тебя, Боже, что Ты призвалъ насъ столько уже вѣковъ тому на лоно католической церкви Твоей и что Ты намъ далъ родиться дѣтьми избраннаго Твоего польскаго народа. Благодаримъ Тебя за то, что ведешь насъ крестнымъ путемъ, очищающимъ и ведущимъ къ воскресенію. Молимъ Тебя Господи, дабы мы съ радостію продолжали идти по этому пути. Поддержи и укрѣпи насъ подъ бременемъ скорбей нашихъ. Запрети наущеніямъ духа тьмы, силящагося свести насъ съ этого пути любви и смиренія.

Евангеліе.

„Menda cor meam, ac labia mea.....“

Всемогущій Боже, очистивый уста пророка Исаіи огненнымъ камнемъ, очисти наши сердца и уста, дабы мы истину Твою, которою и для которой польскій народъ существуетъ, возвѣщали и распространяли такъ, дабы всѣ чада этого народа соединились въ истинѣ той неразрывной узами любьви, и дабы всѣ мы стали какъ одинъ человѣкъ, пылающій любовію къ предвѣчной истинѣ Твоей, вѣрующій въ нее и оживленный горячею надеждою на Твою помощь для сохраненія слова Твоего въ своемъ сердцѣ и изліянія его въ тѣ сердца, для коихъ солнце свѣта Твоего не взошло еще.

„Sequentia sancti Evangelii secundum....“

Молитва.

Мы встаемъ Господи, для слушанія слова Твоего; встаемъ, какъ вставали отцы наши, вынувъ изъ ноженъ сабли, въ знакъ готовности на его защиту (*). Мы же,

---

(*) Въ старину, по сказаніямъ, чтеніе Евангелія сопровождалось обнаженіемъ сабель, для выраженія готовности рынуться тотчасъ на невѣрныхъ; но эта помпа была привиллегіею одной только шляхты, которая одна имѣла право носить сабли.

дѣти слезъ и рабства, встаемъ для показанія, что истины ради, влиянной Тобою въ лоно католической церкви и польскаго народа, мы готовы принести въ жертву жизнь нашу, пролить для нея всю кровь нашу. Вотъ мы предъ Тобою! Воззови насъ Господи! И на жертвенный костеръ мы взойдемъ съ пѣснію на устахъ, съ любовію и прощеніемъ въ сердцѣ, ибо мы вѣруемъ, что кровь наша есть сѣяніе Твое, Всемогущій Боже, на этой бѣдной землѣ. Благослови насъ Господи! Душе святый, исполни сердца и уста наши, дабы мы достойно Тебя и Польши умерли и жили!

Мученичества ради польскаго народа да простятся грѣхи всѣхъ народовъ!

Исповѣданіе вѣры.

„Credo in unum Deum.....“

Вѣруемъ и исповѣдуемъ все, что Богъ явилъ намъ во святомъ писаніи, а святая католицкая церковь, установленная Господомъ Іисусомъ яко хранительница правды Божіей, порученная въ управленіе Св. Павлу и преемникамъ его апостольскаго престола, передала чрезъ своихъ апостоловъ и Св. Войцѣха отцамъ нашимъ для увѣрованія и въ продолженіе десяти столѣтій размножала и укрѣпляла въ сердцахъ нашихъ.

А кромѣ того вѣруемъ и исповѣдуемъ, о Боже, „что „жизнь человѣчества есть школа духовъ, ведущая въ не„бо, куда пойдутъ заслуженныя въ день послѣдняго су„да, когда Христосъ Господь снидетъ на землю судить „живыхъ и мертвыхъ. А до того дня ведущими туда „ступенями суть народы, зачатые въ благодати Твоей „предвѣчной мудрости. Каждому изъ нихъ Ты далъ ис„ключительное призваніе, которое, какъ ниспосланное „народу Твое дохновеніе, составляетъ оттолѣ его предо„предѣленіе. И есть нороды избранные на то, дабы сра„жались на землѣ за лѣпоту правды Твоей, дабы, не„ся крестъ твой по кровавому пути, ангельскимъ жи-

„тіемъ своимъ подавали примѣръ человѣколюбія, дотолѣ, „пока страшною борьбою въ гробу, въ замѣну за вонзенный въ ихъ груди убійственный ножъ, не довоюются „высшаго о Тебѣ понятія и большей братской любви „таковымъ, о Боже, есть Твой польскій народъ, ибо, „крещенный духомъ Твоимъ, онъ есть Твоимъ священнослужителемъ на землѣ, онъ гордится своимъ терновымъ вѣнкомъ, потому, что понимаетъ, что изъ дѣтей „самыя пріятныя Тебѣ Небесный Отче, тѣ, которыхъ „Ты вѣнчаешь терніемъ, а смоченное въ крови терніе— „это цвѣтъ небесный, міръ обновляющій.“ (псаломъ вѣры (*).

Вторая часть миссы.

Приношеніе.

„Suspice sancte Pater omnipotens eterne Deus.....“

Боже всемогущій, Боже благодати и милосердія мы дѣти этого избраннаго народа, со смиреніемъ и любовію къ Тебѣ и ко всѣмъ ближнимъ намъ народамъ взываемъ изъ гроба нашего, прими чистую и невинную жертву Польши распятой, умерщвленной и погребенной ради возвеличенія божественнаго Твоего величія, въ исходатайствованіе прощенія безмѣрныхъ грѣховъ и преступленій всѣхъ государствъ и народовъ, которые хотя преклонили голову предъ истиною Твоего Евангелія, однако отвратили отъ него сердца свои и, будучи глухи къ святымъ его законамъ, до селѣ во всѣхъ дѣтяхъ своихъ управляются языческими правилами. Да удовлетворитъ жертва эта, Тобою самимъ, о Всевышняя мудрость, избранная, Твою справедливость, и въ замѣнъ за тотъ ножъ, въ груди ея вонзенный, да вывоюетъ она понятіе о Тебѣ, а также и любовь и братство между

(*) Замѣтка эта обозначаетъ, что все это исповѣданіе выписано изъ распространенныхъ здѣсь польскихъ мистико-религіозныхъ сочиненій, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ заглавія: Псалмъ вѣры, псалмъ надежды и т. д.

всѣми людьми земли. О подаждь Господи рожденнымъ въ гробовомъ мракѣ рабства дожить до той минуты, въ которую голосъ Твой возвѣститъ всѣмъ народамъ: „Яко „же Сына Моего дахъ въ онъ часъ народамъ земли „сей, такъ нынѣ тебя даю, Польша. Сынъ мой единъ „былъ и будетъ, но мысль его живетъ въ тебѣ. Во „всякое время и на всякомъ мѣстѣ буди яко же Онъ „истиною. Ты Дщерь Моя. Вступая въ гробъ, ты была „частицею человѣчества, а въ день воскресенія имя твое: „все человѣчество! Тебя ввѣряю землю эту, дабы ты ве„ла ее путемъ дѣяній труда, гдѣ всѣ племена ея содѣ„лаются единымъ совершеннѣйшимъ твореніемъ духа.“ (Предразсвѣтъ) (*).

Умовеніе рукъ.

„Levabo inter innocentes manus meas....“

„Очисти насъ Господи чистотою внутренняго свѣта. „Изжени изъ души и сердца всякій мракъ. Твоею бла„годатію помоги намъ взойти на ту высоту, вершину ко„ей Ты намъ назначилъ, до которой ведешь насъ крест„нымъ путемъ. Отряси съ душъ нашихъ всякій прахъ „земли сей; отстрани все, что не есть Твоею истиною. „Помоги Господи, дабы это вѣковое смертное испыта„ніе до того прославило и возвеличило насъ, чтобы на„конецъ ударилъ уже для насъ, молящихъ о томъ, часъ спасительной Твоей благодати.“ (**)

„ORATE FRATRES.“

Полимтесь, братья, дабы жертвоприношеніе священнослужителя нашего на этомъ алтарѣ и наше въ сердцѣ были пріятны Богу Отцу Всемогущему и вымолили

(*) „Предразсвѣтъ“— Заглавіе мистической польской поэмы, изъ коей выписано все это будто бы вѣщаніе Божіе!

(**) Кавычки эти показываютъ, что и эти мѣста выписано изъ мистическихъ сочиненій.

воскресеніе и прославленіе народа польскаго путемъ избраннымъ и намъ указаннымъ Спасителемъ рода человѣческаго.

Величаніе, PREFATIO.

„Sursum corda.... Dignum est, justum est....“

Се Господь грядетъ! Вознесемъ къ Нему сердца наши и возблагодаримъ Его. Ибо, во истину, достойно и праведно есть, дабы мы, которымъ Ты, Господи, все далъ, что могъ дать по милости неисчерпаемой любви Твоей, всегда и повсюду благодарили Тебя, Святый Господи, Отче Всемогущій, Боже вѣчный. Ты далъ намъ девятивѣковое существованіе, насквозь христіанское, сіяющее надъ европейскою добродѣтелью. Намъ первымъ Ты далъ истину Сына Твоего вкоренить въ дѣянія человѣчества. Польша во всемъ прошедшемъ есть единственная ойчизна, гнушающаяся грабежемъ и разбоемъ и только любовь посѣвающая; которая вынимаетъ мечъ изъ ноженъ только для обороны Твоего евангелія, любовью склоняетъ братьевъ къ соединенію между собою, а злыхъ и горделивыхъ обуздываетъ явно и безъ лукавства. Когда же мы низошли въ послѣразборовыя бездны гроба Ты самъ, о Боже! поддерживалъ жизнь нашу на поляхъ битвъ. Хотя погребенные въ гробу живьемъ, мы были однако на каждомъ изъ побоищъ за Твою истину съ нашимъ орломъ изъ серебра и саблею изъ стали. Опечаленные чистилищными мучами сердца Ты всегда укрѣплялъ какимъ то новымъ чувствомъ, новою дивною помазывалъ добродѣтелью. Ты далъ намъ, о Господи, животъ столь чистый, что онъ достоинъ даже креста Твоего, а крестъ далъ такой, который до небесъ возноситъ. Ты далъ намъ верховнѣйшее во времени призваніе, а дѣянія міра перегнулъ Твоимъ дохновеніемъ какъ колосья для обильнѣйшей намъ жатвы. Земли Ты намъ убавилъ, но наклонилъ небеса и обнялъ всѣхъ насъ сердцемъ Твоимъ (*Псаломъ благой воли*).

Святъ, Святъ, Святъ, Господь силъ, исполнь небо и землю славы Твоея. Осанна въ вышнихъ. Благословенъ грядый во имя Господне. Осанна въ вышнихъ.

Третья часть миссы. Канонъ.

Воспоминаніе о живыхъ и возношеніе.

„Te igitur clementissime Pater per Jesum Christum.....“

Молитва.

„Боже! Ты основалъ міръ сей для свободы и Духъ „Твой только со свободой братается. Ты отличилъ че„ловѣка и каждый народъ столь высоко, что Твоя Бо„жественная мысль, до сихъ поръ надъ землею останов„ленная, выжидаетъ, пока человѣкъ или народъ по сво„ей вольной волѣ изберетъ ее и по слѣдамъ ея пойдетъ. „Слѣдовательно безъ насъ самыхъ Ты не спасешь, Ты „не воскресишь насъ о Боже!

„Смилуйся, смилуйся, Ты, давшій намъ все ради не„исчерпаемой любви Твоей. Храни насъ въ эту рѣши„тельную минуту; не покидай одниxъ!

„Вспомни о Господи, что мы давніе слуги, что преж„де всѣхъ еще мы уже признали Тебя земнымъ Вла„дыкою въ Царицѣ польской, земной Матери Сына Тво„его! Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ нашъ народъ ми„ліоны польскихъ душъ, въ минуту кончины тѣла, улетѣли „съ этой земли съ именемъ Маріи на устахъ. О да за„платитъ же она имъ теперь своимъ воспоминаніемъ! Да „помолится она Тебѣ, купно съ этимъ сонмомъ скон„чавшихся отцевъ нашихъ, дабы демоны изъ ада не за„держали, чрезъ злыхъ людей, нашего паренія къ Тебѣ, „о Боже!

„Воззри на Нее Господи, ибо сонмъ душъ тѣхъ воз„носится къ тебѣ чрезъ небесныя безпредѣльности!

„За округи млечныхъ путей, за миріады звѣздъ не„сется къ подножію Твоего престола скорбящая матерь!

„Воззри на нее Господи! Вотъ она среди серафимскаго хора повергается на колѣни; на челѣ ея блистаетъ польская корона, и ея голубой плащъ, сіяющій перлами слезъ нашихъ, сметаетъ лучи, наполняющіе пространство.“

„И всѣ пространства ждутъ Твоего приговора.“

„Воззри на нее Господи! Въ ея снѣжныхъ дланяхъ „двѣ чаши: въ правой она подноситъ Тебѣ Господи Твою „собственную кровь,- кровь Сына Твоего, а въ лѣвой, „которая ниже, кровь Ея подданныхъ, кровь въ теченіе „столькихъ лѣтъ пролитую на тысячахъ крестовъ, по „всѣмъ землямъ, подъ мечемъ *три—палача*. И тою божественною, поднятою чашею она молитъ для другой „Всевышней Твоей милости, Господи!

„И такъ не надежды просимъ у Тебя о Боже!— она „какъ цвѣтъ сыплется на насъ, когда тамъ у Твоего престола такое за насъ печалуется сердце; не смерти врагамъ,— ихъ слѣпая зависть уже гаснетъ, не выхода за „кладбищные пороги,— мы находимся уже въ наутріи „воскресенія; не властительнаго оружія,— его даетъ „намъ Духъ Твой; не помощи человѣческой,— поле событій Тобою отверзто предъ нами: посреди страшнаго „смятенія этихъ событій просимъ у Тебя Отче! Сыне! „Душе! чистой воли внутри насъ самыхъ.“

„О Ты Дражайшій; повсюду утаенный, но зримый во „всеміpныхъ чудесахъ! Ты всюду сущій, безсмертный, „святой! Живый въ движеніи сердецъ и міровъ! Ты, равно разметывающій до тла грозды звѣздъ какъ и нечестіе сердецъ, Отче, Сыне, Душе! Ты, повелѣвшій человѣческому естеству, чтобы тѣломъ и скудною своею мощію оно силою жертвы стремилось къ Твоему совершенству! Ты, повелѣвшій нашей Польшѣ, чтобы ввела между народами миръ и любовь примѣромъ никогда неизгладимой правоты! Ты, который въ вихрѣ историческихъ смутъ поражаешь бѣшеныхъ громомъ, а достойныхъ спасаешь, потому, что ихъ достоинство въ муче-

„ніи,— молимъ Тебя Отче! Сыне! Душе! съ дѣтскимъ „простосердечіемъ, съ невѣстиною покорностію, мы, ко„торые отъ вѣковъ не боимся съ Твоимъ сражаться вра„гомъ; молимъ Тебя вмѣстѣ съ Царицей нашею, про„сящею за насъ, быть Тобою выслушанными; мы вися„щіе между бездною и царствіемъ Твоимъ, Отче, Сыне, „Душе! молимъ Тебя съ врытымъ въ землю челомъ, съ „ланитами уже овѣянными дуновеніемъ веснъ Твоихъ, „окруженные вѣнкомъ скончавшихся временъ и гибну„щихъ государствъ, Отче, Сыне, Душе! молимъ Тебя: „созижди въ насъ сердце чисто, обнови чувства наши, „вырви изъ душъ святотатственныя прельщенія и по„даждь намъ вѣковѣчное среди благъ Твоихъ благо...... „подаждь намъ волю благую!

„Теперь, когда уже свершился судъ Твой надъ жиз„нію девятнадцати протекшихъ вѣковъ, подаждь намъ Го„споди воскресить самыхъ себя святыми дѣяніями! „(*Псаломъ воли благой*).

„Боже Авраамовъ, Исааковъ и Іаковлевъ, Боже от„цевъ нашихъ, услыши насъ!

Сыне Давидовъ, благослови и посвяти насъ! Голубице сіонская, вдохнови и укрѣпи насъ!

Воспоминаніе объ умершихъ.

„Memento etiam Domine famularum, famulorum que tuorum...."

Молимся за усопшихъ братій нашихъ: Господи Іисусѣ Христе, прежде воскресенія своего сшедшій во адъ, дабы вывести изъ него души праведныхъ древняго завѣта, молимъ Твоей благодати и милосердія, въ наутріи воскресенія нашего, для душъ всѣхъ братій нашихъ, павшихъ при защитѣ Твоей истины и скончавшихся въ трудѣ ея ради. Молимся о душѣ барскихъ героевъ нашихъ, молимся о душѣ павшихъ на поляхъ Борушковецъ, Зеленецъ, Дубенки, Мацѣевецъ, Рашина, Грохова, Боремля, Вильны, Дашева, Остроленки, на окопахъ Варшавы и на поляхъ нашихъ, на коихъ кипѣлъ

бой за нашу независимость. Молимся о братіи нашей, помершей въ темницахъ, въ изгнаніи и въ скитальчествѣ; молимся о душѣ вѣщихъ нашихъ, которые, вдохновенные Тобою о Боже, посланные средь насъ, какъ пророки новаго завѣта, оживляли и укрѣпляли духъ нашъ. Умилосердись Господи надъ душами Урсина, Адама, Юліуша и Зигмунта. Молимся о душахъ всѣхъ, которые, принеся на алтарь отечества какіе бы ни было труды, приношенія и жертвы для польскаго дѣла, предстали уже на судъ Твой. Молимся въ особенности, Боже неисчерпаемаго милосердія, о душѣ тѣхъ злополучныхъ братій нашихъ, которые упали подъ тяжестію креста нашего, которымъ не достало силъ испить до дна чашу горечи, данную по благодати Твоей, Господи, дѣтямъ Твоей Польши, и которые оттолкнули ее отъ своихъ устъ и отъ истины Твоей отступились, злополучные!

Господи, въ ярости Твоей да не накажеши ихъ и въ гнѣвѣ Твоемъ неараждь имъ отмщенія.

Помилуй ихъ Боже по велицѣй милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконія ихъ!

Четвертая и послѣдняя часть священной миссы.

Причащеніе.

„Preceptis salutaribus moniti.... Pater noster.“

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится Имя Твое, да святится истина твоя, для храненія, соблюденія и размноженія коей Ты благоволилъ избрать польскій народъ и каторую онъ, вѣрный своему призванію, распространилъ по всѣмъ землямъ міра сего и разсѣялъ въ сердцахъ народовъ; молимъ Тебя Господи, чтобы истина эта, подобна евангельскому зерну, брошенному въ плодородную и урожайную землю, часто всходила и обильные приносила плоды, для прославленія величія Твоего и для счастія всего человѣчества.

Да пріидетъ царствіе Твое! А народу сему пошли Господи, чтобы, въ награду за слезы, коими орошаетъ долю подъ этотъ посѣвъ, за проливаемую для ея оплодотворенія кровь, онъ приводилъ все человѣчество на путь, ведущій прямо уже къ указанной и обѣтованной Спасителемъ цѣли, у которой побѣжденное и уничтоженное зло потухнетъ на землѣ окончательно, любовь же всѣ народы въ одно стадо, подъ однимъ пастыремъ, видимымъ главою церкви, соединитъ въ царствіе Твое, Отче небесный.

Пока же сіе исполнится, помоги Господи, чтобы мы не забывали никогда, что Ты самъ благоволишь править нами отеческою Твоею десницею. И, чтобы ни случилось съ нами, какія бы страданія ни угнетали сердца наши, какія бы ни поражали нашъ умъ испытанія, пошли Господи, дабы мы покорнымъ и горячимъ сердцемъ, просвѣщеннымъ Твоею мудростію, никогда не переставали взывать: Да будетъ воля Твоя яко на небеси и на земли!

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь. Подай Господи, чтобы какъ земля эта, богатая и обширная, отъ моря до моря, данная Тобою въ обладаніе народамъ Польши, всегда питала и питаетъ и своихъ дѣтей и далекихъ заморскихъ сосѣдей, такъ и народъ польскій обиловалъ бы всегда духовнымъ хлѣбомъ, которымъ могъ бы надѣлять и насыщать, во славу Имени Твоего, всѣ народы.

И остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникамъ нашимъ. Благоволи оставить намъ согрѣшенія нашего народа, въ коихъ исповѣдуемая, а въ удовлетвореніе за тяжкія провинности, исправить коихъ мы уже не въ силахъ теперь, пріими Господи, вмѣстѣ съ кровію и слезами нашими, то искреннее и полное прощеніе, которое мы предъ лицемъ Твоимъ, Всемогущій Боже, даемъ всѣмъ тѣмъ несчастнымъ народамъ, лишеннымъ Твоей благодати, которыхъ Ты во гнѣвѣ своемъ, Боже, страшнаго величествія, обрекъ быть палачами ойчизны нашей.

И не введи насъ въ искушеніе, но избави отъ лукаваго. О смилуйся, смилуйся Господи надъ тѣми заблудшими изъ среди насъ, кои уже подчинились искушенію духа тьмы и Сына Твоего и дѣло польское, яко новый Іуда, продаютъ за серебренники! Обрати ихъ, яко же Ты обратилъ Св. Павла изъ гонителя въ апостола Твоего. Изглади клеймо Каина съ ихъ преступнаго чела. Сохрани отъ временнаго безчестія и вѣчной пагубы. О смилуйся, молимъ, надъ усерднѣйше тѣмъ, которые еще борются съ искушеніемъ, или же слабые и боязливые, пугаясь въ глубинѣ своего сердца тяжести креста Твоего, креста Польши нашей, желаютъ избѣжать его, и прикрываясь обманчивыми предлогами защищенія истины, не для Тебя, а для духа тьмы работаютъ. Пошли имъ Духа Твоего, вдохни мужество, укрѣпи кровію тысячи мучениковъ святаго нашего дѣла. Исправи мудростію Твоею всѣ искушеніемъ совращенные умы, или же дай имъ смиреніе простыхъ людей, которые, возлюбя всѣмъ сердцемъ истину Твою, охотно жертвуютъ жизнію за нее потому только, что это Твоя истина, но не покушаются испытывать ее разумомъ, подчиняющимся всегда духу гордости, которая и ангеловъ погубила и родъ человѣческій изгнала изъ рая на испытаніе огнемъ, мечемъ и смертію. Избави насъ отъ этихъ казней Господи и не попусти, дабы мы, преступные, либо неосторожные, сами отдаляли минуту спасенія нашего. Аминь.

„Agnus Dei, qui tollis pecata mundi....“

Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, очисти грѣхи нашего народа и подаждь намъ волю благую.

Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, креста ради и мученичества народа польскаго подаждь братскую любовь всѣмъ народамъ земли сей.

Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, смерти, ради и воскресенія ойчизны нашей одари миромъ все человѣчество.

„Domine Jesu Christe qui dixisti apostolis tuis...,“

Господи Іисусе Христе, глаголавшій Твоимъ апостоламъ: „миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ,“— не зри грѣховъ польскаго народа, но вѣру и могущество его, и соблаговоли по волѣ Твоей соединить всѣхъ чадъ его въ единомысліи и сочувствіи и миръ Твой даруй, яко Твое есть царство, во вѣки вѣковъ, аминь.

„Domine Jesu Christe Filii Dei vivi....“

Господи Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, волею Отца и содѣйствіемъ Духа Святаго смертію и воскресеніемъ Твоимъ міръ оживотворившій, содѣлай, да будутъ смертъ и воскресеніе польскаго народа возрожденіемъ для человѣчества; Пресвятыхъ же ради Тѣла и Крови Твоихъ, на семъ жертвенникѣ присущихъ, избави всѣхъ для польскаго дѣла трудящихся отъ всѣхъ беззаконій и всякаго зла, и сотвори, да сохраняютъ всегда заповѣди Твои; отлучиться же отъ Тебя, отступиться отъ дѣла нашего никогда не допускай, но пролей обильно на труды ихъ Твое отеческое благословеніе; яко же съ Богомъ Отцомъ и Святымъ Духомъ Ты живешь и царствуешь, Боже, во вѣки вѣковъ. Аминь.

„Domine non sum dignit....“

Господи, мы недостойны, да снидешь въ гробъ нашъ, но изреки слово и воскреснемъ.

Господи, мы недостойны, да снидешь въ гробъ нашъ, но изреки слово и воскреснемъ.

Господи, мы недостойны, да снидешь въ гробъ нашъ, но изреки лишь слово и воскреснемъ.

Тѣло Господа нашего Іисуса Христа да сохранитъ польскую страну отъ мора, голода, огня и неправедной войны!

„Sangvis Domini nostri Jesu Christi...“

Кровь Господа нашего Іисуса Христа, да соблюдетъ духъ польскаго народа отъ всякаго ущерба и порока.

Окончаніе миссы.

„Dominus vobiscum.... Ite missa est....“

Молитва.

Отходимъ отъ Алтарей Твоихъ, Отче нашъ, Господи, чувствуя нашу слабость и Твое величіе, нашу нищету и Твое благосердіе; мы предстояли предъ Тобою въ духѣ смиренія и любящимъ сердцемъ повергли къ стопамъ престола Твоего всѣ скорби и надежды наши.

Осѣни и благослови насъ крестомъ Сына Твоего, крестомъ ойчизны нашей и души наши убѣлятся паче снѣга и никакой врагъ не повредитъ намъ; покрывающія же насъ чорныя ризы скорьби премѣнятся въ небесно-свѣтозарныя, какъ у Сына Твоего, на горѣ Ѳаворѣ.

Благоволи насъ Господи и содѣлай всѣхъ насъ готовыми на страданія и смерть Тебя ради и Польши!

Благослови насъ Господи бдѣть и быть готовыми во всякую минуту къ близкому уже пришествію Ангела Твоего, который отвалитъ камень отъ гроба, дабы наша святая Польша, во славу Твою и во благо человѣчества, возстала и была жива!

Благоволи подать намъ сіе Господи заслугъ ради жизни, страданій, крови и смерти Іисуса Христа, который съ Тобою Боже Отче и со Духомъ Святымъ живетъ и царствуетъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Всякій мущина и всякая польская женщина обязаны молитвы сіи для пользы своей имѣть и по крайней мѣрѣ одну копію совершенно вѣрную и тщательно переписанную передать братіи во Христѣ и Польшѣ.

III.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

ДО И ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА 1831—63 Г.

(*Продолженіе*).

ГЛАВА 9-я.

Настроеніе умовъ послѣ весеннихъ событій 1848 года.— Любезности къ полякамъ.— Князь Чарторыйскій въ Познани.— Польскіе протесты и разочарованіе.— Трудное положеніе Австріи.— Положеніе Галиціи въ теченіи лѣта.— Возобновленіе мятежей въ Вѣнѣ и въ Львовѣ.— Участіе поляковъ въ возстаніи венгерскомъ.— Мнѣніе Высоцкаго о его землякахъ.

Польская эмиграція, для своей литературы и разныхъ рѣчей общественныхъ и палатныхъ, не стѣснялась называть *совершившимися фактами, удачными и даже блистательными*, событія или никогда небывалыя, или ею перезначенныя; впрочемъ нужно сказать, что въ началѣ мятежей 1848 года, эмиграція могла *похвалиться* кое какими успѣхами. Польскіе эмигранты вездѣ являлись самыми ретивыми дѣятелями и для науки революцій выработали многія данныя:

1) 1846 годъ указалъ невѣрность расчета на сельское населеніе, но за то 1848 годъ указалъ что вожаки не ошиблись, полагая, что уличные безпорядки скорѣе всего могутъ привлечь къ ролямъ бойцевъ учащаюся молодежь и сословіе мастеровыхъ.

2) Сельское населеніе, даже и при сосѣдствѣ взволнованныхъ городовъ, оказывало явное свое несочувствіе къ разгулу своеволія.

3) Польскіе эмигранты особенно могли похвалиться слѣдующими успѣхами въ исполненіи предначертанія ареопага

а), заставъ мѣстныя власти врасплохъ, они успѣли временно разшатать значенiе законной власти, во время пароксизма безбезначалiя и б) успѣли утвердить свою революцiонную власть, которая должна бала войдти въ борьбу съ законною.

Но, съ другой стороны, революцiонныя затѣи потерпѣли совершенное пораженiе въ другихъ ихъ замыслахъ. Во всей Германiи, Венгрiи, Галицiи и Польшѣ сельское населенiе всѣхъ сословiй, а въ городахъ всѣ люди положительные и собственники, кромѣ поляковъ и мадьяровъ, были на сторонѣ законныхъ властей и радостно привѣтствовали всякое возстановленiе порядка.

Замыселъ нацiональною гвардiею—уничтожить старые полки и создать новыя войска въ революцiонномъ духѣ совершенно не удался; столько же не удачны были и попытки совратить полки съ пути долга чести, вѣрности и связи съ его знаменами. Венгерскiе полки были увлечены только обманомъ, что будутъ защищать власть императора.

Польская эмиграцiя потерпѣла совершенную неудачу въ желанiи одурачить нѣмцевъ и подчинить фракфуртскiй сеймъ польскимъ затѣямъ (*); поляки надѣялись съ его помощью создать сильное славянское, т. е. польское государство, для мнимаго сплота Германiи противъ Россiи.

Нацiи взволнованной Европы слишкомъ дорого цѣнили общественный порядокъ и сохраненiе спокойствiя, чтобы кидаться за искушающими революцiонерами въ неизвѣстныя бездны. Событiя Францiи девяностыхъ годовъ минувшаго столѣтiя такими грозными призраками подымались въ воспоминанiяхъ устрашенной Европы и едва ли не болѣе всего во Францiи, что всѣ сословiя нацiй кинулись тушить пожаръ и сочувствовали только одному—скорѣйшему водворенiю спокойствiя. Революцiонеры увидѣли себя оставленными, лишенными всякой поддержки; эту чашу горести пришлось испить и польской эмиграцiи, и ей осталось искать помощи только въ своихъ, ею столько лѣтъ усердно вырабатываемыхъ, польско-революцiонныхъ теорiяхъ. Когда всѣ нацiи по уши были заняты своими домашними дѣлами, польскiе эмигранты стали для всѣхъ самыми несвоевременными посѣтителями и

(*) Въ письмѣ одного польскаго эмигранта находится слѣдующее многознаменательное изрѣченiе: „на панургово стадо надежды мало, нѣмцы бредятъ Германiяй, козлята и телята тудаже.“

вездѣ старались самымъ вѣжливымъ образомъ поскорѣе сбыть съ рукъ неотвязчивыхъ гостей. Современная каррикатура, которая тогда на расхватъ расходилась по Германіи, указываетъ что нѣмцы поняли какую пошлую роль поляки хотѣли ихъ заставить играть, и такъ искусительно имъ навязывали. На картинкѣ былъ изображенъ полякъ въ уланскомъ уборѣ, въѣзжающій въ нѣмецкій городокъ и предлагающій свои услуги. Въ низу была подпись: Господа! не желаете ли сдѣлать маленькую революцію (Meine Herren! Wollen Sie nicht eine kleine Revolution machen). Если бы польская эмиграція искала истины, то она могла бы тогда убѣдиться вполнѣ сколько она должна расчитывать на искуственную симпатію, ею вызванную закупленною печатью, интригами, ложью, ябедами, трезвономъ громкихъ фразъ, гастрономическими обѣдами, блестящими балами, шарканіемъ въ дипломатическихъ салонахъ и переднихъ, и, на словахъ, угодливымъ даже отреченіемъ отъ своихъ шляхетскихъ традицій. Польской эмиграціи пришлось разочароваться во Франціи и Германіи, на которыя она возлагала столько надеждъ. Надѣлавъ столько пакостей въ Европѣ, ей осталось въ утѣшеніе, провосгласить Европу неблагодарною и, по обыкновенію, возвратиться къ постройкѣ новыхъ плановъ.

Франція, ставъ вторично республикою, положительно заявила свою антипатію отъ своей предшественницы,— первой республики; она не хотѣла ни террора, ни перехода за Рейнъ; бонапартисты только прикрылись поборниками революціи, дабы съ помощью революціонеровъ свергнуть іюльскую монархію; но въ расчетъ ихъ двигателей во все не входило пропагандою кидаться въ дальнія странствованія за ревнителями государственнаго европейскаго переворота; имъ предстояло свое, болѣе важное дѣло у себя дома.

Польская эмиграція во Франціи наслушалась много любезностей, принять же участіе въ ея домагательствахъ революціонеры хотѣли, но не могли, остальная же Франція могла, но не хотѣла.

10 Марта 1848 года послѣдовало слѣдующее постановленіе въ Парижѣ: „Временное правительство, снисходя къ польскимъ эмигрантамъ, которые по чувству благодарности и преданности къ Франціи, ихъ *второму отечеству*, испрашиваютъ разрѣшеніе составить изъ себя особый легіонъ, съ цѣлью служить, вмѣстѣ съ французами, дѣлу порядка и свободы, и имѣя въ виду, что это предложеніе, сдѣланное во имя народа, ко-

торый далъ Франціи столько товарищей въ бояхъ и раздѣлялъ ея славу, должно быть принято съ предупредительностью правительствомъ, основаннымъ на національныхъ симпатіяхъ, столь живыхъ особенно относительно Польши,— постановляетъ: 1-е немедленно приступить къ формированію польскаго легіона, который подчиняется военному министру, и 2-е, исполненіе возлагается на военнаго министра (*). Постановленіе осталось безъ исполненія; дни власти подписавшихъ его были сосчитаны.

Франко-польскій комитетъ, составленный изъ французовъ, горячо преданныхъ польской справѣ, послалъ эмиграціи 27 марта отъ себя адресъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „потрясеніе Европы разрушило гробницу Польши. Народъ героевъ возрождается, Франція дала сигналъ къ этому воскрешенію и привѣтствуетъ его *съ самой глубины своихъ кишокъ*, (aplaudit du plus profond de ses entrailles) съ самою нѣжною, братскою симпатіею. Едва прошелъ годъ со дня конфискаціи Кракова, когда, казалось, что Польша на всегда уложена въ гробъ! Поляки! вы будете свободны, у васъ скоро будетъ отечество. Центральный франко-польскій, комитетъ, основанный въ 1831 году Лафайетомъ, преобразованный (**) въ 1846 году, на другой день возстанія Кракова, всегда принималъ участіе въ вашей борьбѣ и нынѣ онъ рукоплещетъ вашимъ побѣдамъ (***).

Нѣмцы были скупѣе на любезности къ полякамъ. Эмиграція хотѣла втереться въ франкфуртскій сеймъ съ своимъ *польскимъ вопросомъ*; эмигрантъ *Наквaскій*, бывшій депутатомъ варшавскаго сейма во время 1831 года, видя, что нѣмцы, собиравшіеся во Франкфуртъ на сеймъ, только думаютъ о своей Германіи и забываютъ Польшу, почелъ долгомъ напомнить о ней предложить имъ созвать *общій европейскій* конгресъ и на немъ заняться устройствомъ поляковъ.

Дабы ознакомиться ближе съ ходомъ дѣла приведемъ изъ длиннаго его посланія отъ 24 марта болѣе характеристическія мѣста.

(*) Подписали: Алберъ, Араго, Луи Бланъ Кремье, Дюпонъ, Флоконъ, Гарнье Пажесъ, Ламартинъ, Ледрю Роленъ, Марри и Марра.

(**) Вновь собранный будетъ точнѣе.

(***) Подписали Герцогъ d'Аркуръ (президентъ), Ластери (почетный президентъ), Лафабіетъ (сынъ) и Тайландьс (вицепрезиденты), Роберъ, Биксіо (секретари), Вавенъ (казначей), Леонаръ Ходзко (архиваріусъ).

„Мужи Германіи! Вы собираетесь разсуждать о дѣлахъ и судьбахъ Германіи. Это вашъ долгъ въ отношеніи къ вашему отечеству, но вы обязаны подняться еще выше и призвать не только представителей Германіи, но и представителей Европы, конечно, въ *интересахъ Германіи*. Франція подала сигналъ къ пробужденію, Германія отозвалась съ достоинствомъ; но этого недостаточно; вы занимаете центръ Европы и обязаны упрочить великое дѣло. Польша готова вамъ помогать и однажды возстановленная, она будетъ достаточно сильна, чтобы *охранять васъ* отъ восточнаго варварства. При взаимномъ согласіи Франціи, Германіи и Польши миръ въ Европѣ будетъ упроченъ.“

„Мужи Германіи! ваше дѣло созвать людей Европы въ великій конгресъ, который упрочитъ судьбы не только этой части свѣта, но и вселенной. Зовите, мы всѣ устремимся на вашъ голосъ. Подумайте! кто осмѣлится не подчиниться опредѣленіямъ подобнаго конгресса? Царь первый отступитъ за Двину и за Днѣпръ; онъ, въ 1831 году, могъ побѣдить только съ помощью одного изъ вашихъ королей— и то, возобновивъ три раза свою армію. Германія обязана уплатить Польшѣ тройной долгъ. Польша подъ стѣнами Вѣны ее избавила отъ исламизма, государи Германіи болѣе всего содѣйствовали раздѣлу Польши, наконецъ *нѣсколько заблудшихся сыновъ Польши*, которыхъ нѣмецкій же государь держитъ въ грубѣйшемъ невѣжествѣ, подстрекаемые австрійскими чиновниками, были вынуждены произвести, страшныя галиційскія убійства.“

„Не вхожу въ подробности; я обращаюсь къ образованнѣйшимъ людямъ Германіи, а потому, не хочу ихъ учить, вы меня понимаете и послѣдуете моему совѣту, если признаете время удобнымъ; прибавлю только нѣсколько словъ къ уясненію моего проекта.“

Послѣ долгихъ историческихъ уясненій натяжекъ и парадоксовъ, онъ говоритъ въ концѣ: „хотя европейскіе интересы и требуютъ, чтобы Польша примыкала къ Черному и Балтійскому морямъ, а судьба прибалтійскаго моря тѣсно связаны съ судьбами Польши, но пусть само населеніе объявитъ свою волю, а Европейскій конгрессъ ее утвердитъ.“

„Мужи Германіи! впередъ! будьте отважны! Только этимъ путемъ вы утвердите благоденствіе вашего великаго и прекраснаго отечества; послушайтесь голоса того, на котораго въ отечествѣ были возложены высокія должности (?) и который въ раз-

ныхъ странахъ, при разныхъ правительствахъ, пріобрѣлъ въ 17 лѣтнемъ изгнаніи достаточно опытности." Нѣмцы не отвѣчали.

Австрійскій эрцгерцогъ Іоаннъ (извѣстный председатель Франкфуртскаго сейма въ 1848 году) депутаціи поляковъ, предводимой княземъ Георгіемъ *Любомирскимъ*, сказалъ между другими любезностями: „существованіе Польши есть событіе естественное и необходимое, *а потому не стоитъ разсуждать о средствахъ ея возстановленія*; естественныя и необходимыя событія приходятъ сами собою."

Князь *Чарторыйскій* почелъ нужнымъ, при первыхъ успѣхахъ революціоннаго движенія, прибыть на театръ дѣйствій и отстаивать интересы свои и своей партіи. Князь Георгій *Любомирскій* велъ польскую справу, во всѣхъ лагеряхъ въ австрійскихъ владѣніяхъ, а князь *Адамъ* поспѣшилъ въ Пруссію. При онѣмеченномъ населеніи Познани, польская въ ней партія преимущественно держалась Ламберова отеля; въ Познани говорили: „*Мы тянемся къ нашимъ дипломатамъ, а демократическая централизація тянется къ намъ и у насъ заискиваетъ.*" Князь Чарторыйскій былъ очень встревоженъ вѣстью что освобожденный *Мѣрославскій* сталъ въ главѣ познанскаго возстанія; князь Адамъ спѣшилъ на мѣстѣ парализировать его честолюбивые замыслы столь опасные *династіи Чарторыйскихъ*. Предупредительныя обоюдныя вѣжливости между правительствомъ и поляками въ первые дни смутъ въ Берлинѣ, манили князя Адама надеждами и безопасностью его тамъ пребыванія: „Я пріѣхалъ въ Берлинъ съ сердцемъ, исполненнымъ счастливѣйшихъ ожиданій, писалъ отъ 26 Апрѣля 1848 года, къ Барону Арниму, прусскому министру иностранныхъ дѣлъ, и растаюсь съ нимъ съ сердцемъ, растерзаннымъ потерею этихъ надеждъ;" въ двѣ недѣли, дѣйствительно, дѣла совершенно измѣнили свою физіономію.

Мѣрославскому въ 1846 году не удалось сдержать свое обѣщаніе, данное централизаціи демократической партіи польскихъ эмигрантовъ, и „*одурачить стараго дипломата*;" но въ 1848 году, съ 20,000 къ нему приставшихъ молодыхъ волонтеровъ въ его рукахъ была физическая сила, съ которою онъ считалъ себя въ состояніи бороться съ аристократическими языками и перьями Ламберова отеля. Это усиленіе значенія Мѣрославскаго не было однако опасно для князя *Адама*. Ему шестьдесятъ лѣтъ упражнявшемуся въ сферахъ высшей интриги, *Мѣрославскій* могъ казаться только пигмеемъ— противникомъ, тѣмъ болѣе, что въ лагерѣ *Мѣрославскаго* твердо укрѣпились раздоры и зависть, и по-

слѣ всѣхъ сумасбродствъ диктатора, существованіе войска народоваго висѣло на волоскѣ. Другое событіе, задѣло *Чарторыйскаго* за живое, оно подрывалось подъ самое основаніе великаго польскаго проекта, который поляки, подъ шумокъ революціи 1848 года, думали привести въ исполненіе. 1848 годъ долженъ былъ измѣнить карту Европы 1815 г., тогда начерченную относительнымъ могуществомъ народовъ, принявшихъ участіе въ великой борьбѣ; теперь международная симпатія должна была начертать новыя границы, и поляки, считая себя всѣхъ умнѣе и хитрѣе, были увѣрены, что послѣ всѣхъ ихъ заявленій симпатіи къ нѣмцамъ, французамъ, италіянцамъ, венгерцамъ, южно-славянскимъ племенамъ, Польша неминуемо, на первый случай, будетъ утверждена въ границахъ 1772 года.— Въ то время, какъ князь *Чарторыйскій* убаюкивалъ себя надеждою, что своею тонкою дипломатіей онъ убѣдилъ Германію вообще и Пруссію въ особенности, въ необходимости, для ихъ собственнаго блага, возстановленія *сильной Польши*, нѣмцы, въ своихъ стремленіяхъ къ усиленію нѣмецкихъ элементовъ, шли къ своей цѣли, вовсе не обращая вниманія, на навязываемыя имъ поляками симпатіи, и въ тоже время, на пользу Германіи, отъ земли Рѣчи Посполитой, они отрѣзывали цѣлый ломоть—западную Познань, и не одна Пруссія, но весь Германскій Союзъ былъ солидаренъ въ этомъ присоединеніи. Прусскій король 14 Апрѣля раздѣлилъ Познанское Княжество, и западную часть присоединилъ къ Германіи; распоряженіе вполнѣ одобренное франкфуртскимъ Сеймомъ, которое 28 Апрѣля, онъ и подтвердилъ формальнымъ актомъ: *„Новый, седьмой, раздѣлъ Польши!* кричали поляки, *и кѣмъ же совершенъ онъ? раздѣлъ совершилъ либеральный Прусскій король, а утвердилъ его франкфуртскій сеймъ, сеймъ, который долженъ служить образцемъ цивилизированной интеллигенціи интернаціональныхъ тенденцій къ общему европейскому согласію и глубокому уваженію національныхъ правъ, симпатій и традицій.* Наступившій переломъ въ успѣхахъ революціоннаго движенія былъ поводомъ къ наполненію архивовъ эмиграціи цѣлою тучею протестовъ (*); упомянемъ о замѣчательнѣйшихъ, допол-

(*) Польская эмиграція, играя въ правительство, считаетъ свое управленіе дипломатическихъ сношеній или свое министерство иностранныхъ дѣлъ, на ряду съ самыми искустными въ Европѣ. За неимѣніемъ международныхъ договоровъ, трактатовъ и т. п. архивы ея пополняются разными петиціями, манифестами и протестами, съ которыми они обращались къ раз-

имющихъ изображеніе современнаго, тогда смутно еще понимаемаго положенія дѣлъ. Эти протесты были совершенно въ духѣ прежнихъ протестовъ эмиграціи, т. е. всякое событіе было перетолковано, безъ всякой оглядки на истину, для моментальнаго только эффекта. Впрочемъ, въ критическое для эмиграціи наступившее время, она и не могла дѣйствовать иначе, желая во чтобы то ни стало удержаться на полѣ борьбы. По новымъ польскимъ протестамъ, виною всѣхъ польскихъ неудачъ, и бомбардированіи графомъ Кастиліономъ Кракова, были Россія и нѣмецкіе чиновники.

Народовый Краковскій комитетъ протестовалъ, 27 Апрѣля, съ *20 милліонами польскаго народа*, предъ народными собраніями Германіи, Франціи и народами Европы о бомбардированіи Кракова. Въ немъ краковяне признаютъ себя жертвами *низкой и постыдной измѣны*, *слѣдствіемъ адской петербургской махинаціи*, *которая хочетъ истребленія польской національности*, *дабы раздавить Германію*. Къ этому краковяне считали нужнымъ прибавить, что „правительства не допускаютъ полякамъ освободить своихъ крестьянъ.“ Народы Европы! Вы, можетъ быть, не знаете, что поляки понимаютъ подъ словомъ: *освобожденіе?* вы можетъ быть думаете, что поляки хотятъ дать народу только личную свободу? Нѣтъ, наша цѣль была возвышеннѣе, мы хотѣли двумъ третямъ населенія *уступить* поземельную собственность.“ Далѣе мы читаемъ: „Къ оружію! воскликнула Франція, обращаясь къ Польшѣ. Революціи въ Вѣнѣ и Берлинѣ *пригласили* поляковъ къ братскому единству, австрійское и прусское правительства *объявили* (?) просвѣщенному міру, что они признаютъ раздѣлъ Польши преступленіемъ и

нымъ дипломатическимъ лицамъ Европы; они набиты всякими письмами польскихъ дипломатовъ, разговорами поляковъ съ сановниками всѣхъ правительствъ, постановленіями безчисленныхъ польскихъ комитетовъ, донесеніями ихъ агентовъ, эмиссаровъ, журнальными статьями, въ которыхъ что либо упоминается о полякахъ. Архивы польской эмиграціи представляютъ, по свидѣтельству очевидцевъ, самые огромные размѣры. Едва ли эти архивы, считая содержаніе ихъ, конечно, на вѣсъ бумаги, не поспорятъ съ соединенными архивами, за послѣдніе 25 лѣтъ, всѣхъ дипломатическихъ сношеній между первенствующими пятью державами Европы. Изъ богатѣйшаго запаса этихъ архивовъ, они черпаютъ акты *совершившихся фактовъ*, всегда готовые служить подспорьемъ и подтвержденіемъ въ эксцентричныхъ рѣчахъ и писаніяхъ.

ея возстановленіе своимъ долгомъ и крайнею необходимостью. Мы имъ повѣрили. Народы Вѣны и Берлина! обѣщанія вашихъ правительствъ насъ жестоко обманули; ихъ слова были только лицемѣріе и измѣна?“

Протестъ оканчивается словами: „Великодушные нѣмцы! кровь поляковъ — это кровь вашихъ вѣрнѣйшихъ союзниковъ.“

„Франція! любимѣйшая сестра Польши, звѣзда направляющая Европу, ты не оставишь Польши, и исполнишь своя обѣщанія при разставаніи съ ея выходцами, послѣ 17 лѣтняго гостепріимства.“

„Народы Европы! Польша воскреснетъ, потому что Провидѣніе справедливо, ваши собственные интересы требуютъ, чтобы она возстала при вашемъ содѣйствіи!“

Въ протестѣ Позпанскаго комитета, отъ 27 Апрѣля, противъ включенія западной Познани въ германскій союзъ, поляки пишутъ, что „чиновники, забывая священнѣйшія свои обязанности, имѣя только въ виду, что они, какъ нѣмцы, должны упразднить занимаемыя ими мѣста и ни чуть не понимая нужды времени, съумѣли искуственнымъ образомъ подстрекнуть жителей къ просьбѣ — быть присоединенными къ Германіи. Торжественно объявляемъ, пишутъ они далѣе, что когда Польша будетъ возстановлена, мы каждому округу предоставимъ право пристать къ той національности или правительству, къ которому каждый захочетъ; но нынѣ малѣйшее отдѣленіе отъ нашей земли иноземнымъ правительствомъ, мы признали за новый раздѣлъ Польши, и протестуемъ предъ народами Европы.“

Не смотря на протестъ, западная Познань вошла въ составъ Германіи, законная власть была возстановлена во всемъ княжествѣ; комитету народовому оставалось только запереть свою канцелярію. Комитетъ излился протестомъ 30 Апрѣля — длинною пѣснею лебедя; онъ воспѣваетъ въ ней свои судьбы, свои заслуги, свои бѣдствія, прусское предательство. Конечно, никто не усомнится, что всѣ событія представлены въ этомъ актѣ съ польской точки зрѣнія; но какъ этотъ протестъ типически изображаетъ польскіе софизмы и смѣлую изворотливость и самоувѣренность въ превосходствѣ своей дипломатической тонкости, то приведемъ его сущность, пропуская вѣтвистую обстановку и всѣ изображенія *варварскихъ безчинствъ, совершенныхъ необузданными, грубыми и жестокими прусскими солдатами.*

„Познанскій народовый комитетъ возникъ 21 марта, когда

съ величайшими восторгами прусскій народъ требовалъ возстановленія Польши.“

„Національный комитетъ, опираясь на симпатію къ народамъ, особенно *къ нѣмцамъ*, не могъ желать войны съ Германіею. Нація ему поручила *развивать народныя силы симпатіею.*“

„Комитетъ народовый, въ теченіи пяти недѣль, велъ переговоръ съ прусскимъ правительствомъ и не могъ добиться ни одного изъ своихъ правъ, которыя даны ему трактатами 1815 года, и которыхъ можно достигнуть только совершеннымъ національнымъ переорганизированіемъ, на которое король и согласился.“

„Вмѣсто того вотъ что случилось:“

„Во время переговоровъ, 40,000 войска были введены въ княжество; городъ Познань объявленъ на военномъ положеніи. Реакція, возбужденная войсками и своекорыстными чиновниками, обнаружилась между нѣмцами и жидами, которые всякое преобразованіе признали *за измѣну Германіи.* Они срывали наши кокарды и самымъ возмутительнымъ образомъ неистовствовали противъ поляковъ, даже въ нашихъ храмахъ. Тогда пали первые мученики нашего освобожденія. Наше мирное вооруженіе (?) за Польшу, но отнюдь не противъ нѣмцевъ, приняли за мятежъ и насъ аттаковали (*).“

„Чтобъ избѣжать дальнѣйшихъ кровавыхъ столкновеній, народовый комитетъ согласился на конвенцію и обезоруженіе 20000 волонтеровъ, снаряженныхъ на счетъ страны, собравшихся для образованія народовой дѣйствующей арміи, но ни какъ не для дѣйствія противъ Пруссіи.“

„По заключенной 11-го апрѣля въ Ярославцѣ конвенціи съ генераломъ Виллизеномъ, волонтеры были обезоружены, и слѣдовало приступить къ переорганизированію страны; но тутъ соб-

---

(*) Въ польскомъ сочиненіи партіи Чарторыйскихъ: „Урывекъ дзѣіовъ въ В. К. Познаньскимъ 1848 г.“ (отрывокъ дѣйствій въ В. К. Познанскомъ 1848 г.), довольно ясно изображенъ характеръ этого мирнаго вооруженія: „Берлинцы сказали: Польша будетъ возстановлена, а вотъ вамъ покамѣстъ в. княжество познанское; но тутъ зашипѣла централизація: мы не хотимъ даровой Польши, мы сами ее возмемъ, намъ нужна *рухавка.* За этимъ ея философо-демократическимъ аргументомъ, тотчасъ выползъ „*Выдзялъ военный*“ изъ тайныхъ своихъ норокъ, въ которыхъ онъ прятался съ 1846 года, раскинулъ свои безтолковыя распоряженія по краю—и *давай сбивать вездѣ прусскіе орлы, давай скорѣй ковать копья и пики.*“

равшіеся нѣмцы провозгласили Виллизена намѣстникомъ Германіи. Начались стычки между прусскими войсками и нашими кадрами, оставленными для будущей арміи. Онѣ были подавлены нечаяннымъ нападеніемъ превосходныхъ силъ.“

„Комитетъ народовый сдѣлалъ все что могъ; онъ посылалъ депутацію за депутаціею въ Берлинъ, умоляя правительство вывести войска и начать національную переорганизацію страны. Но прусское правительство не хотѣло или не могло защищать поляковъ отъ всѣхъ неистовствъ солдатства, и эти неистовства ежедневно усиливались. Когда нѣмцы такъ зло насъ обманули въ нашихъ *симпатіяхъ*, присоединивъ княжество, даже съ главнымъ его городомъ, къ германскому союзу, когда *сила правды и справедливости раздавлена насиліями, гнусною клеветою и произволомъ*, намъ остается только сложить мандаты, намъ ввѣренныя нашими согражданами, и во всеуслышаніе протестовать предъ лицемъ Европы въ томъ, что *звѣрская сила сломила въ нашихъ рукахъ жезлъ власти.*“

Раздѣленіе Познани надѣлало много шуму; болѣзненная эта вѣсть поразила въ самое сердце польскую эмиграцію. Въ пламенномъ воображеніи, предъ нею рисовалась уже возстановленная, могучая Польша, а въ дѣйствительности въ этой Польшѣ прусскій король, не смотря на увѣреніе всѣхъ польскихъ симпатизаторовъ, отрѣзывалъ значительный ломоть и, при громкихъ одобреніяхъ Германіи, застраховывалъ его во Франкфуртѣ, въ виду могущихъ произойдти дальнѣйшихъ столкновеній; въ неизвѣстной будущности скрывались дальнѣйшія дѣйствія Франціи, Россія примкнула штыкъ и, готовая, спокойно ожидала развязки. Князь Чарторійскій спѣшилъ изъ Берлина—спасать *отчизну*. „Германія послѣдовала за благородною Франціею и объявила себя другомъ и защитницею польской національности,“ писалъ онъ, между прочимъ, 26 апрѣля, главѣ правительства, министру иностранныхъ дѣлъ Франціи,—поэту Ламартину (*). Познань и Галиція могли при этомъ заявить свои права на отдѣльное существованіе, тажо часть Польши, которая за свою

(*) Франція, страшась якобинцевъ, не искала новаго Робеспіера, но на первый случай ввѣрила свою судьбу человѣку, который мало и нѣжно писалъ:

Je chantais, mes amis, comme l'homme respire.
Comme l'oiseau gémit, comme le vent soupire
Comme l'onde murmure en coulant.

Франція смѣло вѣрила, что при Ламартинѣ не будетъ ни террора, ни гильотины.

независимость въ 1831 г. пролила потоки крови, остается безъ всякаго облегченія подъ прежнимъ, ее давящимъ, владычествомъ. Но ни Познань ни Галиція еще не вошли въ свои права, гарантированныя имъ трактатами 1815 года. Польша требуетъ энергическаго покровительства и ожидаетъ его отъ Франціи и другихъ государствъ, понимающихъ *настоятельную надобность* возстановить Польшу, какъ *дѣло высокой политики*. Французскія палаты, въ теченіи 17 лѣтъ, послѣдовательно протестовали торжественно за Польшу; но правительство того времени было глухо къ національнымъ симпатіямъ. Нынѣшнее временное правительство, какъ органъ истинныхъ чувствъ народа, не можетъ подражать примѣру, имѣвшему столь гибельныя послѣдствія."

„Въ виду открытія національнаго собранія великаго народа, мы просимъ у Франціи ея могучаго голоса въ нашу пользу, просимъ правительство объявить, что, при неизбѣжной, близкой перестройкѣ всей Европы, Франція потребуетъ возстановленія Польши. Безъ рѣшительнаго содѣйствія Франціи, ея возстановленіе не состоится. Послѣ перваго порыва великодушія, Германія уже отступаетъ, Пруссія раздѣлила Познань, а Германія слушала *только голоса нѣмецкихъ чиновниковъ, которыхъ переорганизація вынуждала искать другихъ средствъ къ существованію*. Пруссія даже великокняжскую столицу признала нѣмецкою. Первымъ результатомъ симпатій къ Польшѣ былъ еще новый ея раздѣлъ. Если Европа не обратитъ вниманія, то Германія, при ея близорукомъ и своекорыстномъ пониманіи національностей, пойдетъ еще далѣе. Вы обратите, г. министръ, вниманіе на то, что Пруссія выставила германскому союзу, въ числѣ понуждающихъ причинъ, необходимость хорошей для Германіи военной границы."

„При столь неожиданно совершившихся нынѣ событіяхъ, если настойчивыя обстоятельства заставятъ поляковъ возстать тамъ, гдѣ они еще томятся подъ игомъ, неужели Франція еще разъ останется зрительницею ихъ истребленія, не подавъ имъ руку помощи? Строгій долгъ нашъ велитъ откладывать преждевременное предпріятіе, но благосклонный и рѣшительный голосъ Франціи лучше чѣмъ кто либо въ нашей средѣ, можетъ *дать перевѣсъ совѣтамъ благоразумія*."

Франція осталась спокойною зрительницею; князь Чарторыйскій могъ тогда понять *силу народныхъ симпатій* и значеніе поговорки: Господь про всѣхъ, каждый про себя. Польская эмиграція ухватилась за единственную ей оставшуюся надежду— венгерскій мятежъ.

Изъ сотни разныхъ протестовъ, приведемъ нѣсколько словъ изъ написаннаго 15 августа президентамъ центральнаго народоваго комитета Галиціи, *Цилятъмъ*, по случаю раздѣленіе Познани, въ дополненіе посланія *Нековскаго* къ франкфуртскому сейму.

„Этотъ актъ (франкфуртскаго сейма) преступный и своевольный возбудилъ негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей и преисполнилъ ихъ презрѣніемъ къ большинству собранія, которое не остановилось и растоптало священнѣйшія права націи. Европа должна заявить, что франкфуртское собраніе провозглашая эгоистическіе принципы деспотизма и неправды обезображиваетъ идеи, права и свободы, и открываетъ истребительную войну идеямъ прогресса и духу XIX вѣка. Нѣмецкая нація обязана объявить, что ея представители злоупотребили ея довѣріемъ, явились измѣнниками, покрывъ ее вѣчнымъ стыдомъ, и сдѣлавъ ее отвѣтственною въ злодѣйствѣ совершенномъ надъ несчастнымъ народомъ... Польша не переставала существовать... ея борьба не только за ея независимость, и Польша неперестаетъ жертвовать собою за свободу цѣлой Европы... Она предъ лицемъ Европы протестуетъ противъ этого злодѣйства, которое гнуснѣе и страшнѣе всѣхъ дѣйствій буйнаго деспотизма....“

Хотя во время революціоннаго затишья, австрійскій императоръ и переѣхалъ въ окрестности Вѣны, въ загородный свой дворецъ Шенбрунъ, но австрійская имперія была еще далека отъ успокоенія и мятежъ не утихалъ въ Венгріи. Событія требовали раздробленія австрійскихъ войскъ: императоръ далеко не могъ сосредоточить достаточную армію противъ Кошута, бывшаго верховнымъ правителемъ мятежной Венгріи. Радецкій, усмиривъ Ломбардію, долженъ былъ сторожить ее отъ новыхъ замысловъ Карла Альберта, осада бунтующей Венеціи продолжалась; Виндишгрецъ стоялъ съ войсками въ недавно успокоенной Прагѣ, Гамерштейнъ въ Львовѣ, Банъ Кроатскій Іелачичъ былъ главнымъ дѣятелемъ, который, съ славянами, боролся противъ мадъяровъ.

Это положеніе Австріи препятствовало выполненію того кореннаго правила, что мятежъ долженъ быть мгновенно потушенъ. Его продолжительность, съ каждымъ днемъ, безъ энергическаго противодѣйствія, давала ему новыя силы. Предводители мятежа, не щадя будущности, завлеченіемъ или страхомъ, всегда эксплоатируютъ всѣ силы народныя. Въ Венгріи, для устращенія населенія вѣшали безпощадно; въ одной деревнѣ было повѣше-

но за одинъ разъ 32 крестьянина. Часть венгерскихъ полковъ, съ своими туземными офицерами, увлеченные обманомъ, перешли на сторону инсургентовъ, думая защищать законную власть; новобранцы обучались и обстрѣливались; тучи увлеченныхъ юношей, послѣ угашенныхъ мятежей, стремились въ Венгрію на новые подвиги, особенно изъ разсѣеваемой національной гвардіи, которую революціонеры всюду старались заводить; много польскихъ эмигрантовъ, бывшихъ офицеровъ, явились въ Венгрію—предлагать свои услуги, особенно неладившіе съ парижскими эмигрантскими властями; польскіе генералы *Хлапка* и *Дембинскій* начальствовали венгерскими отрядами и притягивали своихъ земляковъ пріятелей, наконецъ явился туда и *Мѣрославскій;* но такъ какъ первостепенныя мѣста были уже заняты, а онъ себя прочилъ не менѣе какъ въ главнокомандующіе, то и упражнялся только въ интригахъ.

На совѣтѣ Кошута съ польскою эмиграціей, было рѣшено—сосредоточить дѣйствіе на Вѣнѣ и Львовѣ. Вѣну слѣдовало еще разъ поднять къ мятежу и утвердить въ ней сильное революціонное правительство, которое бы подняло нѣмецкихъ жителей всѣхъ сосѣднихъ окрестностей, а венгерскія войска должны были къ 1-му ноября подступить къ Вѣнѣ, овладѣть ею и, пользуясь моральнымъ вліяніемъ этого событія и страхомъ венгерскихъ силъ, поднять германскія провинціи австрійской имперіи.

Единовременно съ занятіемъ Вѣны должна была взбунтоваться Галиція, въ которой, при управленіи *Голуховскаго*, революціонеры имѣли всѣ средства развить подземный пожаръ, который долженъ былъ разомъ вырваться наружу по всѣмъ ея городамъ. *Рада народова* въ Лембергѣ, затаившаяся послѣднимъ распоряженіемъ *Стадіона*, начала снова дѣйствовать; по всѣмъ городамъ Галиціи, безопаснымъ отъ крестьянскаго надзора, заводилась *гвардія народова*, которая, подобно львовской, ежедневно упражнялась въ воинскихъ эволюціяхъ. Польская эмиграція распорядилась назначеніемъ *Высоцкаго*, товарища Мѣрославскаго, одной изъ звѣздъ первой величины демократической централизаціи, въ главные военачальники Галиціи и наконецъ всѣ польскіе эмигранты, оставшіеся свободными отъ дѣлъ, послѣ уличныхъ подвиговъ по городамъ Германіи, и всѣ поляки волонтеры, сбѣжавшіеся изъ разныхъ областей, были направлены или на Вѣну или на Львовъ.

Всѣ соединенныя силы Венгріи, Галиціи, и тѣ которыя по-

ляки еще надѣялись собрать, порѣшивъ съ Австріею, должны были устремиться на царство польское и югозападный край Россіи и поднять тамъ все населеніе, расчитывая на сочувствіе и нетерпѣливыя ожиданія тамошнихъ помѣщиковъ. Мѣстный заговоръ, проведенный эмиссарами и мѣстными агентами, по всему западному краю, въ данный моментъ долженъ былъ разразиться общимъ мятежемъ.

Кошутъ, готовя десятками милліоновъ ассигнаціи,—свои, такъ названныя кошутовскія, и фальшивыя австрійскія, не стѣснялся деньгами и высылалъ сколько было нужно въ Вѣну, чтобы снова задобрить и угощать чернь. Въ Вѣнѣ 6 октября вспыхнулъ мятежъ; громадными размѣрами и приготовленіями онъ превосходилъ мартовскій; императоръ уѣхалъ въ Ольмюцъ. Революціонеры овладѣли городомъ, разогнали власти, учредили свое народное правительство, студенты устроили демократическій клубъ общественнаго блага и, помогая революціонному правительству, собирали подать съ населенія и выплачивали ежедневно жалованье городскому пролетаріату и всѣмъ желающимъ приписаться въ ревнители революціоннаго дѣла. Немедленно было приступлено къ образованію и обученію національнаго войска. Князь *Чарторыйскій* прислалъ для этой цѣли готоваго начальника, генерала *Бема*, съ множествомъ офицеровъ— польскихъ эмигрантовъ; высланы были изъ Парижа и всѣ ученики батиньольской школы, которые *съ весны успѣли подрости.* Начальникомъ города былъ журналистъ— отставной офицеръ *Мессенгаузеръ*. Войско достигло громадной цифры 40,000 при 4 эскадронахъ кавалеріи и 18 орудіяхъ. Для отнятія Вѣны изъ рукъ мятежниковъ, *Виндишгрецъ* былъ назначенъ изъ Богеміи, 25 октября онъ осадилъ городъ. Извѣстіе объ осадѣ Вѣны заставило поторопиться венгерцовъ, но не смотря на упорную защиту *Бема* и подходящую помощь, императорскія войска одержали побѣду надъ своими врагами. Венгерцы были отражены, а мятежники, захватившіе Вѣну, сдались на капитуляцію. *Мессенгаузеръ*, два главные коновода *Блумъ* и *Штернау* и нѣсколько человѣкъ, занимавшихся по городу убійствами, были повѣшены; *Бемъ* бѣжалъ въ Венгрію.

Въ Галиціи, по полученіи извѣстій объ октябрскомъ мятежѣ въ Вѣнѣ, гвардія народова все болѣе становилась нахальною; оскорбленія войскамъ были невыносимы, *Гаммерштейнъ* приказалъ постоянными патрулями охранять спокойствіе на улицахъ, вечеромъ 1 ноября была схватка между разгнѣванными

солдатами и студентами, которыхъ патрули едва разогнали, но за тѣмъ открыли по патрулямъ стрѣльбу. Массы народа стали толпиться у гауптвахтъ.

Гаммерштейнъ предвидѣлъ давно развязку; не поддавшись въ ловушку-начать ночью уличный бой, онъ войсками оттѣснилъ толпу, собралъ караулы, выступилъ изъ города, занялъ подлѣ лежащую гору, командующую городомъ и выставилъ орудія. Въ одну ночь всѣ улицы города покрылись обдуманною системою баррикадъ; для сильнѣйшей обороны, въ прилегающихъ домахъ, бойницы были пробиты даже въ стѣнахъ и по чердакамъ. Защитники были распредѣлены по мѣстамъ, впереди студенты зажгли бивачные огни и розданныя имъ графомъ *Стадіономъ* ружья поставили въ пирамиды. *Гаммерштейнъ* утромъ 2 ноября сдѣлалъ туже ошибку, которую *Кастиліони* сдѣлалъ весною въ Краковѣ. Желая спасти городъ, онъ хотѣлъ штурмомъ взять баррикады; но мятежники размѣстили лучшихъ своихъ стрѣлковъ за передовою баррикадою и бойницами, и меткими выстрѣлами поражали подходящихъ солдатъ. Ядра подвезенныхъ легкихъ пушекъ не могли разбивать баррикадъ, а ихъ защитники быстро укрывали за ними головы, при нанесеніи пальниковъ. *Гаммерштейнъ* отвелъ войска, и только меткіе австрійскіе стрѣлки залегли по сосѣдству и тѣшились, издали поражая конфедератки, появлявшіяся въ окнахъ.

Но у *Гаммерштейна* въ укрѣпленіи на песчаной горѣ (Зандбергѣ) была тяжелая артиллерія. Львовцы съ испугомъ увидѣли, что около этихъ пушекъ началось движеніе артиллеристовъ. Граждане догадались о послѣдствіяхъ и обратились къ ярымъ ревнителямъ мятежа— студентамъ; отеческими словами они умоляли ихъ оставить пустыя затѣи, не подвергать городъ участи Кракова и убѣждали ихъ сложить оружіе. Студенты, помнившіе изъ исторіи отвѣтъ Леонида, отвѣчали: „Если *Гаммерштейну* хочется возвратить австрійскія ружья, то пусть— придетъ и возметъ.“ Молодежь громкимъ хохотомъ тѣшилась надъ объятыми страхомъ, предъ ними стоявшими, ораторами и корчила имъ разныя гримасы. Тогда депутація почетныхъ гражданъ, подъ бѣлымъ флагомъ, кинулась къ *Гаммерштейну*, умоляя его пощадить городъ. Депутаты приводили, что они одни пострадаютъ и пострадаютъ невинно, что они сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ, чтобы умиротворить мятежныхъ юношей, но убѣдить ихъ не могли ни какими доводами.

Гаммерштейнъ имъ отвѣтилъ:

„Вы именно, господа, во всемъ и виноваты. Развѣ полиція могла слѣдить за всѣми, предупреждать всякія продѣлки, и разгонять всякую собиравшуюся толпу! Долгъ истинныхъ патріотовъ внушать святость закона и сохраненіе общественнаго порядка, наблюдать за строгимъ исполненіемъ распоряженій правительства и самимъ, соблюдая ихъ, подавать примѣръ; безъ этого не можетъ быть никакой свободы; защищая законъ, мы защищаемъ и нашу свободу. Обо всемъ этомъ никто изъ васъ, господа, прежде не подумалъ. Напротивъ, вы сами—горячіе участники мятежа, потому что вы участвовали во всѣхъ выходкахъ противъ правительства; вы сочувствовали и участвовали во всѣхъ комедіяхъ демонстрацій, маханій платками, бросаній цвѣтовъ и разныхъ распѣваній, вы смотрѣли спокойно и поддакивали, когда чиновниковъ, офицеровъ и солдатъ нагло оскорбляли, а теперь, когда дѣло дошло не до шутокъ, вы изъ кожи лѣзете, чтобы добиться спокойствія и порядка; а не вы ли сами такъ радовались прежде ихъ нарушенію?“ На прощаніе онъ далъ имъ часъ времени, для новыхъ убѣжденій.

Но всѣ моленья гражданъ оставались тщетны. Руководители мятежа получали свои вѣсти и инструкціи; съ часу на часъ они ждали такихъ увѣдомленій изъ Вѣны, которыя *Гаммерштейна* сдѣлаютъ либеральнѣе самого графа Франца *Стадіона*. Они ободряли къ защитѣ, они краснорѣчиво провозглашали, что ойчизна требуетъ отъ патріотовъ держаться до послѣдней крайности, что австрійцевъ бояться нечего. Студенты поглядывали на Зандбергъ и ихъ стало разбирать раздумье; но въ это время колебаній явилась въ университетъ одна изъ первыхъ красавицъ Львова, съ конфедераткой на головѣ, въ контушевкѣ на плечахъ. На офанатизированную патріотку возложили папарализировать увѣщеванія проповѣдниковъ необходимости покориться.“ Не ужели вы станете слушать старыхъ трусовъ, говорила она, когда иноземцы-пришлецы оскорбляютъ вашихъ женщинъ, за то что онѣ плачутъ о потерѣ ойчизны, и въ общей семьѣ согражданъ, изъявляютъ свою скорбь публично. Одна надежда польскихъ женъ въ польской молодежи.“ Коноводы не ошиблись въ придуманной стратагемѣ; патріотка схватила орелъ студенскаго легіона и обратилась съ вопросомъ, кто не пойдетъ за ней на баррикады? Студенты, съ громкими возгласами бросились за ней и открыли снова огонь по выдвинутымъ впереди, ожидавшимъ сдачи войскамъ, *Гаммерштейнъ* подалъ тогда знакъ; въ городъ полетѣли гранаты, ядра и метательныя ракеты.

Когда раздались выстрѣлы артиллеріи, тогда, на громъ орудій, стали прибывать крестьяне изъ окрестныхъ деревень, узнать въ чемъ дѣло и предлагали *Гаммерштейну* свои услуги; генералъ поблагадарилъ ихъ за готовность и поручалъ имъ только, чтобы они бѣглецовъ, которыхъ поймаютъ, представляли бы живыми и цѣлыми. Крестьяне обѣщались и изъявляли полное свое удовольствіе, „что пушки панычамъ поддаютъ жару." Они не ошиблись: по всѣмъ направленіямъ летали снаряды и осколки гранатъ. Львовъ представилъ въ часъ времени страшную картину разрушенія, убитыхъ перестали подбирять, съ трудомъ спасали раненыхъ, огонь былъ въ огнѣ. Университетъ и ратуша были объяты пламенемъ, пожарныя труды оказались безсильными. Пламя охватывало зданія съ такою яростью, что въ узкихъ улицахъ, духота была невыносима; раздались зловѣщіе крики „*все погибло, спасайтесь;*" бѣгущая молодежь переряжалась въ женщинъ. Въ полдень капитуляція была подписана, оружіе было выдано. Чрезъ два часа дѣйствительно пришло извѣстіе изъ Вѣны; но вѣсть была та, что столица на капитуляцію сдалась *Виндишгрецу*. Войска радостно привѣтствовали двѣ побѣды. Эмигрантъ Іосифъ *Высоцкій*, главный распорядитель военныхъ дѣйствій мятежниковъ, назначилъ своимъ разсыпающимся ревнителямъ новое мѣсто сбора—Венгрію.

Высоцкій, присланный въ Галицію, еще лѣтомъ, во время революціоннаго затишья, послѣ совѣщаній съ коноводами, посылалъ отставнаго полковника *Булгарина* въ *Кошуту* съ предложеніемъ ему вспомогательнаго отдѣльнаго польскаго легіона изъ Галиціи. Венгерцы охотно принимали поляковъ въ свои ряды, но при извѣстномъ имъ польскомъ характерѣ, военачальники, опасались отдѣльнаго, изъ нихъ составленнаго, отряда. Послѣ долгихъ переговоровъ, Кошутъ наконецъ далъ согласіе, но съ условіемъ, чтобы число легіонеровъ не прешало́вы 1200 челов. Когда, съ паденіемъ Львова, ни на какія дальнѣйшія дѣйствія нельзя уже было болѣе расчитывать въ Галиціи, *Высоцкій* самъ отправился лично въ Пештъ и тамъ, въ личныхъ переговорахъ, разсѣялъ предупрежденіе *Кошута*, который согласился на польскій корпусъ отъ 15 до 20 тысячъ человѣкъ,—число волонтеровъ, на которое *Высоцкій* расчитывалъ въ своихъ сподвижникахъ, имъ ожидаемыхъ изъ Галиціи.

Во время переговоровъ, прибылъ *Бемъ*, бѣжавшій изъ Вѣны. Бемъ кончилъ войну 1831, бывъ уже въ числѣ кандидатовъ, искавшихъ названія главнокомандующаго польской арміи, когда она спа-

салась къ прусской границѣ, а *Высоцкій*, сынъ бѣдныхъ родителей, началъ только службу во время возстанія 1831 года. По общему правилу, первый былъ изъ сторонниковъ *Чарторыйскаго*, а *Высоцкій* сталъ лицемъ не менѣе значительнымъ въ числѣ кандидатовъ на званіе главнокомандующаго, готовимыхъ демократическою централизаціею. *Бемъ* считалъ *Высоцкаго* не опытнымъ, а *Высоцкій* считалъ *Бема* очень опытнымъ, но только въ искусствѣ интриги.

Польская эмиграція любитъ крупныя числа. По ея предположеніямъ, число ревнителей, которыхъ она располагала направить въ Венгрію со всѣхъ странъ, гдѣ живутъ поляки, должно было составить къ наступающему 1849 году, до двухъ сотъ и никакъ не менѣе 100 тысячь. Съ этою массою поляковъ, которые будутъ ратовать за Венгрію, эмиграція не могла не расчитывать на полный успѣхъ; а послѣ удачно оконченной войны, по ея планамъ, должна была, съ помощью Венгровъ, начаться другая— въ Царствѣ польскомъ. При этихъ всѣхъ проэктахъ, *Бемъ* хотѣлъ выжить лишняго кандидата въ будущіе предводители, да къ тому еще, кандидата противной партіи демократовъ. *Бемъ* началъ интриговать и приготовленная конвенція между *Кошутомъ* и *Высоцкимъ*, равно и проектъ польскаго легіона, разстроились. Нѣсколько сотъ молодыхъ галичанъ, прибывъ въ Венгрію, думали тамъ найдти польскій легіонъ въ полномъ формированіи, а на мѣстѣ они узнали только о продѣлкахъ *Бема*. Разгнѣванные поляки рѣшили его убить; одинъ изъ нихъ *Колодзейскій*, дѣйствительно, пустилъ въ него пулю, которая слегка задѣла *Бема* въ голову. *Бемъ*, при подобномъ настроеніи умовъ, отправился начальствовать въ Трансильванію. *Высоцкій* остался; но число собравшихся ревнителей оказалось далеко менѣе ожидаемаго; сформированный *Высоцкимъ* батальонъ пѣхоты былъ только въ 300 человѣкъ; сестра Кошута— Г-жа *Кудкай* подарила ему знамя; бывшіе коноводы въ Галиціи начальствовали: *Чарницкій* отрядомъ уланъ, *Рембовскій*— егерей, *Воронецкій*— пѣхотою.

Съ успѣхами Венгерскаго мятежа снова сильно стали раздуваться надежды какъ эмиграціи, такъ вообще и всѣхъ поляковъ. Туземцы со дня на день ждали появленія поляко-венгровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сотни польской молодежи торопились въ Венгрію. Польскій легіонъ, подъ главнымъ начальствомъ *Высоцкаго*, съ нетерпѣніемъ ожидалъ послѣднихъ ударовъ австрійцамъ, съ другой

стороны шляхетство Царства польскаго и западнаго края обратилось въ нетерпѣливое ожиданіе.

Въ 1849 году, коноводы революціонной партіи Европы, въ дѣятельности которыхъ самое ретивое участіе принимала польская эмиграція, употребили всѣ свои усилія, чтобы возобновить угасающій пожаръ и раздували его вездѣ, гдѣ надѣялись еще найдти горючій матеріалъ. Италія была поднята вторично, Карлъ Альбертъ снова вторгнулся въ Ломбардію.

Венеція держалась; въ Германіи остатки прошлогоднихъ смутъ проявились новыми, хотя слабыми, волненіями, все вниманіе сосредоточивалось преимущественно на Венгріи. Въ ней мятежъ пустилъ корни продолжительностью свего существованія, военными способностями *Гергея* и энергіею *Кошута*. Онѣ дали мадіарамъ явный перевѣсъ надъ австрійцами. Успѣхи всегда притягиваютъ вниманіе и сочувствіе, а исключительное положеніе, въ которомъ находился мятежъ мадіаровъ относительно европейскихъ революціонеровъ и поляковъ, особенно способствовалъ къ тому, что силы мятежа росли, росли вмѣстѣ съ нимъ и польскія надежды, Революціонныя газеты давали тотъ тонъ европейской журналистики, что общественное мнѣніе не могло установиться, а надежды возвратить потерянное,— отметить за неудачу, подстрекали къ новой дѣятельности; русская дѣйствующая армія, съ выставленными къ западной границѣ другими силами, стояли готовыми къ бою, на случай потытокъ къ вторженію въ наши предѣлы. Европа была въ самомъ натянутомъ положеніи выжиданій, сомнѣній, колебаній и опасеній. Императоръ Николай положилъ конецъ этому тревожному, неестественному положенію дѣлъ.

Всѣ поляки были собраны въ одинъ корпусъ, подъ названіемъ польскаго легіона, ввѣреннаго *Высоцкому*, пожалованному *Кошутомъ* въ генералы. Этотъ корпусъ былъ направленъ на Галицію; онъ долженъ былъ своимъ появленіемъ возобновить въ ней мятежъ и, пройдя Галицію, вторгнуться въ Царство-польское. Русскія войска вступили въ Венгрію и подавили мятежъ. Чѣмъ далѣе отъ насъ будутъ отходить событія, тѣмъ ярче будутъ высказываться эти страницы дѣлъ Императора Николая; спасая Австрію, Государь спасъ и Венгрію отъ самоуничтоженія.

Затѣи 1848 года вожаковъ революціонной партіи начали разъясняться; во Франціи они привели къ учрежденію второй имперіи; польскіе мятежи, при совершенной неспособности поляковъ

удерживать себя отъ мечтательныхъ увлеченій, рушились при первомъ твердомъ столкновеніи съ болѣе энергическимъ проявленіемъ законной власти, и вожакамъ осталось широкое поприще въ протестахъ сообщать Европѣ, какими благодѣяніями они хотѣли осчастливить человѣчество. Въ Венгріи, въ лицѣ адвоката *Кошута*, стремленія этихъ благодѣтелей рода человѣческаго выразились яснѣе.

Кошутъ, ретивый членъ европейскаго революціоннаго ареопага, принялся за исполненіе революціонной программы, составленной въ Парижѣ для 1848 года. Венгерцы начали съ запроса свободы печати, употребленія національнаго языка, національной гвардіи и т. д. Императоръ Фердинандъ утвердилъ все требуемое. Венгерцы свою національность хотѣли навязать и славянскимъ племенамъ, требуя общаго примѣненія для Венгріи императоромъ дарованныхъ правъ; славянскія племена возстали противъ венгерскихъ притязаній, примѣняя къ своей національности, дарованныя права. *Кошутъ*, для котораго императорскія уступки были только началомъ его программы, двинулъ своихъ отуманенныхъ земляковъ, горячо сочувствующихъ преобладанію мадіаровъ, взяться за оружіе. Кровавая распря началась между мадіарами и славянами; каждая сторона ратовала для приведенія въ исполненіе дарованныхъ императоромъ правъ, и венгерскіе полки, приведенные къ присягѣ конституціи данной императоромъ были, этою уловкою, втянуты въ мятежъ, и подъ ихъ эгидою начали устроиваться вновь набираемыя венгерскія войска. При продолжительности мятежа и безпрерывныхъ военныхъ дѣйствіяхъ новобранцы начали обстрѣливаться. *Гергей*, прежде бывшій поручикъ венгерской императорской гвардіи, событіями возстанія и военными своими способностями, попалъ въ генералы; онъ писалъ что для того, чтобы этихъ бѣдныхъ гонведовъ пустить въ огонь, ему нужно ставить „по гусару на флангахъ и пушку въ срединѣ,“ но съ небольшимъ вполгода, молодыя войска стали удовлетворительными солдатами.

Венгерская армія, по словамъ *Гергея*, боролась за конституцію 1848 года, дарованную императоромъ Фердинандомъ, какъ королемъ венгерскимъ, которому присягала въ вѣрности; въ деклараціи венгерскаго верхне-дунайскаго корпуса, написанной его начальствующимъ *Гергеемъ* въ Вайценѣ, армія заявляла, что она противна всякимъ республиканскимъ стремленіямъ и повинуется только конституціонному министерству.

Подобное заявленіе какъ громомъ поразило *Кошута*; у экс-адвоката вовсе не были на умѣ патріотическія мадіарскія стремленія къ полной автономіи для Венгріи; его тайныя вымыслы были отдѣлиться совершенно отъ Австріи, и стать въ главѣ Венгріи. Вайценская прокламація ему уяснила, что въ *Гергеѣ* онъ не найдетъ ни помощника, ни сторонника своихъ честолюбивыхъ замысловъ; *Кошутъ* искалъ между поляками, своими парижскими друзьями, опытнаго вождя для венгерской арміи, которые ни какъ не мѣшали бы его себялюбивымъ планамъ; онъ призывалъ старыхъ польскихъ генераловъ *Дембинскаго* и *Бема*, и первому было ввѣрено главное начальство арміею, а второму, какъ было сказано, народной гвардіи города Вѣны.

Верхнедунайскій корпусъ долженъ былъ, по словамъ *Гергея*, распуститься среди венгерско-польской революціонной арміи, дабы ни что не мѣшало Октавію *Кошуту*, Антонію *Бему* и Леониду *Дембинскому поиграть въ маленькій тріумвиратъ*.

Съ польскими эмигрантами военачальниками, *Кошутъ* надѣялся вполнѣ уладить дѣло и стать независимымъ, признаннымъ диктаторомъ отдѣлившейся Венгріи, а для того, если бы потребовалось, огнемъ и мечемъ пройдти Австрію и Польшу и на общемъ разрушеніи, основать свое владычество. Таковы были, говоритъ Лабулей, (*) затаенная мысль, и честолюбивыя мечты *Кошута*. *Бемъ* и *Дембинскій* принадлежали къ партіи Ламберова отеля; понятны противудѣйствія, встрѣченныя *Высоцкимъ*, военачальникомъ, созданнымъ демократическою централизаціею польской эмиграціи.

Дембинскій, послѣ двухдневнаго боя при *Кополнѣ*, долженъ былъ отступить за *Тиссу*; причину своего пораженія онъ свалилъ на *Гергея*, но войска разсуждали иначе; они не вѣрили въ провозглашаемыя поляками, великія военныя таланты *Дембинскаго*, а вѣрили въ *Гергея*, который водилъ ихъ къ побѣдамъ. Венгерцы отказались повиноваться поляку— главнокомандующему. Коммисаръ венгерскаго войска *Шемере*, не посвященный въ таинства парижскаго ареопага, чистѣйшій республиканецъ, который тоже былъ далекъ отъ того, чтобы содѣйствовать личнымъ расчетамъ *Кошута*,—смѣнилъ главнокомандующаго. *Кошутъ*, твердый въ наукѣ революціонеровъ, всевозможными интригами, хотѣлъ препятствовать призванію *Гергея*, но неуспѣлъ.

(*) Etudes contemporaines.

Гергей сталъ главнокомандующимъ; только при этомъ назначеніи, венгерскія войска надѣялись на спасеніе.

Обстоятельства были плачевныя. *Виндишгрецъ* занялъ уже половину Венгріи, Пештъ былъ въ рукахъ австрійцевъ. Изъ Вѣны прибыли новыя правительственныя повелѣнія о распущеніи мятежнаго венгерскаго сейма; новою хартіею Венгрія была низведена до простой области, привилегіи мадіаровъ были отняты, а кроатскій банъ *Іелачичъ* былъ назначенъ въ Венгрію императорскимъ намѣстникомъ.

Назначеніе талантливаго *Гергея* измѣнило ходъ дѣлъ, успѣхи перешли на сторону венгерцевъ; осада Коморна была снята, венгерцы перешли Дунай, и угрожали Вѣнѣ; славянскія племена снова увидѣли, что военныя событія ихъ возвращаютъ подъ мадіарское начало; побѣда *Гергея* подъ Исачегомъ окончательно вскружила голову *Кошуту*. Экс-адвокатъ прибылъ къ арміи (7-го апрѣля 1849 г.), изъявилъ войскамъ свое удовольствіе и въ длинной рѣчи заявилъ о вѣчной имъ благодарности націи.

За тѣмъ *Кошутъ* призвалъ къ себѣ *Гергея* и съ глазу на глазъ хотѣлъ его обратить въ свое орудіе, посвятить его, хоть слегка, въ тайны своей личной политики. Не страшась опроверженія *Кошута*, *Гергей* самъ обнародовалъ этотъ разговоръ въ своемъ „Mein Leben und Wirken in Ungarn,“

Эта бесѣда весьма характерична. Съ одной стороны стоитъ одинъ изъ главныхъ вожаковъ европейскихъ революціонеровъ, усердный союзникъ и ученикъ польскихъ эмигрантовъ, ими воспитанный и ободряемый вожакъ, псевдоблагодѣтель народа, алчущій власти, вынужденный высказаться, чтобъ идти далѣе по своей себялюбивой программѣ; онъ взвѣшиваетъ свои слова, обманываетъ подъ личиною искренности. Его собесѣдникъ—венгерецъ, проникнутый всѣми мадіарскими домогательствами, за чистую монету принимавшій всѣ прокламаціи и возгласы *Кошута*, и вѣрившій, что единственная его цѣль была только благоденствіе соотечественниковъ; но этотъ венгерецъ былъ не строитель воздушныхъ замковъ; онъ не былъ ослѣпленъ властолюбіемъ, онъ понималъ, что возможно и что невозможно, что честно и что коварно.

„Настало время, говорилъ, между прочимъ, *Кошутъ*, высказывая свою искуственную исповѣдь, отвѣтить на хартію 4-го марта, совершеннымъ отдѣленіемъ Венгріи отъ Австріи; терпѣніе націи исчерпано. Если она достойна свободы, то она не должна довольствоваться отверженіемъ императорскихъ притязаній, но она должна от-

вѣтить на нихъ справедливымъ возмездіемъ. Народы Европы, по отвѣту венгерцевъ, будутъ судить чего они стóятъ; отъ этого приговора будутъ зависить ихъ *симпатіи*. Англія, Франція, Италія, Турція, даже Германія, не исключая Австріи, только ждутъ нашей декларацій независимости, чтобы придти къ намъ на помощь, и тѣмъ съ большею энергіею, что они промедлили явиться помогать намъ. Наши братья поляки, столь испытывающіе чужеземное тяжко суровое владычество, послѣдуютъ ихъ примѣру. Лишь только мы соединимся, мы найдемъ союзника въ Турціи, которая столько претерпѣла отъ политики Россіи и Австріи. Свобода Европы связана съ нашею. Если мы побѣдимъ, то мы насчитаемъ столько знаменъ возставшихъ противъ ненавистныхъ правительствъ, сколько находится народовъ въ униженія."

„Наше торжество несомнѣнно; но мы не должны думать только о себѣ. Мы можемъ и мы должны драться за свободу всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ намъ успѣха. Наши слова должны предшествовать нашимъ дѣламъ; *наше провосглашеніе побѣды должны предшествовать несомнѣннымъ нашимъ будущимъ успѣхамъ, дабы провозгласить всѣмъ порабощеннымъ народамъ приближеніе освобожденія, дабы они поджидали и были готовы, дабы они не пропустили часа спасенія и дабы не дать времени нашимъ общимъ врагамъ сговориться, соединиться и усилиться.* Мы не должны молчать теперь, когда хартія положила вопросомъ наше существованіе. *Наше молчаніе сочтутъ признаніемъ этого акта;* плоды всѣхъ побѣдъ будутъ утрачены. Мы должны высказаться, и высказаться такъ, чтобы *наше воззваніе оживило національныя чувства, отняло бы всякую увертку у всѣхъ колеблющихся, парализирующихъ сеймъ и весь край; наше воззваніе должно заставить замолчать всѣ партіи въ виду близкаго достиженія цѣли, нашей столь возвышенной цѣли; такимъ воззваніемъ вѣрная побѣда будетъ облегчена и ускорена.*"

Въ этихъ словахъ *Кошута*, онъ высказалъ частью теорію революціонныхъ вожаковъ, частью и средства, ими принимаемыя для ослѣпленія и увлеченія своихъ жертвъ. *Кошутъ* надулся послѣдними военными успѣхами своего собесѣдника, и какъ истый адвокатъ, краснорѣчивою декларацією кинувъ Европѣ тучу пыли въ глаза, считалъ процессъ выйграннымъ. Его собесѣдникъ, виновникъ этихъ побѣдъ, знавшій войну и средства, и не угорѣлый всѣми тайными

комбинаціями революціонныхъ знаменитостей, понималъ событія въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

„Все, что вы мнѣ говорите, отвѣчалъ *Гергей*, для меня темно. Не словами мы достигнемъ цѣли, а дѣлами. Внѣ Венгріи ни одна рука не подымется для совершенія этихъ дѣлъ, а соберутся только арміи, чтобы намъ противудѣйствовать. Допустимъ, что Венгрія нынѣ достаточно сильна, чтобы отдѣлиться отъ Австріи, но развѣ она достаточно сильна, чтобы поддержать свою независимость въ томъ сосѣдствѣ, при которомъ Порта, гораздо въ выгоднѣйшемъ положеніи, существуетъ только изъ милости. Правда, мы теперь наносили австрійцамъ ударъ за ударомъ, но это стоило намъ самыхъ напряженныхъ усилій. Насъ при этомъ поддерживало чувство правоты нашего дѣла, но съ отдѣленіемъ Венгріи отъ Австріи, мы ее утрачиваемъ; наша борьба будетъ не за законъ, а противъ закона; она не будетъ необходимою защитою, а будетъ нападеніемъ даже на существованіе австрійской монархіи. Когда мы подобною декларацією смертельно кольнемъ миліарды старыхъ интересовъ и уважаемыя симпатіи; когда мы на нашу родину вызовемъ всѣ гибельныя послѣдствія революціи, которой вовсе не требуютъ нынѣшнія обстоятельства, когда мы толкнемъ на клятвопреступничество наши старыя войска, поразимъ нравственно воиновъ, составляющихъ сердце нашей арміи,—тогда мы будемъ только ослабѣвать съ каждымъ днемъ, а наши враги найдутъ въ сосѣдяхъ своихъ природныхъ союзниковъ, противъ насъ, разрушителей европейскаго равновѣсія.“

„Вы говорите что мы молча не должны принять изданную хартію. Да развѣ послѣднія событія означали молчаливое ея признаніе? Я не знаю, что можетъ нравиться народамъ Европы, но я ясно понимаю одно, что малѣйшій успѣхъ на полѣ боя намъ доставляетъ болѣе пользы и славы, чѣмъ самыя пышныя деклараціи. Лучшій отвѣтъ на вѣнскія, министерскія химеры, это побѣды нами одержанныя, во имя Фердинанда, нашего законнаго Короля и во имя имъ дарованной намъ конституціи 1848 года.“

Эти слова смутили *Кошута*; они доказывали ему, что успѣхъ, есть только слѣдствіе совершенныхъ дѣлъ, они разбивали въ дребезги теорію революціонеровъ, которые надѣялись достигнуть своихъ цѣлей ослѣпленіемъ общественнаго мнѣнія и легальными изворотами законныхъ правительственныхъ актовъ. Для справы революціонеровъ, сторонники адвокаты были первые бойцы, *Ко-*

жуть, какъ самъ адвокатъ, болѣе всего смотрѣлъ на митевъ, какъ на политическій процессъ, въ которомъ главную роль должны играть разныя прокламаціи, декларацiи и протесты,— плоды той науки, въ которой такъ изощрялись поляки еще со временъ Рѣчи посполитой, и которыхъ не вразумили даже и три послѣдовательные раздѣла Польши. *Кошутъ*, который домогался верховной власти въ Венгріи, до того былъ не знакомъ съ дѣйствительною практическою жизнью, что онъ съ видомъ сомнѣнія спросилъ *Гергея*: „неужли старыя войска въ самомъ дѣлѣ привязаны къ императору Фердинанду и къ конституціи 1848 года.“

„Да развѣ вы не поняли, возразилъ ему *Гергей*, что послѣ выхода изъ Пешта, моя вайценская прокламація была единственнымъ средствомъ, для удержанія старыхъ полковъ отъ перехода въ императорскій лагерь, а единственно этимъ полкамъ мы обязаны нашими побѣдами. Я ничего не зналъ о декларацiяхъ противъ *Дембинскаго*, а что жъ ихъ вызвало? одно только опасеніе, что со мною они потеряютъ начальника, который уважаетъ присягу, ими данную подъ знаменемъ. Еслибы императоръ Фердинандъ стоялъ предъ нами, я безбоязненно пригласилъ бы его въ лагеръ безъ оружія и тѣлохранителей, чтобы тамъ принять привѣтствіе арміи; будьте увѣрены, что ни одинъ солдатъ не отказался бы пристать къ общимъ возгласамъ.“

Кошутъ, по видимому, отнесъ слова *Гергея* къ недостатку увлеченія его политическими идеями; онъ пресѣкъ разговоръ и болѣе не упоминалъ объ отдѣленіи Венгріи отъ Австріи.

У *Гергея* была опытность и онъ ясно видѣлъ положеніе дѣлъ; онъ зналъ, что расчитывать должно на положеніе враждующихъ сторонъ, и настроеніе умовъ, а не на слова; а *Кошутъ* былъ только краснорѣчивый ораторъ, трибунъ, увлекаемый своимъ воображеніемъ и властолюбіемъ; онъ, подъ впечатлѣніями настоящаго, и самъ услаждался звуками собственныхъ рѣчей; по его понятіямъ, пишетъ Лабулей, говорить значило дѣлать, управлять значило увлекать массы громкими словами, возбуждать въ нихъ страсти, угощать ихъ одуряющею чашею, не думая о раскаяніи и разочарованіи при пробужденіи.

Кошутъ, разочарованый *Гергеемъ*, отправился въ засѣданіе сейма, на которомъ надѣялся, что его краснорѣчіе доставитъ ему торжество, болѣе легкое.

„Сеймъ, дѣйствительно, пишетъ Лабулей, увлекся словами *Кошута*, который съ жаромъ изображалъ побѣды арміи, за ко-

торою онъ слѣдовалъ; въ паралель съ безсиліемъ австрійцевъ, онъ ставилъ героическіе подвиги мадіаровъ. Онъ требовалъ, чтобы Венгрія, со всѣми своими областями, со всѣми своими натуральными правами, была возстановлена независимою, а габсбурскій домъ, *за его клятвопреступничество, былъ наказанъ торжественнымъ отрѣшеніемъ отъ престола, предъ лицемъ Бога и вселенной.* Пламенною рѣчью *Кошутъ* разжегъ національное чувство, увлекъ сеймъ, упоенный военными успѣхами, вызвалъ громкія рукоплесканія, и его предложеніе было принято единодушно; но *Кошутъ* умолчалъ о томъ,—монархію или республику должна составать Венгрія; на первый случай онъ повелъ дѣло такъ, что былъ избранъ *диктаторомъ.*

Тогда послѣдовало раздвоеніе въ мятежной власти: *Кошутъ*, съ своими приверженцами—поляками, генералами *Дембинскимъ* и *Бемомъ*, не отступали не только отъ плана отдѣленія Венгріи, но они только мечтали о томъ, чтобы снова отреволюціонировать Европу. Диктаторъ создавалъ проектъ изъ Венгріи образовать нѣчто въ родѣ Бельгіи, между Россіею и Австріею, несмотря на разноплеменность народовъ, которые ее населяютъ. Даже друзья *Кошута* подсмѣивались надъ подобными воздушными замками.

Чтоже касается *Гергея*, то онъ, какъ главнокомандующій, думалъ только о томъ, чтобы спасти мадіарскую національность и ея административную независимость, и потому онъ выжидалъ удобнаго случая вступить въ переговоры, въ надеждѣ сохранить конституцію 1848 года. Расчитывая на успѣхи своего оружія, онъ хотѣлъ двинуться на Вѣну, и тамъ предложить честный миръ. Вступленіе русскихъ войскъ разрушило надежды *Гергея* и воздушные замки *Кошута* и его окружавшихъ поляковъ. При вѣсти о русской помощи, славянскія племена Венгріи заликовали, а диктаторъ потерялъ голову.

Слѣпо слѣдуя революціонной теоріи польскихъ эмигрантовъ, онъ велѣлъ проповѣдывать противъ русскихъ крестовый походъ, призывалъ венгровъ защищать свою вѣру; жители недоумѣвали, видя, что протестантъ—диктаторъ кинулся въ духовныя процессіи, молебствія за сохраненіе вѣры, перенесеніе мощей и т. п.; никто не вѣрилъ, что костелу угрожаетъ какая либо опасность. Тогда *Кошутъ* думалъ спасти свою власть, приказавъ истребить всѣ запасы, угнать стада, сжечь деревни, обратить Венгрію въ пустыню, въ которой русскіе не находили бы средствъ къ продовольствію. „Таковы были распоряженія диктатора, говоритъ Лабу-

лей, политика, свирѣпая даже въ непріятельской землѣ, а не только относительно управляемаго народа; сила обстоятельствъ эту мѣру сдѣлала невозможною.“ Утѣшаемый поляками, *Кошутъ* надѣялся на Францію и Англію, но изъ венгерцевъ онъ одинъ вѣрилъ въ эту химеру; *Дембинскій* интриговалъ о смѣщеніи *Гергея*; диктаторъ пытался поставить своего пріятеля поляка въ главнокомандующіе, но войска заявили такое негодованіе при этой вѣсти, что онъ долженъ былъ уступить.

При успѣхахъ законнаго правительства, возстановленныхъ русскимъ оружіемъ, венгерскій сеймъ сталъ размышлять о покорности и о томъ, чтобы, обратясь къ императору Николаю Павловичу, просить его быть посредникомъ между Венгріею и австрійскимъ императоромъ.

Диктаторъ видѣлъ, что его власть окончательно пала; къ какому же средству прибѣгнулъ онъ, чтобы поддержать свое значеніе? Онъ предложилъ корону св. Стефана русскому Монарху. Генералъ адъютантъ *Ридигеръ*, получивъ о томъ письмо, отвѣтилъ, что венгерцы, со всякими заявленіями покорности, должны обращаться къ законному своему государю въ Вѣну, а что русскіе прибыли только усмирять мятежниковъ.

Гергей, предъ русскими войсками сложилъ оружіе, *Кошутъ съ* польскимъ легіономъ, бывшимъ подъ начальствомъ *Высоцкаго*, ушелъ въ Турцію.

Перебрались туда и участвовавшіе въ венгерскомъ мятежѣ польскіе генералы; *Бемъ* принявъ исламизмъ, принялъ и названіе Мюрадъ—Паши.

Число поляковъ, прибывшихъ въ Турцію съ *Высоцкимъ*, *Бемомъ* и *Дембинскимъ* доходило до 900 человѣкъ.

Приведемъ изъ сочиненій Высоцкаго его мнѣніе о соотчичахъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ 1848 и 1849 годовъ: „При всей ихъ храбрости, у нихъ совершенный недостатокъ любви къ порядку и къ подчиненію; правительство (польской эмиграціи) постоянно назначало новыхъ *довудцевъ* и новыхъ *организаторовъ*, съ обширною властью; всякій хотѣлъ начальствовать и никто не хотѣлъ повиноваться, по желанію, всякій могъ переходить изъ одной роты въ другую; кто болѣе о себѣ кричалъ или важничалъ, тотъ скорѣе и добывалъ себѣ повышенія. Другая причина болѣзни польскаго легіона таилась въ домашнемъ и умственномъ образованіи польской молодежи, совершенно не пригодномъ для военнаго дѣла.“

„Замѣчательная путаница въ понятіяхъ, при примѣненіи со-

ціальныхъ оснований къ военному дѣлу и положенію Польши, подчиненной иноземнымъ правительствамъ, выражалось тѣмъ, что всякія противудѣйствія старшимъ, принимались за добродѣтель и отвагу, и что непрерывающіеся заговоры для низверженія дѣйствующей власти были принимаемы какъ насущный хлѣбъ истиннаго патріота, какъ высокая цѣль всѣхъ мыслей, желаній и стремленій."

(Продолженіе впредь.)

КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ?

(Найденный въ 1851 году въ Загоровскомъ монастырѣ историческій памятникъ, относящійся къ рѣшенію этого вопроса).

(По поводу историческаго изслѣдованія о первомъ Лжедимитріи г. Н. Костомарова).

„Что именно *Григорій Отрепьевъ*, а не кто другой былъ первымъ у насъ Лжедимитріемъ, это согласно утверждаютъ всѣ русскія свидѣтельства, которыя отвергнуть нѣтъ возможности."

„Кто былъ первый Лжедимитрій?" Подъ такимъ заглавіемъ, какъ извѣстно, вышла недавно въ свѣтъ брошюра г. *Н. Костомарова*. (Историческое изслѣдованіе. Спб. 1864 г. 63 страницы). Вскорѣ затѣмъ появилась въ *Днѣ* статья г. *Н. Бицына*, (№ 51-й и 52-й, 1864 г.), подъ заглавіемъ: „Правда о Лжедимитріи." Наконецъ, въ февральской книжкѣ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій за 1865 г., напечатана статья студента *Иконникова*, подъ заглавіемъ: „Кто былъ первый самозванецъ?" Немаловажный и весьма любопытный вопросъ о личности перваго Лжедимитрія рѣшается въ этихъ изслѣдованіяхъ гг. Костомарова, Бицына и Иконникова, не столько на основаніи фактовъ и какихъ-нибудь новыхъ историческихъ открытій и доводовъ, сколько на основаніи догадокъ, предположеній и личныхъ воззрѣній изслѣдователей на историческіе памятники наши, на свидѣтелей и свидѣтельства,— довольно оригинально и своеобразно. Не мѣсто и не время

разбирать здѣсь подробно эти рѣшенія и распространяться о томъ, какимъ именно историческимъ свидѣтельствамъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ дать предпочтеніе въ рѣшеніи этого вопроса, и почему;— равно и о томъ, что въ помянутыхъ догадкахъ, рѣшеніяхъ и объясненіяхъ гг. Костомарова, Бицына и Иконникова кажется намъ исторически и психологически вѣрнымъ и что невѣрнымъ, и на какомъ основаніи. Мы имѣемъ въ виду указать здѣсь только тотъ положительный отвѣтъ на вопросъ г. Костомарова, на который наводитъ насъ, вмѣстѣ съ другими, по нашему мнѣнію, наиболѣе достовѣрными свидѣтельствами, одинъ, недавно открытый, историческій памятникъ, который, какъ видно, неизвѣстенъ ни г. Н. Костомарову, ни гг. Н. Бицыну и Иконникову, но который, какъ мы думаемъ, прямо относится къ рѣшенію поставленнаго нами вопроса о личности перваго нашего Лжедимитрія. Намъ кажется, что этотъ памятникъ гораздо проще, категоричнѣй и вѣрнѣе многихъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ рѣшаетъ вопросъ не только о томъ, *кто былъ первый Лжедимитрій*, но и нѣкоторые другіе, соприкосновенные къ нему, историческіе вопросы, и указываетъ нѣкоторыя обстоятельства, относящіяся къ первому Лжедимитрію, доселѣ неизвѣстныя.

Какъ и слѣдовало ожидать, судя по личнымъ воззрѣніямъ г. Костомарова на факты, на историческіе памятники наши, на свидѣтелей и свидѣтельства, а также на нѣкоторыя психическія явленія,—первымъ выводомъ своего историческаго изслѣдованія ставитъ онъ слѣдующій: „Мнѣніе, что первый, назвавшій себя Димитріемъ и Гришка Отрепьевъ есть одно и тоже лицо, не подтверждается ни несомнѣнными современными свидѣтельствами, ни ходомъ обстоятельствъ того времени.“ Яснѣе сказать, г. Костомаровъ полагаетъ, что нѣтъ достаточнаго основанія считать перваго Лжедимитрія нашего именно *Григоріемъ Отрепьевымъ*. Къ подобному заключенію приходитъ и г. Бицынъ. Онъ полагаетъ, что самозванецъ, царствовавшій на Москвѣ, и тотъ, который на Москвѣ врагами Бориса заготовлялся, два разныя лица, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою особую біографію. Онъ не отрицаетъ, что на Москвѣ заготовлялся боярами именно Григорій Отрепьевъ; но полагаетъ, что царствовалъ подъ именемъ Димитрія не Гришка, а совсѣмъ другой, неизвѣстный, *нѣкто подстивной*, особо и самостоятельно въ Литвѣ іезуитами подготовленный. Студентъ Иконниковъ идетъ по слѣдамъ профессора Костомарова, но шагнулъ

гже гораздо далѣе своего путеводителя. Полагая, что французу Маржерету слѣдуетъ вѣрить гораздо болѣе, нежели соотечественнику своему, патріарху Іову, студентъ Иконниковъ готовъ уже видѣть въ первомъ самозванцѣ нашемъ *истиннаго сына Іоанна Грознаго*, совершеннѣйшаго человѣка и образцоваго монарха... Весьма натурально, что такой *прекрасный* взглядъ студента Иконникова вполнѣ придется по вкусу не только современнымъ намъ, но и позднѣйшимъ потомкамъ тѣхъ добрыхъ сосѣдей нашихъ, которыхъ почтенные предки съ такою энергіею помогали обманщику, согласно желанію его, сдѣлаться царемъ на Москвѣ. Обманывать, видите ли, насъ, по всѣмъ правиламъ ихняго катихизиса, было для нихъ всегда весьма пріятно; но видѣть, что мы сами себя добровольно и произвольно обманываемъ, безъ всякаго сомнѣнія, для нихъ несравненно пріятнѣе... Желательно, чтобы наши, какъ историческія, такъ и всякія другія изслѣдованія, раскрывали и разъясняли истину, а не запутывали и затемняли ее...

Вотъ въ томъ-то и дѣло, скажемъ мы съ своей стороны на приведенное нами положеніе г. Н. Костомарова,—въ томъ-то и дѣло, что именно тотъ фактъ, что Григорій Отрепьевъ, а не кто другой, былъ первымъ у насъ Лжедимитріемъ, подтверждается вполнѣ опредѣленно и положительно, *какъ ходомъ обстоятельствъ появленія перваго Лжедимитрія, такъ и современными, наиболѣе достовѣрными свидѣтельствами*;—слѣдуетъ только правильно сообразить ходъ этихъ обстоятельствъ и безъ предубѣжденій и пристрастія выслушать достовѣрнѣйшія современныя свидѣтельства, не давая имъ неправильныхъ и произвольныхъ толкованій и не пускаясь безъ надобности въ область невѣроятныхъ догадокъ и предположеній. Къ такимъ-то именно современнымъ свидѣтельствамъ, указаннымъ Карамзинымъ, Устряловымъ, Соловьевымъ, самимъ г. Костомаровымъ и другими, спеціальными изслѣдователями этого историческаго вопроса, и болѣе или менѣе всѣмъ извѣстнымъ,—въ 1851 году прибавилось еще одно и, быть можетъ, наиболѣе достовѣрное; потому что это *собственноручное* свидѣтельство того именно лица, о которомъ у насъ рѣчь идетъ. Объ немъ, какъ мы выше сказали, не упоминаютъ ни г. Костомаровъ, ни гг. Бицынъ и Иконниковъ, а между тѣмъ онъ представляетъ собою не маловажное возраженіе противъ указанныхъ нами ихъ мнѣній о личности перваго нашего Лжедимитрія. Мы думаемъ, что разрѣшить напередъ это, такъ сказать *фактическое*, воз-

раженіе противъ ихъ положеній, а правильнѣе сказать— *предположеній*, было необходимо, чтобъ можно было дозволить себѣ съ надлежащею основательностію допустить подобные выводы. Фактъ, о которомъ мы здѣсь говоримъ, не маловажный самъ по себѣ, становится очень важнымъ именно тѣмъ, что онъ *вмѣстѣ подтверждается, какъ ходомъ обстоятельствъ появленія перваго нашего самозванца въ Литвѣ и на Волыни, такъ и современными, по нашему мнѣнію, наиболѣе достовѣрными, свидѣтельствами, подтверждая и самъ, съ своей стороны, столькоже истину этихъ свидѣтельствъ.*

Фактъ, который мы здѣсь разумѣемъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Извѣстно, что въ библіотекѣ *Загоровскаго*, Волынской губерніи, Владимірскаго уѣзда, монастыря (бывшаго уніятскаго, а нынѣ православнаго), въ 1851 году найдена *книга Василія Великаго о постничествѣ*, острожской 1594 года печати, на которой, внизу по листамъ, сохранилась слѣдующая подпись: *„Лѣта отъ сотвореніе миру 7110* (ЗРІ), *мѣсяца августа въ 14* (ДІ) *день, сію книгу Великого Василія далъ намъ І. Григорію, царевичу Московскому, зъ братею, съ Ворламомъ да Мисаиломъ, Константинъ Констянтиновичъ, нареченный во светомъ кресценіи Вагилей, Божіею милостію пресвѣтлое княже Острожское, воевода Кіевскій“* Почеркъ этой подписи—полууставный, какимъ писали у насъ въ XVII столѣтіи... Не знаю, кто, сколько-нибудь знакомый съ русскою исторіею и палеографіею, не узналъ бы въ этой подписи, даже съ перваго взгляда на нее, перваго нашего Лжедимитрія, и притомъ въ лицѣ именно *Григорія Отрепьева*, извѣстнаго бѣглаго монаха Чудова монастыря. Буква *I*, передъ словомъ *Григорію*, быть можетъ значитъ *іеродіакону*. Подъ словомъ *Григорію* стоятъ слова: *царевичу Московскому...* Смыслъ подписи очевиденъ. Она говоритъ вполнѣ ясно и опредѣленно, что эта книга получена въ даръ Григоріемъ (Отрепьевымъ) и извѣстными его спутниками, Варлаамомъ и Мисаиломъ, отъ Константина Конст. князя Острожскаго, 14 августа 7110 (1602) года. Слова: *„далъ намъ Григорію,“* тотчасъ заставляютъ думать, что подпись сдѣлана *собственною рукою Григорія*. Этотъ-то Григорій тутъ-же называетъ себя прямо *царевичемъ московскимъ*... Необыкновенно важно то, что мысль этой подписи вполнѣ согласна съ обстоятельствами пребыванія перваго самозванца нашего къ Литвѣ, на Волыни,—сколько мы знаемъ эти обстоятельства по достовѣрнѣйшимъ, современнымъ свидѣтельствамъ. Такъ, на примѣръ, *челобитная чернеца Варлаама*, о которомъ упоминается въ

приведенной подписи, говоритъ намъ совершенно тоже самое, что и помянутая подпись; не говорится въ этой челобитной только объ одномъ, *о подаркѣ* князя, *о книгѣ*... А между тѣмъ этотъ подарокъ даетъ намъ возможность понимать, между прочимъ, *за кого* принималъ князь Острожскій Григорія и спутниковъ его, Варлаама и Мисаила, а также и то, *почему* этотъ князь не согласился потомъ на предложеніе короля, помогать мнимому царевичу Димитрію въ полученіи престола московскаго государства. Князь Острожскій считалъ этихъ гостей своихъ тѣмъ, чѣмъ они дѣйствительно были, т. е. *монахами*, а потому и сдѣлалъ имъ самый приличный подарокъ, давши на память *книгу Василія Великаго*, острожской печати, *о постничествѣ*. Затѣмъ, съ одной стороны, изъ донесеній Варлаама и соборной нашей грамоты, стала извѣстна князю затѣя Григорія, а съ другой, ему вполнѣ понятна была интрига польской и іезуитской партіи, а потому онъ, какъ честный русскій вельможа, не смотря на убѣжденія короля, не согласился принять въ этомъ темномъ и нечистомъ дѣлѣ какое нибудь участіе... Что съ Варлаамомъ и Михаиломъ былъ не другой какой—нибудь *Григорій*, а только именно *Отрепьевъ*, объ этомъ еще никто не высказалъ своего сомнѣнія. *Что случилось* съ этимъ Григоріемъ Отрепьевымъ послѣ 14-го августа 1602-го года, *гдѣ онъ очутился* и *что дѣлалъ*, объ этомъ прекрасно разскажетъ намъ тотъ-же чернецъ Варлаамъ. Онъ могъ ошибаться въ какихъ-нибудь мелочныхъ, незначительныхъ подробностяхъ своего разсказа, но сущность—то дѣла онъ зналъ хорошо и передалъ ее правильно и добросовѣстно. И послѣ разлуки съ Григоріемъ, онъ все таки жилъ не вдалекѣ отъ него (Вишневецъ, напр., всего въ 50-ти верстахъ отъ Дерманя), и весьма внимательно, ревниво, слѣдилъ за бывшимъ своимъ спутникомъ и товарищемъ,—и вотъ что онъ намъ передаетъ объ немъ. „И пришли до Острога, (Григорій, Варлаамъ и Михаилъ, въ 7110 или 1602 году,) до князя Василія до Острожскаго, аже князь Василій въ сущей во христіанской вѣрѣ пребываетъ; и мы у него *лѣтовали*, а на осень меня да Мисаила Повадина князь Василій послалъ во свое богомоліе къ Живоначальной Троицѣ въ Дерманскій монастырь (*). *А онъ Гришка съѣхалъ въ Гощею въ городѣ къ пану къ Госкому, да въ Гощеѣ иноческое платіе съ себѣ скинулъ и учинился міряниномъ и учалъ въ*

(*) Этотъ монастырь въ 20-ти верстахъ отъ г. Острога.

Гощеѣ учится въ школѣ по-латински и по-польски и лютерской грамотѣ, и бысть отмѣтникъ и законопреступникъ православныя сущія христіанскія вѣры. И я, Государь, изъ монастыря до Острога до князя Василія ѣздилъ и князю Василію билъ челомъ, чтобы князь Василей изъ Гощей велѣлъ его взяти и учинити по старому черньцомъ и діакономъ, и повелѣлъ бы его послати къ намъ въ Дерманской монастырь; и князь Василей и всѣ его дворовые люди говорили мнѣ: здѣся де земля какъ кто хочетъ да тотъ въ той вѣрѣ и пребываетъ; да князь же мнѣ говорилъ: сынъ де мой князь Янышъ родился во *христіанской* вѣрѣ, а держитъ *Ляшскую* (*) вѣру, и мнѣ де его не унятн, и нынѣ де *панъ Краковскій въ Гощеѣ. А Гришка въ Гощеѣ у него и зимовалъ, и послѣ велика дни изъ Гощей пропалъ безвѣстно и очютился въ городѣ Брагинѣ у князя Адама Вишневецкаго, и сказался князю Адаму царевичемъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ, а тотъ князь Адамъ, бражникъ и безумецъ, тому Гришкѣ повѣрилъ и учинилъ его на колесницахъ и на конѣхъ ѣздити и людно. Изъ Брагина князь Адамъ поѣхалъ до Вишневца, и того Гришку съ собою взялъ и по паномъ по раднымъ его возилъ, и сказывалъ его царевичемъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ. И въ Вишневцѣ Гришка Отрепьевъ у него лѣтовалъ и зимовалъ, и послѣ велика дни князь Адамъ его Гришку допроводилъ до Кракова до короля до Жикгимонта; и сказалъ князь Адамъ про него королю, будто онъ царевичъ Дмитрей Ивановичъ Углецкой. И король его къ рукѣ звалъ; и онъ учалъ прелщати его именуючи собя сущаго быти царевича Дмитрея, приснаго сына благовѣрнаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи Самодержца.... И я королю про того Гришку извѣщалъ, что онъ не царевичъ Дмитрей, чернецъ онъ, Гришкою зовутъ, а прозвищемъ Отрепьевъ, и шелъ со мною съ Москвы вмѣстѣ;* и король и паны радные мнѣ не вѣрили и послали меня къ нему Гришкѣ въ Самборъ и къ воеводѣ Сендомирскому къ пану Юрью Мнишку и къ нимъ листъ о мнѣ писали. И какъ меня привезли въ Самборъ, и растрига Гришка съ меня платье иноческое снялъ, и повелѣ меня бити и мучить; да растрига же Гришка учалъ говорити и сказывати про насъ, про меня да про сына боярскаго Якова Пыхачова: будто мы посланы отъ царя Бориса для того, чтобы его убити; и того Якова Пыхачева тотъ ростряга и воевода Сендомирской велѣлъ смертію казнити, *а онъ*

(*) Какъ точно называетъ князь Острожскій и свою вѣру и латинскую. Ред.

Яковъ и у камки называлъ его ростригою Гришкою Отрепьевымъ; а меня, бивъ и мучивъ, велѣлъ въ кандалы оковати и въ тюрьму вкинути. И августа въ пятый на десять день *пошелъ войною къ Москвѣ тотъ рострига* на Успѣніе Пречистые Богородицы, а меня велѣлъ въ Самборѣ въ тюрмѣ держати, и держали меня въ Самборѣ пять мѣсяцъ; и пана Юрья панья да дочи Марина меня выкипули и свободу мнѣ дали; и я былъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ.... (*)" Такъ вотъ гдѣ очутился нашъ Григорій Отрепьевъ, этотъ нежданый гость князя Острожскаго, этотъ бойкій Чудовскій молодой монахъ, отличавшійся грамотностію, довольно уже привыкшій къ знакомству съ великими людьми, жившій когда-то у Романовыхъ и у князя Бориса Черкасскаго, служившій патріарху Іову для книжнаго письма, посѣщавшій съ нимъ царскую думу, очарованный царскою пышностію и великолѣпіемъ и, не въ первый уже разъ, высказавшій свою затѣю—*быть царемъ на Москвѣ*... Оставивши *неинтересный* для него подарокъ кн. Острожскаго спутникамъ своимъ Варлааму и Мисаилу, самъ онъ, вмѣсто Дерманскаго монастыря, поспѣшилъ отправиться въ Гощу, въ школу іезуитовъ, а оттуда къ князю Адаму Вишневецкому, къ Юрію Мнишку, воеводѣ сандомирскому, къ Сигизмунду, королю польскому, которые такъ удачно помогли этому мечтателю— обманщику въ осуществленіи давно задуманнаго имъ плана.

Есть ли основаніе не довѣрять показаніямъ челобитной чернеца Варлаама? Г. Костомаровъ такъ говоритъ объ ней: „когда прочитаешь ее, то съ перваго раза она какъ будто носитъ *печать истины*; но, всмотрѣвшись пристальнѣе, увидишь много *несообразностей*, обличающихъ *умышленную составленность*" (**). Съ своей стороны, печать истины мы въ ней видимъ, но несообразностей, обличающихъ умышленную составленность, вовсе не находимъ. Указанныя г. Костомаровымъ несообразности съ показаніями другихъ скорѣе доказываютъ *неумышленную* составленность, доказываютъ, что Варлаамъ, непосредственный свидѣтель извѣстнаго событія, имѣлъ въ виду *сообразоваться* въ своихъ показаніяхъ съ одною только чистою истиною,—сообразоваться съ тѣмъ, что онъ самъ непосредственно видѣлъ, слышалъ, испыталъ. Ему дѣла не было до показаній другихъ. Оттого

(*) Извѣтъ старца Варлаама царю Василію Ивановичу. Временникъ Моск. Общ. ист. и древн. рос. 1853 г. кн. 16-а. Акты Археогр. Экспед. т. II. стр. 141.

(**) Историч. изслѣд. о первомъ Лжедимитріи, стр. 20.

онъ въ однихъ показаніяхъ сошелся съ другими свидѣтелями, въ другихъ расходится съ ними; такъ какъ одному свидѣтелю могло быть лучше извѣстно одно обстоятельство, другому другое: такъ, на пр., Варлааму могло быть лучше извѣстно, *когда* онъ ушелъ изъ Москвы съ Григоріемъ и Мисаиломъ, нежели составителю Розрядной книги, а потому у перваго мы находимъ показаннымъ 1602-й, а у послѣдняго 1603-й годъ. При умышленной составленности, Варлааму не трудно было избѣжать какъ этой, такъ и другихъ несообразностей. Мы, напротивъ, всматриваясь пристальнѣе въ челобитную Варлаама, невольно удивляемся *сообразности*, согласію показаній ея съ показаніями другихъ, не только нашихъ отечественныхъ, но и иностранныхъ, достовѣрнѣйшихъ свидѣтелей, *не въ мелочахъ*, для рѣшенія нашего вопроса вовсе неважныхъ и пустыхъ, а въ главной мысли, въ томъ именно, что не другой кто, а бѣжавшій съ нимъ изъ Москвы Чудовскій монахъ *Григорій Отрепьевъ сперва называлъ себя царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ, а потомъ*, съ помощію польскихъ вельможъ и короля съ одной стороны, и недоброжелателей Бориса съ другой, *сталъ дѣйствительно царемъ на Москвѣ*. Мы не станемъ приводить здѣсь современныхъ, *не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію*, свидѣтельствъ Борисова правительства, патріарха Іова, царя Василія Ивановича Шуйскаго, Авраамія Палицына и другихъ, которые, совершенно согласно съ Варлаамомъ, вполнѣ опредѣленно и положительно, называютъ перваго самозванца нашего *Григоріемъ Отрепьевымъ*, (такимъ свидѣтелямъ мало вѣритъ г. Костомаровъ, а еще менѣе г. Иконниковъ); а укажемъ только тѣ современныя *иностранныя* свидѣтельства, которыя, прямо или косвенно, подтверждаютъ показанія Варлаама въ томъ или другомъ отношеніи. Такъ, польскій писатель *Маскѣвичъ*, въ дневникѣ своемъ, указываетъ намъ тотъ-же 1602-й годъ появленія мнимаго царевича Димитрія въ польскихъ владѣніяхъ и въ Брагинѣ у кн. Адама Вишневецкаго, который мы находимъ въ челобитной Варлаама и въ надписи Григорія Отрепьева на книгѣ, подаренной ему и спутникамъ его К. К. княземъ Острожскимъ. Неизвѣстный *авторъ дневника Марины Мнишекъ*, находившійся въ ея свитѣ полякъ, слышавшій разсказъ о первомъ Лжедимитріѣ или отъ самой Марины, или отъ ея родныхъ и приближенныхъ, изображаетъ намъ нѣкоторыя обстоятельства жизни мнимаго царевича Димитрія такими чертами, въ которыхъ мы не можемъ не узнать именно *Григорія Отрепьева*. Онъ

говорить: „Царевичъ Димитрій, скрываясь въ одеждѣ *инока*, достигъ зрѣлыхъ лѣтъ, и изъ монастыря своего перешелъ въ другой, ближайшій къ столицѣ, потомъ въ третій и такъ далѣе; напослѣдокъ, никѣмъ незнаемый, *явился въ Москву*, гдѣ, предъ глазами самаго Бориса, *нѣсколько времени находился въ палатахъ Патріарха*. Здѣсь онъ ни кому не смѣлъ открыться и *отправился въ Польшу*, перешелъ *въ Бражню* (Брагинъ), мѣстечко *князя Адама Вишневецкаго*, и тутъ впервые открылъ свое званіе игумену, который сказалъ о томъ князю. Князь призвалъ къ себѣ царевича, тщательно распросилъ его обо всемъ, чтобъ удостовѣриться, точно ли онъ наслѣдникъ московскаго престола и, убѣжденный въ истинѣ, снялъ съ него монашескую одежду, замѣнивъ ее богатымъ польскимъ платьемъ; въ послѣдствіи явился съ нимъ къ князю Константину Вишневецкому, зятю воеводы Сендомирскаго. Князь Константинъ представилъ Димитрія пану воеводѣ, а панъ воевода его королевскому величеству въ Краковѣ; по возвращеніи же оттуда, отправился съ царевичемъ въ походъ и повелъ его въ Москву, съ нѣсколькими тысячами войска.“ А вотъ что говоритъ намъ самъ *воевода Сендомирскій* въ своихъ отвѣтахъ боярамъ нашимъ, на ихъ вопросы объ участіи его въ дѣлѣ самозванцевомъ, по смерти Лжедимитрія. На вопросъ: „какимъ образомъ тотъ человѣкъ явился въ Польшѣ?“ онъ отвѣчаетъ: *„прежде чѣмъ появился, пребывалъ онъ въ Кіевѣ, въ монастырѣ, въ старческомъ одѣяніи, а потомъ бывъ у господина воеводы Кіевскаго, не хотѣлъ сказаться и пришелъ къ князю Адаму Вишневецкому, сказывая и въ томъ его обнадеживая, что онъ есть истинный потомокъ усопшаго великаго князя Московскаго Ивана“*... Кто жъ не узнаетъ въ этомъ лицѣ того самаго Григорія Отрепьева, который, вмѣстѣ съ Варлаамомъ, былъ сперва въ Кіевѣ, въ монастырѣ; потомъ у князя Острожскаго, которому самъ не осмѣлился объявить свою затѣю; наконецъ, оставивши спутниковъ своихъ Варлаама и Мисаила въ Дерманскомъ монастырѣ, самъ очутился въ Брагинѣ, у князя Адама Вишневецкаго? Не тоже ли самое говоритъ намъ объ немъ и челобитная чернеца Варлаама?... О пребываніи Григорія въ Гощѣ, въ школѣ іезуитовъ, воевода Сендомирскій могъ не знать, не имѣлъ надобности говорить, а могъ и съ намѣреніемъ промолчать. *Мартинъ Беръ*, лютеранскій пасторъ, жившій въ Москвѣ, другъ поляковъ и Басманова, слышавшій отъ сего послѣдняго многія тайны, лично знавшій перваго Лжедимитрія и

пользовавшійся хорошею его расположенностію, говоритъ намъ навѣрное, что мнимый Димитрій былъ *самозванецъ*; а *Петрей*, Шведскій посланникъ, жившій тоже въ Москвѣ, въ царствованіе того же Лжедимитрія, признаетъ его именно *Григоріемъ Отрепьевымъ*. Между прочимъ, вотъ что разсказываетъ намъ Петрей. „Едва *Гришка* былъ коронованъ, явился въ Кремлѣ одинъ монахъ изъ того самого монастыря, откуда бѣжалъ обманщикъ, и всенародно говорилъ, что онъ прежде зналъ новаго царя; что этотъ царь не сынъ Іоанна Васильевича, а *Гришка Отрепьевъ*, бѣглецъ, обманщикъ, измѣнникъ; увѣрялъ, что самъ училъ его чтенію и письму, что знаетъ его родину, его отца и мать, знаетъ, почему родня посадила его въ монастырь, какъ долго тамъ онъ былъ и когда скрылся. Народъ, услышавъ такія рѣчи, схватилъ монаха и представилъ царю. Чернецъ не испугался, говорилъ тоже самое, и смѣло называлъ Димитрія обманщикомъ. Его казнили мучительною смертію, безъ всякаго изслѣдованія: правда глаза колетъ.“ Тотъ-же Петрей передаетъ намъ и другой подобный случай обличенія въ самозванствѣ Отрепьева княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ (*).

Кромѣ согласія съ другими свидѣтелями, не трудно замѣтить и другіе признаки истинности показаній *Варлаама*. Такъ онъ говоритъ, что „послѣ велика дни Гришка изъ Гощей *пропалъ безвѣстно* и очутился въ городѣ Брагинѣ.“ (Полагаютъ, что Гришка побывалъ въ это время у Запорожскихъ козаковъ). Варлаамъ говоритъ намъ здѣсь прямо и откровенно, *чего* онъ не знаетъ, и не берется разсказывать объ этомъ. Г. Костомаровъ говоритъ: „Варлаамова челобитная разсказываетъ пребываніе Гришки у короля и приводитъ длинную рѣчь, которую будто бы говорилъ Гришка королю. Какимъ образомъ могъ слышать эту рѣчь Варлаамъ? Уже это одно приведеніе рѣчи въ такомъ подробномъ видѣ побуждаетъ подозрѣвать справедливость всей челобитной.“ А мы понимаемъ это очень просто. Варлаамъ вовсе не говоритъ намъ, что онъ слышалъ эту рѣчь у короля, а передаетъ намъ только по своему содержаніе ея, которое весьма легко могъ слышать отъ другихъ. Досужему Варлааму весьма не трудно было сочинить эту рѣчь, со всѣми ея подробностями, особенно когда предметъ ея такъ хорошо былъ ему извѣстенъ и такъ живо интересовалъ его. Еще до составленія этой челобитной, быть можетъ, сотню разъ онъ передавалъ уже эту рѣчь и-

---

(*) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, ч. I и II.

зустно, въ дружеской бесѣдѣ съ такими же досужими монахами. Нельзя не согласиться съ г. Костомаровымъ, что для насъ весьма интересно было-бы знать, *какимъ образомъ Варлаамъ очутился въ Краковѣ—у короля*, передъ которымъ заочно обличалъ Гришку въ самозванствѣ; но не справедливо ли и то, что на подобные вопросы можно получать отвѣты въ устной бесѣдѣ о подобномъ дѣлѣ, *а не въ челобитной?* Ему могло казаться излишнимъ распространяться здѣсь объ этомъ. Мы думаемъ, что ему могли помочь въ этомъ дѣлѣ и князь Острожскій, и Борисовы приверженцы. Въ рѣшеніи нашего вопроса, гораздо важнѣе то, о чемъ говоритъ намъ Варлаамъ съ полною подробностію, и о чемъ предлагаетъ онъ царю спросить тѣхъ лицъ, которыя всего этого были личными свидѣтелями, именно, извѣщеніе его о томъ, какъ онъ въ Самборѣ, вмѣстѣ съ Пыхачевымъ, *обличалъ знакомаго ему разстригу въ лицо, при будущемъ его тестѣ, воеводѣ Сендомирскомъ*, и какъ его за это били и мучили. „И про то, Государь, распроси пана Юрья Мнишка и его дочери, какъ онъ товарища моего Якова Пыхачева велѣлъ казнити, и какъ меня оковавъ оставилъ въ Самборѣ, и какъ меня выпустили панья Юрья Мнишка съ дочерію, и про то про все вѣдаетъ панъ Юрье Мнишка, и ево дочь Марина, и ево всѣ дворовые люди“ (*). Спрашиваемъ: какого еще можно требовать удостовѣренія въ истинности показаній?...

Мы съ намѣреніемъ такъ долго остановились на „челобитной“ чернеца Варлаама. Мы считаемъ показанія этой челобитной *необыкновенно важными*, какъ для подтвержденія истины самозванства Григорія Отрепьева вообще, такъ и для доказательства *подлинности* вновь найденнаго историческаго памятника, подтверждающаго ту же истину. *Варлаамъ* есть свидѣтель въ этомъ дѣлѣ первостепенный, непосредственный, *самовидецъ и участникъ происшествія*. Онъ имѣлъ полную возможность слѣдить за Григоріемъ Отрепьевымъ, начиная отъ бѣгства его изъ Москвы, до выступленія съ войскомъ въ походъ противъ нея. Сперва Варлаамъ сопровождалъ Григорія Отрепьева изъ Москвы въ Кіевъ и на Волынь до Острога, до князя К. К. Острожскаго; потомъ внимательно слѣдилъ за нимъ изъ Дерманскаго монастыря, имѣя постоянное и непосредственное сношеніе съ кня-

(*) См. челобитную чернеца Варлаама. Временникъ имп. моск. общ. ист. и древн. россійск. кн. 16-я, 1853 г.

зомъ К. К. Острожскимъ и его дворнею (*), безъ сомнѣнія имѣвшими вѣрное свѣдѣніе о томъ, что дѣлается въ домѣ Вишневецкихъ и Мнишка съ бывшимъ его товарищемъ; въ дѣлѣ наблюденія за нимъ онъ имѣлъ пособниками и помощниками какъ тогожъ князя Острожскаго, съ которымъ сносились по этому предмету патріархъ Іовъ и наши бояре, такъ и всѣхъ вообще приверженцевъ Бориса; былъ въ Краковѣ у короля, которому представлялся самозванецъ, и могъ тамъ слышать отъ вѣрныхъ людей обо всѣхъ подробностяхъ этого представленія; наконецъ, онъ лично обличалъ Григорія Отрепьева въ самозванствѣ, въ Самборѣ, рискуя за это своею жизнію. Только тогда уже, когда первый самозванецъ нашъ отправлялся походомъ въ Москву, Варлаамъ оставилъ тѣ мѣста, которыя были мѣстомъ пребыванія и приготовленія Лжедимитрія, и переселился въ Кіевъ, въ печерскій монастырь. *Всѣ обстоятельства, лично извѣстныя Варлааму*, на пр., первое знакомство его съ Григоріемъ Отрепьевымъ; пребываніе его съ нимъ въ Новгородсѣверскомъ Преображенскомъ и Кіевскомъ Печерскомъ монастыряхъ, а потомъ у князя Острожскаго; страданія, труды и заботы свои, понесенные въ Дермани, Краковѣ и Самборѣ, о возвращеніи бывшаго товарища своего (Григорія Отрепьева) на путь правый,— *передаетъ онъ со всею опредѣленностію и подробностію, сознаваясь откровенно въ томъ, что было ему неизвѣстно*, какъ, на пр. отлучка Григорія Отрепьева изъ Гощи неизвѣстно куда. Для удостовѣренія, онъ прямо *ссылается на лица, прикосновенныя къ дѣлу, ссылается при жизни сихъ послѣднихъ*, на пр. на самого Юрья Мнишка, его жену, дочь Марину и всѣхъ его дворовыхъ людей. *Свидѣтельство его* о разныхъ обстоятельствахъ бѣгства и пребыванія перваго самозванца нашего въ Польшѣ и Литвѣ, съ *большею точностію и опредѣленностію подтверждаются, въ важнѣйшихъ пунк-*

(*) Мы выше замѣтили (прим. 1.), что дерманскій монастырь всего въ 20-ти верстахъ отъ г. Острога. Сношеніе г. Острога съ этимъ монастыремъ и существующимъ при немъ селомъ Дерманью, какъ теперь, такъ и встарину, было непрерывное. Извѣстно, что князь Василій Острожскій любилъ часто уединяться туда отъ городскаго шума, съ благочестивою цѣлью. Варлаамъ вполнѣ справедливо называетъ дерманскій монастырь *богомольемъ* князя Василія Острожскаго.

тахъ, какъ всѣми вообще достовѣрнѣйшими, нашими и иностранными, свидѣтельствами, такъ и вновь найденнымъ историческимъ памятникомъ, относящимися къ тому же предмету. Таково настоящее значеніе свидѣтельства *черноца Варлаама.*

(*Окончаніе впредь.*)

III.

ФИЗИЧЕСКІЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СѢВЕРО-ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЙ РОССІИ.

(*Продолженіе*).

СТАТЬЯ 4-я.

(*Окончаніе*).

Намъ остается высказать нѣсколько замѣчаній о *ремесленной дѣятельности* и *сельскихъ ремеслахъ*. Ремесленный классъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ состоитъ изъ людей, наиболѣе подвергаемыхъ лишеніямъ и нищетѣ; уплата податей для городскихъ ремесленниковъ всегда была тяжелымъ бременемъ, и нѣтъ ни одного значительнаго города, въ которомъ взысканія недоимокъ, увеличивающихся до крайнихъ размѣровъ, не сопряжено было бы съ величайшими трудностями. Ремесленный класъ состоитъ исключительно изъ евреевъ; число христіанъ ремесленниковъ ничтожно. Чтобы судить о ненормальномъ состояніи ремесленнаго класса въ сѣверо-западномъ краѣ, достаточно сказать, что податныя недоимки мѣщанъ евреевъ—превосходятъ въ 15 разъ недоимки крестьянъ, а мѣщане—христіане обременены недоимками въ два раза болѣе, чѣмъ евреи!

Весьма трудно опредѣлить даже приблизительную цифру числа ремесленниковъ. Мы уже не говоримъ о сельскихъ ремесленникахъ, которымъ не ведется никакого счета. Всѣ свѣдѣнія о числѣ цеховыхъ и ремесленниковъ въ городахъ, собираемыя казенною палатою, думами, магистратами и вообще полиціею, крайне сбивчивы и противорѣчивы. Самое названіе—цеховые понимается различно. На основаніи положенія 1852 г. (апрѣля 16) въ сѣверо-западномъ краѣ введены новыя ремесленныя правила, по примѣненіе этого положенія къ практикѣ не повело къ желанной цѣли, вслѣдствіе неудовлетворительнаго рѣшенія вопроса о степени развитія ремесленной промышленности въ городахъ и мѣстечкахъ. Самый законъ полагаетъ различіе между *цеховыми* и *ремесленниками*, котораго въ сущ-

кости не существуетъ. По этому такъ сбивчивы всѣ оффиціальныя исчисленія. Въ одномъ исчисленіи ремесленники показываются во всѣхъ городахъ, въ другомъ—въ нѣкоторыхъ городахъ, цеховыхъ уже вовсе не считается, за то мы ихъ находимъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ!... Въ Минской губерніи мастеровъ, рабочихъ и учениковъ считается 4406, а по исчисленію казенной палаты мѣщанъ ремесленниковъ только изъ евреевъ болѣе 20000 душъ об. п. Г. Зеленскій думаетъ, что и эта цифра далеко не вѣрна и полагаетъ, что къ ремесленному сословію принадлежитъ отъ 40 до 50% еврейскаго населенія (*). Можно сказать безошибочно, основываясь на нѣкоторыхъ указаніяхъ, что ремесленные классы въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ составляютъ отъ 7 до 10% всего населенія, и что число лицъ, занимающихся ремеслами, не превосходитъ 2% всего населенія об. пола, въ томъ числѣ въ городахъ одинъ ремесленникъ приходится на 12 душъ, а въ селахъ ремеслами занимается одинъ изъ ста. Въ селахъ, каждый ремесленникъ—кузнецъ, бондарь, портной и т. п. вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяинъ; рѣдкое крестьянское семейство живетъ однимъ мастерствомъ домохозяина. Въ городахъ, напротивъ, ремесленникъ живетъ одними заработками отъ своего мастерства; но между крестьянами большая часть мѣщанъ ни какими ремеслами незанимается, а живетъ изъ доходовъ земледѣлія.

Было бы ошибочно, по числу ремесленниковъ, составить вѣрный взглядъ на состояніе ремесленнаго производства.

Въ городахъ мѣщане должны быть ремесленниками по призванію, по самому назначенію городскаго населенія. Съ экономической точки зрѣнія, между интересами городовъ и селеній должна быть значительная разница. Каждое селеніе производитъ только необходимое въ домашней, сельско-хозяйственной жизни; природныя силы земледѣльца въ усиленіи, кругъ дѣйствія его ограниченъ, почва составляетъ единственную сферу его дѣятельности; всѣ лучшія силы земледѣльца должны постоянно бороться съ естественными элементами; производство крестьянина находится въ тѣсной зависимости отъ природы. Всякое время года, каждый клочекъ земли—созидаютъ новыхъ противниковъ сельскаго труженика. Въ городахъ, напротивъ, сосредоточены капиталы; сфера дѣйствій горожанина болѣе обширна; образъ жизни способенъ поддерживать въ мѣщанинѣ энергію, стремленіе къ накопленію богатства, просвѣщенію и свободѣ; производство горожанина болѣе независимо отъ природы.

Какъ ни разничны эти стремленія сельскаго хозяина и городскаго ремесленника, но въ достиженіи общей цѣли народнаго благосостоянія эти противоположныя стремленія должны сходиться. Вездѣ и всегда, умъ, нравственность и дѣятельность городовъ объусловливали благоденствіе страны, которая возвышалась и падала съ возвышеніемъ и упадкомъ городовъ. Отъ

(*) „Матеріалы“ II, 277 и I, 595.

городскихъ жителей сельскіе жители только и могутъ черпать энергію и просвѣщеніе: по этому, отъ развитія дѣятельности духа, предпріимчивости, богатства и просвѣщенія главнаго городскаго элемента мѣщанъ зависитъ просвѣщеніе и предпріимчивость деревенскихъ жителей, а слѣдовательно и умѣнье ихъ примѣнять силы природы къ своимъ потребностямъ и расширять весьма ограниченный кругъ дѣйствія. Экономистъ *Листъ*, на сочиненіе котораго мы указывали, справедливо замѣчаетъ, что города имѣютъ неотразимое дѣйствіе на гражданственность и нравственность извѣстной страны, и если эти качества не предосудительны, то своимъ вліяніемъ города доставляютъ селамъ неисчислимые выгоды; въ противномъ случаѣ города пагубно дѣйствуютъ на успѣхи общественной сельской жизни.

Города сѣверо-западныхъ губерній не представляютъ достаточныхъ задатковъ для того, чтобы своею дѣятельностію содѣйствовать общему благосостоянію. Мы замѣчаемъ въ нихъ отсутствіе той силы, которая способна связать съ горожанами интересы сельскихъ жителей на началахъ чисто нравственно-экономическихъ. Исключительное населеніе ихъ составляютъ евреи, жизнь и дѣятельность которыхъ развивается особнякомъ. По этому, эти орода не выработали до сихъ поръ счастливыхъ началъ преуспѣянія. Городская промышленность и просвѣщеніе мѣщанъ—въ совершенномъ застоѣ, ремесленники надъ мастерствами не ломаютъ много головы, они учатся ремесламъ въ тѣсномъ кругу своего семейства, рѣдкому приходитъ въ голову, что можно работать лучше или другимъ способомъ. Нищета, какъ и привычка выполнять какъ-нибудь работу, переходитъ изъ поколѣнія одного семейства еврея ремесленника въ другое. Эти ремесленники, снующіе по городамъ и мѣстечкамъ не болѣе какъ слуги, бьющіеся изъ—за насущнаго хлѣба; имъ недостаетъ ни образованія, ни умѣнія, ни должной энергіи, ни умѣренности. Въ еврейскомъ мѣщанскомъ населеніи, говоритъ г. Корево, есть такого рода мѣщане, которые сохраняютъ совершенное инкогнито; образъ жизни и средства ихъ существованія составляютъ совершенную загадку, судя по нѣкотораго рода проявленіямъ жизни этого рода людей, можно себѣ составить полное понятіе о значеніи пролетаріата городовъ западной Европы; но тамъ явленіе пролетаріевъ есть необходимое слѣдствіе густоты населенія и широкаго примѣненія различнаго рода изобрѣтеній къ промышленности, сокращающихъ работу рукъ; пролетаріатъ же евреевъ Виленской губерніи не есть слѣдствіе необходимости, вытекающей изъ экономическаго быта народа, а, къ несчастію—есть прямое слѣдствіе какого-то непонятнаго отвращенія къ положительному и опредѣленнону труду (*).

Какъ же разнообразны рубрики ремеслъ нашихъ оффиціальныхъ отчетовъ, которыхъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ насчиты-

---

(*) „Матеріалы“ Виленская губерн., 392 и 393.

вается до 40 видовъ, а въ большихъ городахъ насчитывается до 20 и болѣе цеховъ, но всѣ эти ремесла стоятъ на весьма низкой степени совершенства; главный недостатокъ издѣлій, изготовляемыхъ еврейскими ремесленниками, есть небрежность товара. Сбыть съ рукъ работу, сдѣланную на скоро и какъ нибудь, чтобы скорѣе получить вознагражденіе—главная задача еврея-ремесленника; къ сожалѣнію, такимъ опаснымъ правиломъ заразились и тѣ не значительные ремесленники христіане, которые еще сохранили свое существованіе подъ сильнымъ гнетомъ еврейскаго преобладанія и неслыханной конкуренціи, доведенной многочисленностію еврейскихъ ремесленниковъ до низшаго предѣла,—minimum' экономическихъ законовъ относительно запроса и предложенія.

По всѣмъ этимъ причинамъ, ремесленная дѣятельность городовъ крайне неудовлетворительна и на селахъ скорѣе отражается пагубное вліяніе началъ, которыя не могутъ быть причислены къ разряду нравственныхъ, или, которыя были бы способны разлить на деревенскую жизнь довольство и просвѣщеніе. Что вынесетъ крестьянинъ сѣверо-западныхъ губерній изъ города, въ которомъ нѣтъ просвѣщеннаго, нравственнаго богатаго сословія ремесленниковъ, составляющихъ ядро городской жизни,— въ которомъ онъ, на каждомъ шагу, встрѣчаетъ толпу торгашей, думающихъ, какъ бы вытянуть изворотливыми путями нажитую копѣйку честнымъ мозольнымъ трудомъ?

Пока не выдвинется въ городахъ мѣстный промышленный элементъ, достаточно просвѣщенный, чтобы поднять ремесла и промыслы и совладать съ гражданской свободой городскаго самоуправленія, и пока города не освободятся отъ массы еврейскихъ пролетаріевъ,— до тѣхъ поръ нельзя ожидать благосостоянія земледѣльческаго класса, не смотря на данную ему независимость отъ гнета польской интеллегенціи, вслѣдствіе прекращенія крѣпостнаго права.

По недостаточному развитію мануфактурной и ремесленной промышленности, по отсутствію надлежащей связи между земледѣліемъ и промышленными центрами и вслѣдствіе ненормальныхъ отношеній сельскаго элемента къ городскому, *торговля* сѣверо-западныхъ губерній лишена надлежащей устойчивости и правильности, будучи еще обставлена множествомъ и другихъ неблагопріятныхъ условій.

Хорошо организованный купеческій классъ, хорошее устройство путей сообщенія и надлежащее распредѣленіе рынковъ,—вотъ тѣ главныя условія, отъ которыхъ, при извѣстномъ состояніи земледѣлія и промышленности, зависятъ успѣхи торговли. Къ этимъ главнымъ двигателямъ торговли слѣдуетъ отнести вспомогательныя средства—*правильныя, приведенныя къ единству мѣры*, организація *ярмарокъ, торговъ* и проч. По этому, прежде указанія на главнѣйшіе продукты, обращающіеся во внутренней и внѣшней торговлѣ сѣверо-запад-

ныхъ губерній, необходимо обратить вниманіе на ея главныя орудія и двигатели.

Вся торговля здѣсь находится въ рукахъ евреевъ; черезъ ихъ руки проходятъ всѣ произведенія какъ внутренняго потребленія, такъ равно вывозимыхъ за предѣлы сѣверо-западнаго края. Безъ участія еврея, не можетъ произойти ни одна сдѣлка; всѣ рынки, ярмарки, торги, базары—переполнены еврейскими купцами и торговцами, которымъ нельзя отказать въ необыкновенномъ искуствѣ овладѣть покупателемъ, пріобрѣсть довѣренность и крестьянина, и землевладѣльца, и промышленника.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ четырехъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ числится купеческаго сословія:

Губерніи.	Христіанъ.	Евреевъ.	Всѣхъ.	На 100 евреевъ христіанъ.
Гродненская (*)	70	1345	1415	5,20
Минская (**)	319	2627	2946	12,14
Ковенская (***)	70	1381	1451	5,27
Виленская (****)	387	1071	1458	36,13
Итого . .	846	6424	7270	11,63

Слѣдовательно, купеческое сословіе распадается на двѣ группы, весьма разнохарактерныя: главнѣйшіе капиталы находятся въ рукахъ евреевъ, которыхъ, въ купеческомъ сословіи, среднимъ числомъ, *въ девять разъ болѣе чѣмъ купеческаго сословія христіанъ;* въ Гродненской же и Ковенской почти въ 20 разъ болѣе. Превосходство численнаго состава евреевъ въ купеческомъ сословіи выскажется еще болѣе осязательно, если число купцовъ каждой группы сравнить съ числомъ христіанъ и евреевъ.

Въ 4-хъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ числится христіанъ 3,532,000; евреевъ 335,000. Въ томъ числѣ купеческаго сословія: христіанъ 846; евреевъ 6424. Слѣдовательно, христіанъ въ купеческомъ сословіи одинъ изъ 4115, а евреевъ одинъ изъ—52; другими словами—на десять тысячъ христіанъ приходится *двое* христіанъ, принадлежащихъ купеческому сословію, а на тысячу евреевъ 192 еврея купеческаго класса.

Торговлею занимаются и мѣщане. Какое именно число мѣщанъ обращено къ торговлѣ мы не можемъ опредѣлить. Но од-

---

(*) См. „Матеріалы“ II, 335. Эти цифры относятся къ послѣдней 10-й ревизіи (1858).— Число купцовъ по ревизіямъ уменьшается; по отчетамъ же начальника губерніи увеличивается? Записанныхъ въ гильдію по той же 10-й ревизіи—христіанъ 42, а евреевъ 652.

(**) „Матеріалы“ II, 289. По 10 ревизіи. Преобладаніе евреевъ въ торговлѣ еще болѣе замѣтно въ исчисленіи лавокъ.

(***) „Матеріалы“ 297. По 9 ревизіи.— По 10 ревизіи—купцовъ считается 1901, но сколько въ томъ числѣ христіанъ, не показано. (Стр. 301).

(****) „Матеріалы“ 384. Купцовъ же мужескаго пола изъ евреевъ болѣе противу христіанъ 1 гильдіи въ 10 разъ, 2 гил. въ 6 съ пол. разъ, 3 гил. въ 2 раза. Слѣдовательно, самыми значительными капиталами обладаютъ еврейскіе купцы; стр. 386.

на уже численность мѣщанъ евреевъ въ сравненіи съ христіанскимъ городскимъ элементомъ указываетъ на несомнѣнное преобладаніе торгующихъ людей изъ евреевъ, тѣмъ болѣе, что многіе мѣщане христіане занимаются однимъ только земледѣліемъ, тогда какъ ни одинъ еврей горожанинъ имъ не занимался. Къ тому же, изъ числа торгующихъ христіанъ, въ сравненіи съ числомъ еврейскаго торгующаго класса, можно сказать, что каждый еврей—вмѣстѣ и торговецъ; будь онъ ремесленникъ или цеховой, еврей непремѣнно имѣетъ нѣкоторую долю капитала, затраченнаго на торговыя предпріятія. Не какія либо природные недостатки христіанскаго мѣстнаго народонаселенія отклонили христіанъ отъ торговли и вообще убили въ коренномъ населеніи промышленный духъ и предпріимчивость,— а единственно особый складъ всей прошедшей исторической жизни удалилъ коренныхъ жителей отъ торговли, сроднивъ съ нею однихъ евреевъ, ставшихъ внѣ гражданскаго единства съ первыхъ дней люблинской уніи. Вѣковыми событіями вкоренялось убѣжденіе, что торговать можетъ только еврей,— званіе торговца пріобрѣтало въ понятіяхъ интеллигенціи нѣчто презрѣнное, по мѣрѣ того, какъ евреи роднились съ мыслію, что ихъ единственнымъ призваніемъ въ западномъ Руси есть торговля. Мы не имѣли бы никакой причины сожалѣть о такомъ фактѣ, если бы дѣятельность торговаго еврейскаго народонаселенія обнаруживала дѣйствительно благодѣтельное вліяніе на общее благосостояніе; но торговая монополія евреевъ, составляющихъ весьма значительную массу, въ такой же степени дѣйствуетъ невыгодно на развитіе промышленныхъ силъ страны, какъ и барщинная система—убивавшая земледѣліе. Если бы, съ распространеніемъ еврейскаго торговаго класса, увеличивались въ той же степени производительныя средства страны, умножались капиталы, улучшались пути сообщенія, мы благоговѣли бы передъ природными дарованіями этого народонаселенія; но, по существующимъ нынѣ фактамъ, мы приходимъ далеко не къ такому заключенію, къ какимъ пришли сами евреи,—и къ какимъ приходятъ всѣ поверхностные наблюдатели, мало знакомые съ прошедшею темною стороною дѣятельности еврейскаго народонаселенія.

Въ преобладаніи евревъ въ торговлѣ, г. Зеленскій не видитъ не только зла, но находитъ пользу, или лучше необходимость. „При совершенствѣ нашего земледѣлія, говоритъ авторъ, при обиліи земли и удобномъ сбытѣ, *не слѣдуетъ жалѣть, что мѣстное христіанское населеніе не участвуетъ въ торговой и мануфактурной дѣятельности:* это скорѣе утѣшительный признакъ, потому что въ развитіи одной земледѣльческой промышленности заключается покамѣстъ источникъ народнаго богатства (*).“ Такой странный выводъ авторъ опираетъ на ложныхъ посылкахъ. Монополію евреевъ въ торговлѣ и ремеслахъ г.

(*). „Матеріалы“ Минская губ. II, 290.

Заленскій не считаетъ зломъ на томъ основаніи, что мѣстное населеніе не расположено къ торговлѣ, а что единственная, врожденная наклонность христіанскаго населенія минской губерніи есть сельское хозяйство. По этому онъ считаетъ опаснымъ для благосостоянія страны обращеніе земледѣльческаго класса къ торговымъ предпріятіямъ, ибо тогда евреи, по его мнѣнію, оставили бъ, пожалуй, свое прежнее занятіе и навлекли бы на себя еще большій упрекъ въ монополіи сельскаго хозяйства (?).

Всякая монолія есть страшное экономическое зло и, по нашему мнѣнію, промышленныя силы сѣверо-западныхъ губерній задавлены съ одной стороны монополіей польскаго шляхетскаго элемента въ земледѣліи, а съ другой еще въ большей степени монополіей евреевъ въ промышленности и торговлѣ. Но освобожденіемъ крестьянъ, вызвавшимъ послѣднее движеніе польскаго элемента и энергическими мѣрами графа Муравьева—монополія шляхетскаго элемента подорвана въ основаніяхъ, но еще не со всѣмъ уничтожена.— Монополія же евреевъ продолжаетъ болѣзненно отражаться на всѣхъ проявленіяхъ народной жизни.— Благодаря этой, всесокращающей монополіи, при необычайномъ многолюдствѣ евреевъ, не получаютъ естественнаго, нормальнаго, развитія—ни физическіе, ни нравственные элементы, нарушается гармонія и единство въ общихъ стремленіяхъ. Отношенія спроса и предложенія во всѣхъ проявленіяхъ торговли, на всѣхъ рынкахъ, запутываются неуловимыми признаками искуственнаго возвышенія цѣнъ, о не нормальномъ состояніи которыхъ можно только судить по отсутствію естественной зависимости производителя—отъ потребителя. Вмѣсто накопленія капиталовъ, они дробятся на безчисленные паи въ мелочной торговлѣ, въ массѣ мелочныхъ торговцевъ, составляющихъ легіоны въ городѣ и мѣстечкахъ сѣверо-западныхъ губерніи. Крайняя же бѣдность большей части еврейскаго населенія прямо указываетъ, что здѣсь исключительныя занятія евреевъ торговлею и ремеслами не удовлетворяютъ общимъ условіямъ экономическаго благосостоянія. Евреи, овладѣвъ всѣми рынками и промыслами, держатъ въ своихъ рукахъ и всю сельскую промышленность, даютъ ей искуственное направленіе, устанавливаютъ цѣны, нарушая перекупничествомъ естественное ихъ отношеніе между производителемъ и потребителемъ, и своевольно распоряжаются вѣсомъ и мѣрою. Замкнувшись въ свою среду, отказываясь отъ широкаго общечеловѣческаго просвѣщенія, евреи общенародные интересы ставятъ въ зависимость отъ своихъ эгоистическихъ стремленій и, останавливая ходъ промышленности, ставятъ торговлю въ постоянно напряженное состояніе.

Стоитъ только обратить вниманіе на несоразмѣрность цѣнъ между первоначальною и окончательною въ наиболѣе употребительныхъ продуктахъ—хлѣба, мяса и вина. Для нагляднаго убѣжденія въ справедливости нашихъ доводовъ, обратимъ вни-

ніе на ходъ торговли хлѣбомъ въ г. Вильнѣ, по указаніямъ г. Коревы. Хлѣбъ изъ окрестныхъ мѣстъ сбывается въ г. Вильнѣ при посредствѣ перепродавцевъ евреевъ, которые закупаютъ его или на мѣстѣ, или во время подвоза, или на рынкѣ, въ самомъ городѣ.— При закупкахъ хлѣба на мѣстѣ землевладѣльцы заключаютъ условія и получаютъ отъ еврея половину задатка. Съ имѣющимся контрагентомъ еврей является уже къ покупателю, дѣлаетъ съ нимъ условіе и въ свою очередь получаетъ отъ него задатокъ. Перекупщикъ перепродаетъ купленное и на вырученный задатокъ дѣлаетъ новую сдѣлку. Такимъ образомъ, потребителю хлѣбъ доходитъ уже перепроданнымъ нѣсколько разъ. Евреи, промышляя задатками, составляя болѣе или менѣе значительныя ассоціаціи, черезъ факторовъ своихъ, имѣютъ свѣдѣнія о прибывающихъ въ городъ землевладѣльцахъ и являются къ нимъ съ предложеніями покупки.

Хлѣбъ, доставляемый безъ предварительной сдѣлки, евреи стараются купить на пути его къ городу: скупщики выходятъ за городъ, въ ближайшихъ корчмахъ поджидаютъ проѣзжающихъ крестьянъ съ товаромъ и здѣсь, при помощи водки, дѣлаютъ весьма выгодныя операціи. Кто, жившій въ городахъ западной Россіи, не знакомъ съ этого рода возмутительнымъ перекупничествомъ?

И это дѣлалось въ главномъ городѣ сѣверо-западнаго края! Хлѣбъ попадаетъ на виленскій рынокъ только въ томъ случаѣ, если его прежде не перекупили евреи двумя указанными путями. При избыткѣ подвоза, продавцы находятся въ полной зависимости отъ стакнувшихся торговцевъ; въ этомъ случаѣ евреи обнаруживаютъ необыкновенную стойкость и къ вечеру склоняютъ продавца къ продажѣ. При недостаткѣ хлѣба, виленскій рынокъ представляетъ другую картину: крикъ, гамъ, брань, клятвы евреевъ, перебивающихъ одинъ у другаго товаръ и только тогда единственно цѣны значительно возрастаютъ, особенно, если подвозъ ослабѣлъ по причинѣ бездорожья или спѣшнаго рабочаго времени. Не мало затрудненій испытывается отъ разнообразія *мѣръ и вѣсовъ*. Разнообразіе это въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ замѣтно болѣе, чѣмъ во всякой другой области Россіи. Съ соединеніемъ Литвы и Польши, польское правительство, стремясь къ гражданскому объединенію Литовской Руси съ Польшею, пыталось привести къ единству мѣры, вѣсы и посредствомъ введенія польскихъ единицъ; но это еще болѣе запутало дѣло. Литовская Русь частію придерживалась своихъ старинныхъ русскихъ мѣръ, частію же усвоила литовскую и польскую мѣру, послѣдняя окончательно утвердилась въ Подлѣсьи.— Къ тремъ разнообразнымъ мѣрамъ древней русской, литовской и польской, съ возвращеніемъ сѣверо-западнаго края къ Россіи, присоединились мѣры и вѣсы, утвержденныя русскимъ правомъ—десятина, аршинъ, пудъ, ведро, рубль. Но эти, такъ называемыя, указныя мѣры употребляются только при поставкахъ въ казну, а также въ торговлѣ велико-

россійскихъ купцовъ. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ торговцы употребляютъ мѣры, утвержденныя обычаемъ и преданіемъ. Разнообразіе мѣръ потворствуетъ обмѣру и обвѣсу, ибо человѣку даже знакомому съ способами приведенія мѣръ къ единству, трудно перейти отъ мѣръ одного масштаба къ другому. По этому на практикѣ переводы мѣры основаны на приближеніи. Такъ, *корцовую бочку* принимаютъ за 2 четверти и 3 четверика, *шанковую* за четверть и 2 четверика, *голгодорскую*— за 2 четверти и 5 четвериковъ.— Въ мѣрахъ вѣса, въ раздробительной продажѣ, въ большомъ употребленіи еще *безмѣнъ*, легко допускающій обмѣры. Въ поземельной мѣрѣ—употребляется *моргъ*, величина котораго неодинакова. Красный товаръ, сукно и прочія ткани мѣрятся *локтями*; между нашимъ аршиномъ, литовскимъ и коронными локтями разница въ отношеніи чиселъ 100: 91: 84.— Жидкости измѣряются гарнцами, въ размѣрахъ меньше казенныхъ. Дрова измѣряются на *стосы*,— два стоса принимаютъ за три кубическихъ сажени; но это не вѣрно. Наиболѣе распространенная монета *злотый*, заключающій 30 грошей. Въ мелочной торговлѣ обращается масса мелкой, плохаго качества монеты въ 5 и 10 грошей (pięć groszy i dziesięć groszy). Эта серебряная монета заключаетъ весьма мало серебра. Русской мелкой серебренной монеты,— несмотря на постоянный ввозъ ея и торговыя сношенія, встрѣчается въ обращеніи весьма мало, она вывозится постоянно контрабандою въ Пруссію.

До начала польскаго движенія, вся мелкая серебренная монета вышла изъ употребленія. Тогда евреи создали своего рода ассигнаціи, цѣною отъ 5 до 75 коп. сср., подъ названіемъ цетликовъ. Уничтоженію такихъ импровизированныхъ денегъ не помогали никакія полицейскія мѣры, и только когда миновалъ кризисъ, появились почернѣвшія десентки и пенцюрки. При этомъ нельзя было не замѣтить страннаго явленія,—въ торговлѣ начала обращаться совершенно свѣжая монета, съ чеканомъ 1840 года?!...

Мы уже ознакомили читателей съ состояніемъ *путей сообщеній* въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ (*). На всемъ этомъ обширномъ пространствѣ, кромѣ желѣзной и шоссейныхъ дорогъ, нѣтъ ни одного значительнаго пути, по которому совершалось бы передвиженіе товаровъ постоянно, съ одинаковыми удобствами. Всѣ грунтовыя дороги осенью и весною находятся въ такомъ состояніи, что удобное сообщеніе можетъ поддерживаться не далѣе 8, 9 мѣсяцевъ. Лѣтомъ же движеніе затрудняется множествомъ песковъ, а въ дождливое время дурнымъ устройствомъ гребель и неисправностію мостовъ. Водяные пути, не смотря на выгодное направленіе и значительное протяженіе, при громадныхъ затратахъ на сооруженіе каналовъ огинскаго, днѣпровско-бугскаго и березинскаго, заключаютъ весьма круп-

(*) См. Западный Вѣстникъ за 1864 годъ книги 7-я и 8-я.

ные недостатки отъ множества отмелей и лѣтняго мелководія, вслѣдствіе чего свободная навигація возможна только при половодіяхъ, въ теченіе не болѣе двухъ, трехъ мѣсяцевъ. Хотя движеніе плотовъ можетъ совершаться во весь періодъ навигаціи, но перевозка товаровъ на плотахъ слишкомъ медленна.

При такомъ состояніи путей,— сооруженіе петербургской желѣзной дороги принесло не сомнѣнную пользу, ускоривъ и облегчивъ торговыя операціи съ Петербургомъ и Москвою.— Ожидаемая желѣзная дорога отъ Динабурга на Витебскъ и Смоленскъ еще болѣе приблизитъ сѣверо-западный край къ центру Россіи и балтійскимъ портомъ.— Но чтобы изъ этихъ двухъ важныхъ путей извлечь достаточную пользу для торговли, необходимо, кажется, обратить вниманіе на улучшеніе дорогъ въ главнѣйшихъ направленіяхъ внутри сѣверо-западнаго края·— Таковы дороги, пролегающія— съ востока на западъ — отъ Могилева на Минскъ до Вильны, и сѣвера на югъ отъ Пинска: съ одной стороны— на Слуцкъ и Могилевъ, а съ другой на Гродну или Бѣлостокъ.

Недостатки водныхъ путей въ западной Россіи, рельефнѣе выдаваясь въ мѣстахъ ближайшихъ къ двумъ каналамъ, т. е. въ предѣлахъ гродненской губерніи, возбудили въ средѣ мѣстныхъ помѣщиковъ мысль о сооруженіи желѣзной дороги отъ Бѣлостока до Пинска, который, по своему географическому положенію, пріобрѣлъ первенствующее значеніе въ торговлѣ западной полосы Россіи. Этою желѣзною дорогою надѣялись обезпечить сбытъ произведеній, устранить потерю рабочей силы и времени, сопряженныхъ съ передвиженіемъ по каналамъ; кромѣ того, составители проекта указывали на ослабленіе этимъ путемъ не совсѣмъ выгодное вліяніе Пруссіи на торговлю сѣверо-западныхъ губерній.

Дѣйствительно, наибольшая часть произведеній сѣверо-западнаго края обращается къ портамъ Балтійскаго моря, и только изъ минской и могилевской губерніи нѣкоторая доля ихъ, преимущественно лѣсъ, направляется по Днѣпру къ Черному морю. Вслѣдствіе значительнаго протяженія водныхъ путей, продолжительности плаванія и сопряженныхъ съ нимъ затрудненій, по воднымъ системамъ— Нѣмана и Вислы, устья которыхъ находятся въ Пруссіи, запродажа мѣстныхъ произведеній возможна только по доставкѣ ихъ къ балтійскимъ портамъ.

По этому купцы сѣверо-западныхъ губерній находятся въ полной зависимости отъ прусскихъ купцовъ въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ и Мемелѣ. Наши торговцы обратились, можно сказать, въ агентовъ прусскихъ капиталистовъ, которые продажей нашихъ произведеній другимъ иностранцамъ, извлекаютъ изъ сѣверо-западнаго края гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ мѣстное торговое сословіе. Мѣстныя произведенія, направляемыя изъ Пинска, Столпцовъ, Слонима, Гродны и Бреста, по

прибытіи въ балтійскіе порты, не будучи запроданы ранѣе, въ ожиданіи запроса, должны по необходимости лежать въ прусскихъ магазинахъ болѣе или менѣе продолжительное время; при такомъ порядкѣ вещей, заграничная торговля сѣверо-западныхъ губерній терпитъ не мало отъ ущерба въ процентахъ съ капиталовъ, употребленныхъ за провозъ товаровъ изъ мѣстъ ихъ производства.— Еще большимъ неудобствамъ и болѣе значительнымъ рискамъ подвергается доставка заграничныхъ товаровъ на всѣ значительныя пристани сѣверо-западнаго края. Въ виду предстоящихъ затрудненій воднаго судоходства по Нѣману, Западному Бугу, Изарѣ, Виліи и проч. заграничные товары изъ балтійскихъ портовъ должны идти въ путь безъ предварительной запродажи ихъ мѣстнымъ купцамъ. При томъ, для товаровъ, слѣдующихъ въ дальнѣйшія мѣста по Днѣпру, бываетъ необходимо предварительно застраховать суда въ Пинскѣ, чтобы можно было расчитывать на безотлагательную доставку кладей въ среднюю Россію.

Г. Зеленскій, указавъ на неоспоримое значеніе Пинска въ торговлѣ, *какъ передаточнаго пункта произведеній юго-западной Россіи, направляемыхъ къ портамъ Балтійскаго моря*, весьма убѣдительными доводами доказываетъ несостоятельность желѣзной дороги отъ Пинска на Бѣлостокъ. Вся дѣятельность Пинска ограничивается *транзитною* торговлею, ибо состоитъ въ покупкѣ и перепродажѣ произведеній провозимыхъ черезъ Пинскъ изъ Днѣпра въ балтійскіе порты. Изъ $4^1/_2$ милліоновъ цѣнности произведеній, обращающихся на пинской пристани, $^{24}/_{25}$ части привоза состоитъ изъ произведеній, доставляемыхъ по Днѣпру и Припети и отправляемыхъ— въ Царство Польское, Мемель, Кенигсбергъ и Данцигъ; затѣмъ только $^1/_{25}$ часть оборотовъ относится къ произведеніямъ, идущимъ изъ этихъ портовъ къ Припети и Днѣпру. Слѣдовательно, питательною артеріей Пинска есть р. Припеть. По мнѣнію г. Зеленскаго, если мелководіе рѣкъ затрудняетъ торговыя операціи хлѣбомъ Пинска и балтійскими портами, то такая же причина затруднитъ подвозъ его и изъ Днѣпра. Безъ этого же подвоза, Пинскъ не могъ бы отпускать хлѣба, если бы этотъ городъ даже былъ соединенъ желѣзною дорогою съ Бѣлостокомъ. Между тѣмъ, при нѣкоторыхъ пожертвованіяхъ, судоходство по днѣпровско-бугскому и огинскому каналамъ можно привести въ состояніе вполнѣ удобное; и теперь по этимъ каналамъ, въ *случаѣ надобности*, производятся огромныя поставки всѣхъ сортовъ хлѣба.

Принимая въ соображеніе провозъ товаровъ по двумъ упомянутымъ каналамъ, г. Зеленскій, на основаніи приблизительнаго расчета, приходитъ къ заключенію, что *Литовская желѣзная* дорога, которая бы обошлась въ 20 милліоновъ рубл. приносила бы чистаго дохода не болѣе 200,000 руб., т. е. не болѣе 1%, а „между тѣмъ учредители рѣшились

просить управительства 5% дохода и безвозмездной уступки казенныхъ земель (не исключая и просѣки въ бѣловѣжской пущѣ), лежащихъ по линіи желѣзной дороги?" (*). Мы думаемъ, что литовская желѣзная дорога не устранила бы зависимости торговли сѣверо-западнаго края отъ вліянія прусскихъ капиталистовъ; ибо главные продукты—хлѣбъ и дерево по прежнему, направлялись бы водными путями; слѣдовательно желѣзная дорога далеко не приносила бы и того дохода, на который расчитываетъ г. Зеленскій. И нельзя съ нимъ не согласится. Чтобы задаваться мыслей о сооруженіи литовской желѣзной дороги, полезнѣе былобы бы обратить свободные капиталы на устраненіе главнѣйшихъ недостатковъ въ системахъ каналовъ и на улучшеніе сухопутныхъ путей; при этомъ не безполезно было бы подвергнуть изслѣдованію вопросы: въ какой степени полезны железныя дороги отъ Вильны до Смоленска, и отъ Минска съ одной стороны до Гродна, а съ другой до Слуцка? По нашему удѣжденію, такія направленія соотвѣтствуютъ экономическимъ пользамъ сѣверо-западнаго края; а сооруженіе ихъ не встрѣтитъ препятствій со стороны стратегическихъ операцій въ сѣверо-западномъ краѣ.— Надлежащее же устройство путей сообщенія и исправное ихъ содержаніе есть первостепенное условіе для будущаго развитія нашего громаднаго сѣверо-западнаго пространства.

Къ средствамъ, облегчающимъ торговлю, слѣдуетъ однести также и *надлежащее устройство рынковъ*. Еще за долго до устройства городовъ, на основаніи магдебургскихъ привиллегій, нѣкоторые значительные пункты этого края имѣли склады и лавки, въ которыхъ, какъ выше сказано, производилась мѣновая торговля. Магдебурскія права, данныя всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ Витольдомъ и Ягеллонами, увеличили число рынковъ— базаровъ и ярмарокъ и, организовавъ купеческія общества, значительно облегчили способы торговли, съ исхода XIV столѣтія. Историческія монографіи, собранныя Валинскимъ изъ богатыхъ мѣстныхъ архивовъ, обнаруживаютъ, что, въ это время, въ городахъ возрастали лавки и пошлины въ казну, опредѣленныя за торговлю разными продуктами. Но съ XVII столѣтія, раздачу магдебургскихъ привиллегій присвоили себѣ значительные владѣльцы, которые обращали свои имѣнія въ города и мѣстечки, населяя ихъ евреями, единственно ради своихъ личныхъ интересовъ.

По мѣрѣ возрастанія такихъ искуственныхъ рынковъ, возрастали и пошлины, налагаемыя на всѣ продукты, привозимые туда сельскими жителями.— Евреи, захвативъ въ свои руки торговлю, въ корыстныхъ видахъ большихъ землевладѣльцевъ видѣли пользу и для своихъ собственныхъ интересовъ.—

(*) Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ разборомъ г. Зеленскаго проекта литовской желѣзной дороги, мы отсылаемъ къ труду его: „Матеріалы" II, 302—312.

Разнообразныя и многочисленныя пошлины, одно перечисленіе которыхъ заняло бы нѣсколько страницъ, составляли предметъ выгодныхъ спекуляцій для еврейскихъ промышленниковъ. Рядомъ съ лавками и базарами, подлѣ храмовъ, появились корчмы, доставлявшія наибольшія выгоды владѣльцамъ. Шинки эти отдавались въ аренду евреямъ.— Къ этому же времени, какъ извѣстно, относится переломъ въ благосостояніи мѣщанъ и сельскихъ жителей. Города и мѣстечки потеряли коренной, промышленный элементъ; мѣщанство утратило свою силу и значеніе и, постепенно вытѣсняемое евреями, приходило въ ничтожество, или переселялось въ села; сельскіе жители, за привозъ своихъ продуктовъ на рынки, должны были платить пошлины, чуть ли не съ каждаго куринаго яица и полѣна дерева; въ шинкахъ евреи спаивали униженныхъ мѣщанъ и угнетенныхъ, забитыхъ нравственно и физически крестьянъ. Въ иной благоустроенной странѣ, многочисленность рынковъ приноситъ существенную пользу, увеличивая соприкосновеніе производителей съ потребителями. Но въ Литвѣ и Литовской Руси, въ эпоху ихъ соединенія съ Польшею, базары и ярмарки сдѣлались притонами разгула, пьянства, нравственнаго растлѣнія, и матеріальныхъ потерь. Вопреки мнѣнію, установленному А. Смитомъ, деревни много проигрывали отъ соприкосновенія съ городомъ; обогащались владѣльцы рынковъ и евреи, захватившіе торговлю въ шинкахъ, гдѣ крестьянинъ оставлялъ большую часть денегъ, вырученныхъ на базарѣ или ярмаркѣ. Въ такомъ видѣ сѣверо-западные губерніи возвращены Россіей. По словамъ Ляхницкаго, въ Гродненской губерніи, въ 1817 году, было 96 городовъ и мѣстечекъ, а въ нихъ 7,000 шинковъ; такое же число шинковъ онъ считалъ по деревнямъ. На полъ-милліона жителей 14,000 корчемъ и шинковъ! Среднимъ числомъ на одинъ городъ и мѣстечко приходилось болѣе 70 питейныхъ домовъ, на одно питейное заведеніе 36 жителей!?....

Число шинковъ, съ этого времени, значительно уменьшилось, но еще не ослабѣло ихъ вредное вліяніе, вслѣдствіе глубоко вкоренившихся привычекъ въ простомъ народѣ.— Каждый городъ и мѣстечко въ сѣверо-западномъ краѣ представляютъ рынокъ, на которомъ производится торгъ одинъ, два и даже болѣе разъ въ недѣлю, смотря по степени населенія, или промышленному значенію пункта. Почти всѣ мѣстечки въ извѣстные дни года имѣютъ ярмарки, на которыя, въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ, производится обмѣнъ сырыхъ сельскихъ произведеній на предметы, потребные въ сельскомъ хозяйствѣ.

Обращеніе товаровъ, служащихъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, на торгахъ и ярмаркахъ, составляя предметъ *внутренней торговли*, къ сожалѣнію, не можетъ быть опредѣлено съ тою точностію, какой статистика требуетъ, для опредѣленія ея вліянія на степень благосостоянія страны.

Три фактора, определяющие характеръ и значеніе торговли въ странѣ: родъ, количество и цѣнность произведеній, при настоящемъ состояніи данныхъ, не могутъ подлежать полнымъ изслѣдованіямъ.— Оффиціальныя цифры, собираемыя полиціею, объ оборотахъ ярмарокъ, подлежащихъ отчетности, неточны, неопредѣленны, не соотвѣтствуютъ ни цѣлямъ правительства, ни требованіямъ науки.— Свѣдѣнія же о торговлѣ на постоянныхъ рынкахъ— на торгахъ и въ лавкахъ не могутъ быть собраны никакими путями. Можно еще имѣть свѣдѣнія о числѣ лавокъ, о родѣ товаровъ,— но какова масса продуктовъ обращается въ торговлѣ, опредѣлить даже приблизительно невозможно.

Коммерческій раіонъ каждаго торговаго пункта— (города или мѣстечка съ базаромъ), по нашему исчисленію, въ сѣверозападныхъ губерніяхъ не превосходитъ 2,500 кв. вер., т. е. заключаетъ въ діаметрѣ не болѣе 50 верстъ (*). Но не всѣ такіе центры въ состояніи удовлетворить разнообразнымъ потребностямъ жителей, на различныхъ ступеняхъ гражданской жизни, степени богатства и просвѣщенія. Число такихъ торговыхъ пунктовъ, гдѣ потребители могутъ найдти удовлетвореніе не только потребностямъ жизни, но и разнообразнымъ прихотямъ моды и вкуса, весьма незначитетьно; сюда, безъ сомнѣнія, относятса губернскіе города и нѣсколько уѣздныхъ: Пинскъ, Бѣлостокъ, Смоленскъ, Новогрудокъ и нѣкоторые другіе.— Въ этихъ мѣстахъ сосредоточены наибольшіе капиталы, и они составляютъ притягательную силу для весьма значительнаго раіона.

Всѣ прочіе торговые пункты представляютъ постепенные переходы рынковъ послѣдней ступени, на которыхъ стоятъ мѣстечка, торгующія съ произведеніями, удовлетворяющими нуждамъ одного только сельскаго населенія. Здѣсь крестьянинъ приходитъ въ постоянное соприкосновеніе съ непроницаемымъ мракомъ замкнутаго еврейскаго общества.— Здѣсь капиталы дробятся до безконечности, и хотя имѣютъ двѣ, три лавки для удовлетворенія нуждъ людей знакомыхъ съ утонченнымъ вкусомъ,— но это не нарушаетъ обычной жизни этихъ темныхъ уголковъ сѣверо-западнаго края— грязныхъ, неопрятныхъ, какъ грязны и неопрятны ихъ хозяева— евреи. По наружности они представляютъ довольно оживленный видъ, особенно въ торговые дни и ярмарки.

Мы еще живемъ въ такое время, когда ярмарки составляютъ весьма сильный рычалъ внутренней торговли. Малая населенность, слабая степень производства, низкій уровень образованія и ограниченность потребностей ставятъ внутреннюю торговлю сѣверо-западныхъ губерній въ необходимость оживлять ее, время отъ времени, посредствомъ толчковъ, даваемыхъ ярмарками.

(*) Въ Гродненской губерніи торговый пунктъ приходится на 14 кв. миль, т. е. на 675 кв. верстъ.

Обороты ярмарокъ сѣверо-западныхъ губерній, на основаніи оффиціальныхъ показаній, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Губерніи.	Число ярмарокъ.	Привозъ.	Продажа.	Отношеніе привоза къ продажѣ.
		Рублей.		
Гродненская.	109	948,000	528,000	55%
Виленская . .	67	385,000	187,000	48%
Ковенская .	57	342,000	103,000	30%
Минская. . .	58	302,000	142,000	47%
Итого . .	291	1,977,000	955,000	48%

По исчисленію ярмарокъ—большія источности.— Такъ, въ Гродненской губерніи, по отчетамъ губернатора, считалось въ 1858 году 57 ярмарокъ на 904,000 руб., а въ 1859 году статистическій комитетъ показалъ 104 ярмарки на 896,000 руб.!

По нашимъ изслѣдованіямъ, можно прійдти только къ одному положительному заключенію, что ярмарки, въ послѣднее время, упали, а нѣкоторыя весьма значительно.

Еще недавно наибольшія ярмарки находились въ Гродненской губерніи: въ Зельвѣ, Свислочи, въ Влодавѣ и Цехановцѣ. Но изъ нихъ только одна Зельвянская до сихъ поръ сохранила свое первенствующее значеніе, обороты же прочихъ уменьшились въ послѣдніе 15 лѣтъ отъ 3 до 10 разъ (Свислочская). На этихъ главныхъ 4 ярмаркахъ, въ 1845 году, привозъ простирался на сумму 1,295,000 руб., а въ 1860 году— только на 776,000 руб.

Первенствующее значеніе имѣетъ ярмарка въ *Зельвѣ*, которая продолжается три недѣли. Незначительное мѣстечко въ 76 верстахъ на юго-востокъ отъ Гродны, въ исходѣ прошедшаго сто-лѣтія, какъ по оборотамъ, такъ и количеству торговаго сословія, считалось въ мнѣніи евреевъ важнѣйшимъ послѣ Лейпцигской. Главный торгъ производится лошадьми. Теперь Зельвянская ярмарка, хотя значительно утратила свое значеніе, по своимъ оборотамъ, принадлежитъ еще къ важнѣйшимъ торговымъ центрамъ всей полосы западной Россіи.— Важнѣйшія статьи торговли ея составляютъ. а) Разнаго рода ткани-шерстяныя, бумажныя и сукна— 53%, галантерейные товары 24%, металлическія издѣлія 6%, бакалейные 5%. Затѣмъ, на Зельвянскую ярмарку привозятся: хрусталь, фаянсъ, фарфоръ, книги, картины, въ сложности до 7%, лошадей же и рогатаго скота— приводится весьма немного,—на сумму до

22,000 руб. Издѣлія русской промышленности значительно превышаютъ всѣ прочія, такъ что въ общей сложности оборотъ русскими издѣліями составляетъ $^4/_5$ всего оборота. Самый лучшій сбытъ на Зельвянской ярмаркѣ имѣютъ: лошади, рогатый скотъ, мыло, свѣчи, табакъ, фарфоровая и фаянсовая посуда, бумажныя и шерстяныя матеріи. Напротивъ — европейскія издѣлія: блонды, кружева, шелковыя матеріи и дамскіе уборы не имѣютъ выгоднаго сбыта. Самое дѣятельное участіе въ Зельвянской ярмаркѣ принимаютъ купцы Гродненской губерніи, обороты которыхъ въ сложности простираются до 47%. Изъ великороссійскихъ же купцовъ наиболѣе извѣстенъ, по обширности оборотовъ, Зотовъ мануфактурными издѣліями и Дехтеревъ — желѣзными.

Къ значительнымъ ярмаркамъ слѣдуетъ отнести ярмарки въ *Новоалександровскѣ* (ковенской губерніи), въ Вильнѣ и въ Минскѣ.

Ярмарки сельско-хозяйственныя наиболѣе многочисленны, но обороты капиталовъ такихъ ярмарокъ весьма ограничены, и нисходятъ до 1,000 руб.— Ярмарокъ, торгующихъ однимъ скотомъ, не много. Еще менѣе ярмарокъ, производящихъ торговлю мануфактурными произведеніями и предметами потребленія образованныхъ и зажиточныхъ классовъ. Къ послѣднему разряду, мы относимъ Зельвянскую, Минскую, Виленскую и Новоалександровскую ярмарки, обороты которыхъ въ сложности составляютъ — около половины общихъ ярморочныхъ оборотовъ. Наибольшее число ярмарокъ бываетъ лѣтомъ, наименьшее зимою. Вслѣдствіе бездорожья, ярмарки въ мартѣ и ноябрѣ весьма незначительны и число ихъ ничтожно.

Внѣшняя торговля сѣверо-западнаго края, подъ которой надо понимать *отпускъ* излишка мѣстныхъ продуктовъ, остающихся за удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей, и *ввозъ* такихъ произведеній извнѣ, какихъ сама страна не производитъ, но потребленіе которыхъ составляетъ необходимость,—не можетъ быть опредѣлена съ точностію, при состояніи нашихъ статистическихъ данныхъ. Оффиціальные источники даютъ нѣкоторое понятіе о цѣнности товаровъ, двигающихся водяными путями; но и здѣсь изслѣдователь встрѣчается съ такими цифрами, изъ которыхъ весьма трудно сдѣлать надлежащее заключеніе. Чтобы ближе подойдти къ истинѣ, надобно пересмотрѣть бухгалтерскіе счеты купеческихъ конторъ; но и здѣсь мы встрѣчаемся недовѣрчивостію сословія, тщательно скрывающаго все то, что касается до ихъ оборотовъ,

По этому нѣтъ никакихъ средствъ опредѣлить точное количество и цѣнность товаровъ, ввозимыхъ и вывозимыхъ сухимъ путемъ, хотя нельзя не замѣтить постояннаго движенія транспортовъ съ кладью, особенно во время прекращенія навигаціи— по главнѣйшимъ дорогамъ.

Остается подвергнуть изслѣдованію размѣры внѣшней торговли, направляемой водяными путями. Общее протяженіе су-

доходныхъ и сплавныхъ путей, въ предѣлахъ 4-хъ губерній, составляетъ 7,776 верстъ, или на 100 кв. верстъ поверхности приходится 4 протяженія рѣкъ, способныхъ для движенія судовъ и плотовъ. Не смотря на довольно значительное протяженіе водныхъ путей, общую связь и выгодное направленіе важнѣйшихъ водяныхъ жилъ, съ одной стороны связанныхъ съ портами Балтійскаго моря, а съ другой съ бассейномъ Чернаго моря,— судоходство по водамъ сѣверо-западнаго края сопряжено съ большими затрудненіями, по причинѣ указанныхъ нами естественныхъ недостатковъ рѣкъ. Товары, слѣдующіе изъ днѣпровскаго водоема въ системѣ огинскаго и днѣпровско-бугскаго каналовъ, останавливаются въ Пинскѣ, для перегрузки товаровъ на суда меньшихъ размѣровъ или на плоты. Въ то время, когда въ Щарѣ и Нѣманѣ, въ Мухавцѣ и Бугѣ, вода убываетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, въ Пинскѣ теряется дорогое время на перегрузку. Купецъ, запродавшій свой товаръ на срокъ въ Кенигсбергъ, и давшій въ обезпеченіе исполненія значительный залогъ, даже тронувшись изъ Пинска, подвергается опасности не поспѣть во время, вслѣдствіе быстраго обмеленія русла судоходныхъ рѣкъ послѣ весенняго половодья.

Для нагляднаго понятія о размѣрахъ торговли, представляемъ нѣкоторыя данныя о цѣнности товаровъ, слѣдующихъ по системамъ березинской, днѣпровско-бугской и огинской (*).

Названіе рѣкъ и пристаней.	*Грузилось и отправлено.*	*Пришло и разгрузилось.*
р. Нѣманъ и Щара.		
Ковна	1,405,000 руб.,	800,000 руб.
Гродна и Слонимъ .	492,000 —	477,000 —
Столпцы	370,000 —	129,000 —
Огинскій Каналъ и Ясельда.		
Телеханы	53,000 —	24,000 —
р. Пина.		
Пинскъ и Городище	1,313,000 —	1,431,000 —
р. Мухавецъ и Бугъ.		
Брестъ и Кобринъ .	415,500 —	?
р. Припеть		
Мозырь и Туровъ .	390,000 —	23,000 —
р. Днѣпръ (въ Минской губ.)		
Рѣчица и Лоевъ .	121,000 —	7,000 —

(*) Свѣдѣніями о пристаняхъ Минской губерніи мы обязаны г. Зеленскому, который, въ своемъ описаніи, статью о судоходной торговлѣ обработалъ съ особенною тщательностію, заслуживающею полнаго вниманія. См. Матеріалы, II, 293—386.

р. Березина.		
Сергучевъ, Борисовъ и Бобруйскъ.	382,000 —	505,000 —

Къ этимъ даннымъ мы можемъ еще присоединить, что изъ *Пинска* направляется въ днѣпровско-бугскій каналъ товаровъ на 1,467,000 руб., а въ огинскій на 60,000 руб.

Главные предметы отпуска изъ сѣверо-западнаго края — *хлѣбъ* и *лѣсъ;* но *льняное сѣмя, вино* и нѣкоторые сельскохозяйственные продукты вывозятся на весьма малую сумму. Изъ фабричныхъ произведеній, по вывозу въ послѣднее время, пріобрѣло большое значеніе *сукно* бѣлостокскихъ фабрикъ и разныя шерстяныя издѣлія, слѣдующія, впрочемъ, сухопутьемъ. Вывозъ *домашняго скота* и *шерсти* весьма незначителенъ. На пристаняхъ сѣверо-западнаго края, въ значительномъ количествѣ, истощается *сало,*—продуктъ, принадлежащій промышленности южныхъ губерній.

Болѣе разнообразны предметы привоза изъ внутреннихъ рынковъ Имперіи, изъ Царства польскаго и изъ заграницы:

Изъ внутреннихъ мѣстъ Россіи идутъ *хлѣбъ, соль, желѣзо, красный товаръ, металлическая, фарфоровая, фаянсовая и стеклянная посуда, табакъ.* Изъ Царства польскаго, преимущественно изъ Варшавы: *мебель, разные предметы роскоши* и *моды.*—Главные продукты заграничные: *вина* и *разныя колоніальныя* произведенія слѣдуютъ изъ *Рижскаго* порта.

Цифрами обозначить размѣровъ всей внѣшней торговли мы не можемъ; только нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія можно имѣть о размѣрахъ привоза и вывоза товаровъ, слѣдующихъ водою.

1) *Торговля хлѣбомъ и другими земледѣльческими продуктами.*

Можно сказать съ нѣкоторою вѣроятностію, что изъ каждой губерніи сѣверо-западнаго края вывозится ежегодно отъ 150 до 200,000 четвертей хлѣба, цѣнностію отъ полу—до одного милліона рублей. Недостающее количество хлѣба для мѣстнаго потребленія восполняется привозомъ его въ сѣверо-западный край изъ приднѣпровскихъ губерній, и юго-западнаго края. По шестилѣтней сложности, разнаго рода хлѣба привозится въ Пинскъ, преимущественно изъ пристаней нижняго Днѣпра на 530,000 руб.; — изъ Минска же, далѣе по системамъ каналовъ, выходитъ ежегодно хлѣба на 560,000 руб.,— нѣкоторая доля котораго поступаетъ на главнѣйшія пристани сѣверо-западнаго края, а все остальное количество обращается къ балтійскимъ портамъ. Въ неурожайные годы, вывозъ хлѣба за границу изъ сѣверо-западнаго края не прекращается, но тогда усиленный запросъ на хлѣбъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ выражается быстрымъ и непомѣрнымъ возвышеніемъ цѣнъ, особенно если прибавится значительный, противъ ожиданія торговцевъ, постой войскъ. Такимъ образомъ, въ 1856 году, не смотря на де-

шевизну хлѣба въ Пинскѣ, на рынкахъ Гродненской губерніи цѣна ржи достигала 12 руб. за четверть!

Мы уже нѣсколько знакомы съ невыгоднымъ положеніемъ хлѣбной торговли, вслѣдствіе монополіи евреевъ, способствующей искуственному возвышенію хлѣба въ цѣнѣ. Эти невыгоды бываютъ особенно замѣтны при поставкахъ провіанта для казны. Скупка хлѣба понемногу у крестьянъ и помѣщиковъ, черезъ мелкихъ торговцевъ и переуступки контрактовъ, до такой степени возвышаютъ первоначальную стоимость хлѣба, что казнѣ выгоднѣе законтрактовывать хлѣбъ въ приднѣпровскихъ губерніяхъ. Но, при ограниченномъ періодѣ навигаціи, это не всегда возможно; по этому, продовольствіе войскъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ находится въ тѣсной зависимости отъ еврейскихъ барышниковъ, тѣмъ болѣе, что сами владѣльцы, по старой привычкѣ, не охотно принимаются за торговлю безъ ихъ посредничества.

Какъ бы то ни было, но не нормальное состояніе хлѣбной торговли ставитъ земледѣльческую промышленность въ стѣсненное положеніе; достаточно одного неурожайнаго года, чтобы производителей и потребителей сельскихъ продуктовъ поставить въ затруднительное положеніе и поднять цѣны на все, лишивъ производство должныхъ выгодъ. Раціональныя начала хлѣбной торговли, по нашему убѣжденію, не мыслимы при настоящемъ духѣ еврейскаго посредничества; надобно прежде перевоспитать евреевъ, преграждающихъ свободное развитіе промышленности, и въ то же время доставить надлежащую нравственную и матеріальную силу мѣстному элементу, чтобы освободить страну отъ сокрушительной силы еврейской монополіи въ торговлѣ.

Прочіе земледѣльческіе продукты, въ оборотахъ внѣшней торговли, не имѣютъ большаго значенія,— нѣкотораго вниманія заслуживаетъ еще торговля *льнянымъ сѣменемъ*. *Льнянаго сѣмени*, въ разные пристани Минской губерніи, ежегодно привозится на сумму до 230,000 руб.; изъ этого количества только небольшая часть остается для мѣстнаго потребленія; все остальное вывозится за границу;— независимо отъ того Минская губернія сама вывозитъ льнянаго сѣмени на 90,000 руб., а Гродненская на 60,000; надо полагать, что не меньшая доля льнянаго сѣмени вывозится изъ другихъ сѣверо-западныхъ губерній, о чемъ, впрочемъ, мы не можемъ дать никакихъ свѣдѣній. По отсутствію маслобоенъ, имѣющихъ столь важное значеніе въ земледѣльческой промышленности,— страна добровольно лишаетъ земледѣліе важнаго продукта, ибо съ каждой нашей четверти льнянаго сѣмени въ Англіи выручается такая же сумма въ маслѣ и выжимкахъ, за какую мы продаемъ сѣмя на приморскихъ пристаняхъ.

2) *Торговля лѣсомъ и лѣсными матеріалами.*

Торговля лѣсомъ имѣетъ безспорное значеніе для сѣверо-западнаго края. Лѣсъ идетъ въ громадномъ количествѣ за гра-

ницу, какъ къ сторонѣ балтійскихъ портовъ, такъ и въ Черное море. — Изъ одной Минской губерніи по Днѣпру въ Кременчугъ и далѣе сплавляется ежегодно товарнаго лѣса на сумму до 650,000 р. Изъ Гродненской губерніи ежегодно сплавляется до 40,000 бревенъ, 25,000 брусьевъ и болѣе 10,000 лежней на сумму отъ 200,000 руб., къ балтійскимъ портамъ, преимущественно въ Пруссію. Вѣроятно, не меньшее количество лѣснаго матеріала идетъ въ Балтійское море изъ прочихъ двухъ сѣверо-западныхъ губерній. Значительныя требованія на лѣсъ за границею и увеличившійся расходъ лѣснаго матеріала на желѣзныя дороги значительно возвысили цѣнность этого продукта; цѣны же на дрова, въ послѣдніе 15 лѣтъ, почти удвоились.— Но и лѣсная торговля, подобно хлѣбной, мало отражается на общественномъ благосостояніи; операціи ея слишкомъ сложны, лѣсная промышленность въ застоѣ; сбытъ лѣса основанъ лишь на лѣсоистребленіи, безъ всякаго расчета въ порубкахъ. Еще недавно обнаружены были весьма чувствительныя лѣсоистребленія въ Бѣловежской пущѣ, обогатившія нѣсколькихъ лѣсопромышленниковъ; частные же лѣса положительно приведены въ такое состояніе, что въ близкомъ будущемъ страна можетъ лишиться одного изъ важнѣйшихъ естественныхъ источниковъ богатства.

Замѣтную статью по цѣнности оборотовъ занимаетъ *говяжье сало;* вся эта торговля сосредоточена на минскихъ пристаняхъ, куда изъ Екатеринослава, Кременчуга, Крюкова и Крылова доставляется ежегодно сала болѣе $1^1/_2$ мил. пуд. на 820(*),000 р., въ томъ числѣ въ одинъ Пинскъ на 810,000 руб. Изъ этого количества для мѣстнаго потребленія остается не болѣе 250,000 пуд., а все прочее, свыше милліона пудовъ, идетъ въ прибалтійскіе города— Мемель, Кениксбергъ и Данцигъ, задерживаясь небольшими партіями на промежуточныхъ пристаняхъ сѣверо-западнаго края.

Важнѣйшій привозный продуктъ послѣ хлѣба—*соль* доставляется изъ *Кременчуга* и *Крюкова*, а частію изъ *Кениксберга*. Такъ въ Минскую губернію соли ежегодно привозится по Днѣпру на 490,000 р.; въ Гродненскую же губернію изъ Кенигсберга привозится до 200,000 пудовъ, а изъ Пинска—до 270,000 пуд., всего на сумму до 980,000 руб.

Шерсти на бѣлостокскія фабрики привозится ежегодно около 45,000 пуд., на сумму до 850,000 руб. Наибольшее количество ея доставляютъ южныя губерніи, но лучшая шерсть идетъ изъ Варшавы.

Говоря о внѣшней торговлѣ, нельзя пройдти молчаніемъ контрабанды, которая въ западной полосѣ, смежной съ границей, и особенно въ Ковенской губерніи, производится въ обширныхъ размѣрахъ, нанося не маловажный ущербъ казеннымъ интересамъ. Контрабанду можно найдти на всѣхъ значительныхъ

(*) Что-то слишкомъ дешево! Ред.

рынкахъ, и на большихъ ярмаркахъ. Контрабандисты съ искуствомъ овладѣли всѣми путями и обладаютъ большими средствами къ минованію преслѣдованій правительства.

Черезъ 5 таможенъ, находящихся на пруской границѣ: Юрбургскую, Таурогенскую, Новомѣстскую, Горждовскую и Кретингенскую, по 12 лѣтней сложности, съ 1846 по 1857 годъ, среднимъ числомъ:

Прывозится товаровъ на 5,439,672 руб.
Вывозится — — 2,738,731 руб.

Въ томъ числѣ мѣдной монеты:

Привозится на 1,441,109 руб., вывозится на 333,361 руб., слѣдовательно, черезъ прусскую границу, на основаніи оффиціальныхъ показаній, прибываетъ въ Россію монеты ежегодно болѣе чѣмъ на *одинъ милліонъ рублей.*

Пошлины съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ въ Юрбурскомъ таможенномъ округѣ поступаетъ ежегодно въ казну на 1,826,000 руб. 22% отъ всего оборота.

Товаровъ же на прусской границѣ, тайно провозимыхъ, по среднему выводу обнаруживается конфискаціей на 38,279 руб., или на 0,4% относительно всего привоза и вывоза.

П. Бобровскій.

(*Слѣдуетъ окончаніе.*)

ГАЗЕТНЫЕ ТОЛКИ О ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Въ послѣднее время наши газеты довольно часто говорили о важности возможно— большаго укрѣпленія русскаго землевладѣнія въ западной Россіи. Однѣ изъ нихъ относились,— какъ и слѣдовало ожидать,—къ вопросу честно, благонамѣренно, по-русски; другія же, не въ силахъ будучи бороться съ очевидностью правды, старались мотивировать тему о землевладѣніи въ западной Россіи подъ такимъ, не рѣдко шляхетскимъ, угломъ зрѣнія, подъ которымъ предметъ представляется въ полусвѣтѣ, либо въ искривленномъ и не нормальномъ положеніи. Не входя въ анализъ воззрѣній ни первыхъ газетъ, ни послѣднихъ, мы, при всей нашей скромности, считаемъ себя обязанными сказать и доказать, что иниціатива проекта, или желанія экспропріаціи земель польскихъ въ западной Россіи,— подобно иниціативѣ другихъ проектовъ, желаній и воззрѣніи (въ томъ числѣ и особности нашей народности въ *нашемъ* православіи (*),— принадле-

---

(*) Въ статьѣ „Вѣстника западной Россіи:“ „О характерѣ и дѣятеляхъ народнаго образованія“ (18⁶³/₆₄ г. Отд. IV.) многія страницы посвящены развитію этой темы; статьи: „Еще

жить тому изданію, которое сдѣлало *исключительною* задачею своего бытія и дѣятельности нравственные и матеріальные интересы западной Россіи, и которое обладаетъ какъ необходимою для того спеціальностью, такъ равно средствами и пріемами, не всегда пригодными и доступными для другихъ изданій. Такое изданіе очевидно и безъ названія.

Назадъ тому два года, вотъ что сказалъ „Вѣстникъ западной Россіи“ по поводу экспропріаціи земель польскихъ к усиленія русскаго землевладѣнія и элементѣ въ западной Россіи.

„Разныхъ средствъ для ослабленія польской силы въ здѣшнемъ краѣ было предложено разными органами нашей прессы весьма много; но всѣ онѣ — или полумѣры, или намеки, быть можетъ, случайно попавшіе на истину, но не съумѣвшіе поставить ее какъ нужно, — указаніе на положенія безъ основаній и выводовъ. Чтобы найдти средства къ тому самыя надежныя и радикальныя, мы должны рѣшить, какъ можно послѣдовательнѣе и основательнѣе вопросъ: въ чемъ заключается сила польская въ этомъ краѣ? Безъ узнанія этого секрета, мы можемъ, пожалуй, вѣчно розыгрывать роль филистимлянъ въ борьбѣ съ Самсономъ.

Пропаганда польская, какъ мы видѣли, силится нанести намъ раны довольно глубокія и частыя; но все-таки она есть оружіе, пріемъ битвы, а не рука, не самая сила, — есть явленіе, а не причина явленія, есть фактъ, опирающійся на прочныхъ основаніяхъ. Не имѣй пропаганда подъ собою незыблемой почвы, крѣпкихъ точекъ опоры, она была бы похожа на оружіе, висящее на стѣнѣ, лежащее въ оружейномъ магазинѣ. Гдѣжъ эта почва, эта точка опоры? Ее нужно искать на почвѣ исторической. Юго-западный край Россіи былъ чисто-русскимъ, православнымъ, не только подъ управленіемъ князей изъ дома Рюрикова, но и подъ владычествомъ князей литовскихъ. Но когда онъ вступилъ въ федеративный союзъ съ королевствомъ польскимъ, или республикой (не знаемъ какъ и звать *его* или *ее*), этотъ союзъ весьма скоро обратился въ тиранію латино-польскаго, пришлаго элемента надъ кореннымъ, православно-русскимъ. Пу-

---

двѣ-три слова на счетъ газетныхъ толковъ о примиреніи съ поляками“ ($186^{4}/_{5}$ г. кн. 8. Отд. III), а особенно: „Замѣтка“ противъ „Голоса“ ($186^{5}/_{6}$ г. книж. I. Отд. III), — цѣликомъ посвящены разъясненію и доказательству этой мысли. Въ послѣдней статьѣ просимъ читателей обратить особенное вниманіе на 8 и 9 страницы.

тѣмъ насилій политическихъ и измѣнъ религіозныхъ *землями русскими*, *вопреки яснымъ условіямъ свободнаго договора, овладѣли поляки, либо ренегаты православія*; право юридическое обратилось въ самоправство шляхетское, власть административная очутилась въ рукахъ однихъ поляковъ. Земли туземцевъ, бѣжавшихъ куда глаза глядятъ отъ гнета *русской* вѣры и народности *добрыми* союзниками, равно какъ и земли вольнаго казачества и всѣхъ, кто послабѣй и беззащитнѣе, были отчуждаемы отъ законныхъ собственниковъ и, разными декретами королевскими, или прямо насиліемъ (*), усвояемы разнымъ вліятельнымъ панамъ. Такимъ образомъ цѣлыя староства, огромныя полосы русской земли, на сотни верстъ, отъ рѣки до рѣки, отъ города до города, обратились въ почву, на которой, въ теченіи вѣковъ, лились потъ и кровь русскаго человѣка, превращеннаго въ польскаго хлопа тѣми людьми, которые проповѣдывали równość, niepodległość, вступили въ союзъ съ русскими, „какъ равный съ равнымъ“ и *международнымъ актомъ обязались не пріобрѣтать земель русскихъ, ни куплей, ни мѣной, ни дарственной записью, ни женитьбой, ни завѣщаніемъ.* Наши предки, должно быть, весьма хорошо знали натуру своихъ союзниковъ, еще лучше знали цѣнность земли, ея значеніе въ гражданскомъ отношеніи, когда хотѣли оградить ея неприкосновенность такими крѣпкими, ясными и подробными условіями федераціи. Но что значитъ законъ и право предъ жадностью и самоправствомъ людей, у которыхъ самъ король немного различался отъ невольника въ золотыхъ цѣпяхъ!.... Короче: *земли русскія обратились въ земли польскія совершенно беззаконно,— путемъ самоволія, измѣны и насилія.*

О нравственномъ насиліи, тяготѣвшемъ надъ русскимъ православнымъ людомъ, въ эпоху подчиненія его Рѣчи-посполитой, и говорить нечего. Гости такъ расхозяйничались въ землѣ

(*) Бывало и такъ, что мелкій землевладѣлецъ отлучится на нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ изъ своего имѣнія и не находитъ его тамъ, гдѣ оно было. Примѣты географическія не существуютъ: на мѣстѣ пруда—холмъ, лѣса—поле, села—лѣсъ и проч. Это видите, facecia, (продѣлка, шутка) крупнаго пана, желавшаго избавиться отъ ничтожнаго, или непріятнаго сосѣда. Если пану захочется сдѣлать этотъ метаморфозъ зимою, то сугробы снѣга еще болѣе пособятъ шутливому либо жадному пану къ видоизмѣненію мѣстности. Мелкій землевладѣлецъ жалуется, но ему ли выиграть тяжбу съ ясневельможнымъ на судѣ польскомъ! Это факты.

чужой, что на долю ея хозяевъ осталось одно терпѣніе, безнадежные стоны и вопли,— нѣмое исполненіе воли властей польскихъ, или мученичество. Это зло такъ въѣлось въ организмъ здѣшняго края, что даже теперь, при накопленіи такихъ и стольхихъ вразумляющихъ фактовъ, еще далеко не открылась вся его громадность.

Но всегда ли такъ должно быть? Избави Богъ! Мы не хуже предковъ понимаемъ цѣнность земли, лучше ихъ видимъ и предвидимъ тѣ права, которыя она даетъ и можетъ дать своимъ обладателямъ. Мы лучше ихъ знаемъ, что земля есть грунтъ, *фундаментъ*, *сила* націи, мать ея довольства, кормилица ея дѣтей, уголокъ земнаго шара, отведенный для ея обитанія, надѣленный въ ея собственность Самимъ Творцемъ вселенной. Если случится временный захватъ этихъ земель враждебной силою, то это еще не даетъ ей права— ни естественнаго, ни историческаго на вѣчное владѣніе ими, — онѣ все таки не перестаютъ быть достояніемъ націи. Найдете ли вы цѣлыя области французскія, италіянскія, прусскія (*) и проч., въ которыхъ земли были бы не французскія, не италіянскія, не прусскія и проч.? У насъ только явился этотъ странный status in statu,— эти чужія земли на землѣ русской. Мы терпѣли доселѣ эту нелогичность по своему великодушію, по своей нестяжательности, по уваженію къ земской, хотя бы то незакрѣпленной никакимъ актомъ, *никакимъ правомъ*, давности. У насъ достало бы великодушія и безкорыстія— терпѣть эту аномалію и далѣе, если бы люди, которымъ дѣлалось это благодѣяніе, умѣли цѣнить его какъ слѣдуетъ, не сдѣлали задачею своей жизни желанія вредить намъ, еслибъ у насъ было какое нибудь основаніе для надежды на дружбу, или хоть на прекращеніе вражды нашихъ коварныхъ и злыхъ сосѣдей. Но вся польская исторія, по 1812, 30, 48 и 63 годы, но отвергнутые опыты нашего незлобія и великодушія— должны бы, кажется, окончательно убѣдить насъ въ призрачности этой надежды, въ нелогичности дальнѣйшаго великодушія. Мы ужъ не смѣемъ вѣрить

(*) Мы здѣсь различаемъ земли, искони— принадлежащія націи, отъ территорій, приросшихъ къ извѣстнымъ націямъ, вслѣдствіе событій историческихъ, каковы, напр., Венгрія въ Австріи, Алжиръ во Франціи, Финляндія и Царство Польское въ Россіи и проч. Такія территоріи не имѣютъ ничего общаго съ землями западныхъ и юго-западныхъ губерній Россіи,— съ землями, чисто, искони-русскими.

искренности разныхъ адресовъ, присягъ. Мы знаемъ изъ исторіи Польши, сколько разъ отецъ святой разрѣшалъ поляковъ отъ разныхъ клятвъ; мы видимъ, что эти краснорѣчивые адресы, эти страшныя клятвы — не болѣе сильныхъ звуковъ, которые издаетъ инструментъ, когда къ нему сдѣлаетъ сильное прикосновеніе могучая рука искуснаго артиста, — не болѣе исполненія одной изъ заповѣдей „Польскаго катихизиса", небрезгающаго даже измѣною папизму, когда то оказывается полезнымъ для польско-латинской пропаганды. Мы получили достаточное количество уроковъ въ прошедшемъ, чтобы насъ безнаказанно можно было обманывать въ будущемъ, — чтобы мы могли сдѣлать надлежащіе выводы и заключенія изъ посылокъ историческихъ. Мы — выразимся яснѣе — убѣждены всѣмъ, что есть для насъ святаго, въ той аксіомѣ, что, *пока земли русскія будутъ въ рукахъ поляковъ, пока исповѣдники „Польскаго катихизиса" будутъ вліять на нашу администрацію, мы будемъ подвергаться періодическимъ опасностямъ возстанія съ одной и обузданія его съ другой стороны*, — мы не будемъ имѣть возможности развить въ западной Россіи окончательно наши прогрессивныя, политико-экономическія учрежденія; онѣ только дадутъ средства врагамъ нашимъ окрѣпнуть отъ недавнихъ пораженій и стѣсненій и собраться съ силами для новой борьбы съ нами. Мы убѣждены всѣмъ прошедшимъ и настоящимъ, что пока земли наши будутъ въ чужихъ рукахъ, наши права на владѣніе западнымъ краемъ Россіи будутъ только крѣпки de jure, а не de facto, онѣ не будутъ имѣть подъ собою почвы, на сторонѣ пришлецовъ либо ренегатовъ будетъ сила естественная — матеріальная.

Изъ этихъ посылокъ и наблюденій, путемъ неизбѣжной послѣдовательности, выводится слѣдующее заключеніе: мы должны желать, чтобы поляки, живущіе на нашей территоріи, или слились съ нами душой и тѣломъ, *вѣрой*, то есть, и народностью (а не адресами только и присягами) въ одинъ народъ, или навсегда избавили насъ, для обоюднаго спокойствія, отъ своего сосѣдства, а земли свои, для очищенія исторической совѣсти, добровольно уступили (путемъ продажи) кореннымъ, древнимъ ихъ владѣльцамъ. Такъ только можно предовратить поводы къ новымъ столкновеніямъ съ нами поляковъ и удовлетворить логической послѣдовательности, праву юридическому и историко-національному. Едвали нужно и говорить о томъ, что поляки, въ теченіи полвѣка, четыре раза покушавшіеся на погибель нашу, да-

ли намъ право— прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе рѣшительнымъ, и что нѣтъ на земномъ шарѣ націи, которая, въ подобныхъ нашимъ обстоятельствамъ, не воспользовалась бы этими правами.“ Такъ говорили мы о землевладѣніи въ западной Россіи назадъ тому два года (*).

Заключеніе это, при всей своей ясности, страдаетъ тою слабостью, которая оставляетъ мѣсто возраженіямъ, или хоть словопрѣніямъ, и которой вовсе не было бы въ немъ, еслибъ тогда статья не вынуждена была подчиниться стороннему вліянію и даже редакціи. Въ самой статьѣ видны слѣды этой незаконченности, этого вліянія: она похожа на то зданіе, котораго планъ составленъ на пять этажей, въ которомъ, по этому плану, и выведены уже три этажа, но которое, по экстреннымъ причинамъ, но отнюдь не по недостатку матеріаловъ, вынуждено было, такъ сказать, нахлобучиться верхушкой, въ родѣ дѣтскаго кепи на головѣ гиганта. Мы здѣсь многое могли бы сказать „Голосу“. по поводу его медвѣжьей услуги, оказанной (№ 328 1865 г.) предпослѣдней югозападной администраціи, разсчитывавшей „поднять русское въ краѣ дѣло посредствомъ возможно большаго сохраненія *всѣхъ прежнихъ* (sic!) отправленій въ немъ общественной жизни;“ мы здѣсь могли бы заподозрить въ субъективной иниціативѣ многое, что сказано въ той же передовой статьѣ „Голоса“ на счетъ прежней и настоящей администраціи въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи, и что встрѣчено дружнымъ аплодисменомъ въ противномъ лагерѣ и вызвало столь же дружное и презрительное шиканье и свистки въ русскомъ лагерѣ; но помня стишекъ на счетъ „продажности Андрея“, а главное,— не желая уклониться отъ главной темы настоящаго мышленія, мы обратимся къ землевладѣнію въ западной Россіи. Это мы дѣлаемъ тѣмъ охотнѣе, что рекламы „Голоса“ давно пора бы подвергнуть такому же остракизму во всей Россіи, какому онѣ под-

(*) Назадъ тому два съ половиною года, мы выразились на эту тему еще точнѣе и рѣшительнѣе; мы сказали: „Мы должны, наконецъ, сокрушить ту точку опоры, которую вы (поляки) находите въ захваченной вами землѣ,—уничтожить тѣ центры революцій, тѣ гнѣзда пропаганды, которыя образуютъ вокругъ насъ нравственныя сѣти, связанныя невидимыми петлями, постоянно разрываемыя нами и постоянно возобновляемыя вами“.— Вѣст. ю. и з. Россіи 1863 г. Кн. 3, Отд. IV, стр. 65, статья: „Слово русскаго къ мятежнымъ полякамъ.“

вергались недавно въ Ковнѣ; тогда онъ пусть бы себѣ печатался хоть польскимъ шрифтомъ.

Но тотъ весьма ошибется, кто подумаетъ, что мы выскажемся, что мы можемъ высказаться окончательно по части экспропріаціи земель польскихъ въ западной Россіи. Наше дѣло— теорія, наше дѣло—указаніе истины, обозначенное исторіей здѣшняго края, наше дѣло— указать неодолимыя ни для какой мудрости посылки, а *практическіе* выводы изъ этихъ посылокъ, или что тоже— примѣненіе теоріи къ дѣлу относится не къ прессѣ, а къ тѣмъ, которые, на основаніи истинъ, внушаемыхъ и правомъ, и здравымъ смысломъ, и прошедшими и настоящими явленіями, претворяютъ мысль въ фактъ, желаніе въ явленіе. Вотъ тѣ посылки, изъ которыхъ должно быть выводимо заключеніе, и въ которыхъ, опять скажемъ, заключается крѣпость неодолимая.

1) Въ западной Россіи, почти до конца XVI вѣка, не было земель польскихъ. Русскія земли простирались на западъ даже далѣе предѣловъ настоящаго государства россійскаго.

2) Польша вступила въ федерацію съ Литвой и Русью, какъ равная съ равными, и обязалась трактатами не дѣлать *никакой* узурпаціи въ земляхъ федеративныхъ.

3) Эти трактаты были самоправно нарушены Рѣчью-посполитой; пошла въ ходъ самая широкая, насильственная, беззаконная узурпація; всѣ почти земли русскія, то измѣной вѣрѣ предковъ, то захватомъ, обращены въ земли польскія.

4) Эти земли, въ теченіи вѣковъ, поливались потомъ и кровью людей русскихъ, православныхъ. Стоило быть послѣдними, чтобы подвергнуть свои земли конфискаціи.

5) Когда эти земли, путемъ исторической послѣдовательности, поступили въ прежнее владѣніе (*гражданское, но не собственное*), ксендзо-шляхетское буйство много разъ покушалось измѣнить statu quo, вооруженною силою— возвратить прежніе порядки— или точнѣе— безпорядки и насилія.

6) Такое владѣніе заграбленною у насъ собственностью, такое буйство противъ слишкомъ мирныхъ сосѣдей, противъ законной власти, давало право симъ послѣднимъ возвратить себѣ *свои* земли путемъ поголовной и безвозмездной экспропріаціи, которымъ непремѣнно *и законно* воспользовалась бы всякая другая власть и нація.

7) Вся предыдущая исторія, а особенно послѣдній бунтъ польскій доказали, что Россія никогда не можетъ быть спокой-

на со стороны своихъ враговъ домашнихъ, что прочный миръ съ поляками—папистами *рѣшительно не возможенъ*, что мы должны вести съ ними постоянную борьбу нравственную, и поминутно держать оружіе наготовѣ, для отраженія ударовъ физическихъ.

8) Битва эта рано или поздно могла бы поставить Россію въ большія затрудненія, такъ какъ у нея въ западной Россіи не достаетъ ни твердой русской почвы, ни русской интеллигенціи. Элементъ русскій, въ лучшей своей половинѣ, тамъ кочевой, подвижной, не осѣдлый. Правда, въ народѣ Россія имѣетъ сильную поддержку; но къ чему подвергать этотъ добрый, выстрадавшій до конца всякое горе, народъ новымъ соблазнамъ, или новымъ битвамъ?.....

9) Мы тогда только будемъ сильны de facto на западѣ Россіи, тогда только будемъ безопасны и отъ враговъ домашнихъ и отъ козней запада, когда въ западной Россіи земли будутъ русскія, когда тамъ будетъ Россія не въ смыслѣ только государственномъ, но и въ смыслѣ землевладѣльческомъ.

10) Никто изъ людей, писавшихъ о землевладѣніи изъ Петербурга (за исключеніемъ „Русскаго Инвалида)", даже изъ Москвы, не можетъ быть въ этомъ дѣлѣ, по отдаленности точки зрѣнія, судьею компетентнымъ, состоятельнымъ—спеціалистомъ. Рекламы ихъ отличаются или незнаніемъ дѣла, или заинтересованностью въ дѣлѣ. Они пренаивно вѣрятъ въ примиреніе, въ окончаніе битвы; они говорятъ о землевладѣніи безъ отчета въ своихъ мысляхъ; совѣты ихъ либо напрасны, либо сбивчивы, либо неосуществимы. Они говорятъ: „пріобрѣтайте, люди русскіе, на западѣ Россіи земли: земли славныя, охотниковъ продавать ихъ много,— онѣ тамъ ни почемъ." Миражъ, миражъ и миражъ!...

11) Сколько мы хочемъ покупать земли польскія, столько же, если не больше, *интеллигенція* не хочетъ съ ними разстаться. Вотъ что гласитъ 1-й параграфъ извѣстнаго „Польскаго китихизиса." „Въ *забранныхъ* краяхъ помѣщики должны всѣми мѣрами стараться не выпускать изъ рукъ своихъ имѣній, а если необходимость заставитъ разстаться съ ними, то продавать своимъ только соотечественникамъ, или, въ крайнемъ случаѣ, жидамъ, но не давать развиваться тамъ русскому элементу........ Русскимъ помѣщикамъ дѣлать всякого рода непріятности, ничего имъ не продавать и не покупать у нихъ и т. п.,— заводить съ ними процессы...... словомъ-дѣлать все, что бы выпудить ихъ продать свои..... имѣнія и выѣхать изъ

этого края въ свою Московію; продающіяся же русскими имѣнія стараться хоть общими силами, компаніями, пріобрѣтать въ наше владѣніе. Чрезъ это, со временемъ, достигнемъ въ этихъ странахъ исключительнаго польскаго господства и средоточія богатствъ края въ рукахъ нашихъ братій, на помощь и пользу нашей отчизны. Пускай алчная Россія считаетъ Украйну и Литву своею собственностью, но кто ими будетъ владѣть *матеріяльно* (фактически), того она, конечно, понимать не будетъ." Еще неясно?

12) Догматъ этотъ постоянно исполнялся, исполняется и будетъ исполняться, пока мы не составимъ приличнаго ему контр-догмата. Исключенія изъ него очень рѣдки; желающіе продать свои земли паны относятся къ нежелающимъ, какъ 1:500. Побужденія желающихъ такъ разнохарактерны, что мотивировать ихъ очень трудно; извѣстно только то, что въ числѣ побужденій къ продажѣ панами имѣній рѣдко бываетъ крайность,— а по большей части— съ трудомъ уловимый расчетъ *не-экономическій*, свойство котораго нѣсколько уже для насъ проглядываетъ сквозь туманъ сочиненныхъ причинъ и стѣсненій. Если въ Могилевской губерніи продается польскихъ имѣній нѣсколько больше, чѣмъ въ какой либо другой западной, то причины этого явленія, по нашему мнѣнію, такъ сложны, такъ еще неудовлетворительно нами изслѣдованы, что мы не беремся пока мотивировать ихъ, а только лишь отъ души пожелаемъ, чтобы въ этой — подмосковной губерніи какъ можно скорѣе и повсемственнѣе развилось и укоренилось землевладѣніе русское.

13) Грустно только то, что польскіе паны слишкомъ ужъ не по сосѣдски пользуются охотою людей русскихъ— покупать ихъ имѣнія (при помощи ссуды отъ казны) въ Могилевской губерніи и берутъ за нихъ болѣе чѣмъ двойную (*) плату въ сравненіи съ тою, какая существовала тамъ на ревижскую душу въ самый разгаръ покойной панщизны. Не можемъ при этомъ случаѣ не высказать какъ нашего сомнѣнія на счетъ покупки имѣній польскими панами въ восточной Россіи, такъ равно и возможности,— въ противномъ случаѣ,— продолженія тамъ ихъ пропаганды, или, какъ выражаются они, *миссіи* и затѣй политическихъ, разумѣется, напрасныхъ.

(*) Особенно, если считать выкупныя свидѣтельства по номинальной и *нормальной* ихъ цѣнѣ, а не по биржевому, *случайному* курсу.

ния

директорства,
Изъ формуляра
...ѣданія р.-като-
...; а изъ част-
...ка, въ минуты
...о онъ былъ сы-
... курса въ уни-
...ихъ легіоновъ»,
...лись и гибли
...о проекта На-
...толѣ одного изъ
Я—чъ опять
...ьнаго универ-
...въ луцкое уѣзд-
... 1831 года бо-
...скаго уѣзднаго
Луцкѣ русскую
...емъ латинскаго
...лъ меня, или,
...ния; по крайней
...*дальную* предан-

... панъ Я—чъ и,
...ются съ одного
...ь сказать что-то
...редупредилъ его
...казать мнѣ, панъ

Кто думаетъ иначе, тотъ обманываетъ самъ себя, или другихъ.

14) Высочайше утвержденная (10 декабря 1865 года) мѣра на счетъ запрещенія покупки имѣній въ западной Россіи лицами польскаго происхожденія, на счетъ продажи, въ теченіи двухъ лѣтъ, имѣній какъ секвестрованныхъ, такъ равно и принадлежащихъ помѣщикамъ, замѣшаннымъ въ минувшемъ мятежѣ и сосланнымъ на жительство въ великорусскія губерніи, и объяснительный циркуляръ къ губернаторамъ шести губерній г. главнаго начальника сѣверо-западнаго края генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана (отъ 31 декабря 1865 г.) на счетъ продажи имѣній польскихъ помѣщиковъ, на которыхъ числятся долги казенные или частные,— поставили вопросъ о землевладѣніи въ западной Россіи въ такомъ свѣтѣ, который не допускаетъ дальнѣйшихъ толкованій и резонерства, положили начало той законной и умѣренной экспропріаціи, противъ которой ничего еще не надумались (*) возразить западники, которая составляетъ самую гуманную мѣру— не столько возмездія, сколько возврата своей собственности,— мѣры, которая совпала съ самыми задушевными желаніями не только русскихъ патріотовъ, но и всего— *истинно*-русскаго общества.

(*) Теперь уже „надумались"; статья писана назадъ тому около двухъ мѣсяцевъ. Ред.

IV.

ЕЩЕ ВОСПОМИНАНІЯ
О ВОЛЫНИ *).

Въ луцкой гимназіи, во время моего директорства, между учителями былъ нѣкто Д. А. Я—чъ. Изъ формуляра его было видно, что онъ «изъ дворянъ, исповѣданія р.-католическаго, кандидатъ виленскаго университета»; а изъ частныхъ свѣдѣній и собственнаго его признанія, въ минуты откровенности, достовѣрно извѣстно было, что онъ былъ сыномъ уніатскаго священника и, по окончаніи курса въ университетѣ, поступилъ въ одинъ изъ «польскихъ легіоновъ», которые въ рядахъ французской арміи сражались и гибли въ Испаніи, для осуществленія честолюбиваго проекта Наполеона 1-го—посадить на испанскомъ престолѣ одного изъ своихъ братьевъ. Послѣ паденія Наполеона, Я—чъ опять очутился въ Вильнѣ, подъ крыломъ благодѣтельнаго университета, и оттуда былъ опредѣленъ учителемъ въ луцкое уѣздное училище, гдѣ и преподавалъ до мятежа 1831 года ботанику и зоологію. Когда же, вмѣсто польскаго уѣзднаго училища, было мнѣ приказано открыть въ Луцкѣ русскую гимназію, онъ *попалъ* въ эту гимназію учителемъ латинскаго языка. Этотъ господинъ, казалось, полюбилъ меня, или, можетъ быть, притворялся *влюбленнымъ* въ меня; по крайней мѣрѣ всегда и вездѣ показывалъ мнѣ *безпредѣльную* преданность и часто ходилъ ко мнѣ.

Одинъ разъ вечеромъ приходитъ ко мнѣ панъ Я—чъ и, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, переминается съ одного слова на другое и—примѣтно было — хочетъ сказать что-то важное, но не знаетъ какъ начать. Я предупредилъ его моимъ вопросомъ: «ну, что вы хотите сказать мнѣ, панъ Я—чъ? говорите смѣло.»

*) См. Вѣсти. Западн. Россіи на 186⁵/₆ годъ, кн. 1 и 2.

— Пане директорже — добродзѣю! — съ этимъ словомъ Я—чъ бросился цѣловать меня то въ одно плечо, то въ другое: — я имѣю, продолжалъ онъ, сказать вамъ нѣчто весьма полезное для васъ, — только сдѣлайте милость не разсердитесь.

«Говорите смѣло, и повторилъ я: «что тамъ такое?»

— Вотъ — это былъ я въ вашей канцеляріи; тамъ теперь переписываются формулярные списки. Я и заглянулъ въ вашъ формуляръ. Ахъ, пане директорже! (слѣдовали опять поцѣлуи въ плечо и даже почтительное объятіе моихъ ногъ... *усцискамъ ножки пана!...*), для Бога прошу васъ, не пишите въ вашемъ формулярномъ спискѣ, что вы «сынъ священника», сдѣлайте милость не пишите.

Признаюсь, я сперва подумалъ, не сошелъ ли съ ума панъ Я—чъ, или не хлебнулъ ли черезъ край венгерскаго; но, не примѣчая въ немъ признаковъ ни того ни другаго, я просилъ его объяснить мнѣ причину такой странной своей просьбы.

— Ахъ, пане директорже! то—плямa (пятно), великая плямa для вашей чести; не пишите!—

«Какое же тутъ пятно для моей чести, когда я пишу правду? Я—сынъ православнаго священника,— ну, я такъ и показываю себя въ моемъ формулярѣ, и даже горжусь, или правильнѣе сказать, благодарю Бога, что происхожу отъ такого честнаго, полезнаго, почтеннаго и благословеннаго рода. Но если бы я былъ даже сыномъ крестьянина, я и тогда написалъ бы въ своемъ формулярѣ: «изъ кресгьянъ.»

— Эхъ! панъ директоръ ничего не знаетъ,— сказалъ обиженнымъ тономъ Я—чъ; потомъ, осмотрѣвшись по всѣмъ угламъ, нѣтъ ли свидѣтелей, онъ почти шопотомъ сказалъ мнѣ:— я и самъ сынъ уніатскаго священника, и учитель Т—чъ сынъ такого-же священника; но мы въ формулярахъ показывается *«изъ дворянъ»*, и — никто не знаетъ о томъ, что мы дѣти священниковъ.

«Да скажите же, Бога ради, что—за безчестье быть сыномъ священника? Я не понимаю васъ.»

Тогда Я—чъ полушопотомъ разсказалъ мнѣ, что «обыватели — католики», на томъ основаніи, что католическіе ксендзы у нихъ не женатые, смотрятъ на законный бракъ уніатскихъ священниковъ, какъ на открытое прелюбодѣяніе, и всѣхъ дѣтей уніатскихъ священниковъ называютъ *бенкар-*

тами (1). Потому-то никто изъ сыновей уніатскаго духовенства и не смѣетъ объявлять своего происхожденія; но всѣ переходятъ въ католицизмъ и пишутся «изъ дворянъ.»

«Послушайте, г-нъ Я—чъ! сказалъ я, выслушавши его объясненіе: «плевать я хотѣлъ на всѣхъ вашихъ «обывателей», — если вамъ угодно, скажите имъ всѣмъ объ этомъ. А вамъ я даю честное слово: при первомъ случаѣ, когда мнѣ съ вами доведется быть гдѣ-нибудь въ большомъ собраніи вашихъ обывателей, я непремѣнно объявлю громогласно, что я сынъ православнаго священника и горжусь этою честью.»

— Ахъ, пане! ахъ пане! — вопіялъ Я—чъ; но я сдержалъ свое слово, и при первомъ случаѣ, бывши въ гостяхъ, вмѣстѣ съ Я—чемъ, у одного имянинника, нарочно завелъ рѣчь объ этомъ предметѣ, и объявивши о своемъ духовномъ происхожденіи, спрашивалъ самыхъ *коренастыхъ* и завзятыхъ папистовъ: не ужели правда, что здѣсь быть законнымъ сыномъ уніатскаго священника—считается безчестьемъ? А ежели это, по несчастью, завелось здѣсь уже такъ, то не ужели у васъ считается такъ же безчестьемъ—и быть сыномъ православнаго священника? — Никто не отвѣчалъ утвердительно, но всѣ, какъ будто путные и разумные люди, говорили, что въ законномъ происхожденіи отъ служителя алтаря они не видятъ ничего предосудительнаго. Надобно было видѣть, какую нравственную пытку терпѣлъ Я—чъ во время этого разговора. Онъ боялся, что я вотъ—вотъ скажу всѣмъ, что и онъ— сынъ священника; но я пощадилъ его, и не открылъ его *секрета*.

До какой нелѣпости сужденія и до какого противорѣчія здравому смыслу доводитъ папизмъ своихъ жалкихъ поклонниковъ!... Паписты, считая св. апостола Петра первымъ папою римскимъ, забыли слова Спасителя къ этому апостолу: «что Богъ призналъ чистымъ, того ты не почитай сквернымъ» (Дѣян. X 15) и, осуждая бракъ священниковъ, хулятъ богоустановленное таинство и брака и священства. Между тѣмъ извѣстно изъ исторіи, что до 1200-хъ годовъ отъ Рождества Христова въ самой Польшѣ всѣ римскіе ксендзы были женаты, не смотря на то, что папа Григорій VII своею желѣзною волею уничтожилъ этотъ церковный канонъ, одобрен-

(1) Незаконнорожденными.

ный всѣми вселенскими соборами. Польское католическое духовенство долго противилось уничтоженію этого канона, и тогда только принуждено было покориться злоупотребленію папской власти, когда ни одна дѣвица не захотѣла быть женою священника, потому что папы пустили въ ходъ слѣдующее мнѣніе, że niewiasta, wchodząca w śluby małżeńskie z księdzem, raczéj się jego nałożnicą, niż prawą żoną staje 1). Какое богохульство! Если бы даже не было никакихъ другихъ доказательствъ лживости папства, то довольно уже и этого одного, чтобъ убѣдиться въ томъ, какъ дерзко — самовольно папы искажали многія святѣйшія истины и правила божественной вѣры. Кто собственными глазами не видѣлъ близко изувѣрскихъ фанатиковъ—папистовъ, тотъ, можетъ быть, не повѣритъ, что и между ними иногда бываютъ умные, по видимому, и благоразумные, даже честные и благородные люди; но въ томъ-то и дѣло, что эти люди до тѣхъ поръ только и умны и честны, пока не дошло еще до *религіознаго вопроса:* на этомъ вопросѣ теряютъ они всякое благоразуміе, всякую логику, всякое благородство, подобно нашимъ раскольникамъ, которые привязались къ мертвой буквѣ и не хотятъ идти далѣе. На умѣ самого умнѣйшаго паписта лежитъ какое-то покрывало, закрывающее отъ него истину правовѣрія, такъ что (прости Господи за это сравненіе!) для него папа важнѣе самаго Христа....

Ксендзъ—р.-католическій законоучитель гимназіи также нерѣдко заходилъ ко мнѣ, и мы съ нимъ, о чемъ бы ни начали говорить, всегда сводили нашъ разговоръ на спорные религіозные пункты. Латинь очень помогала мнѣ въ этомъ случаѣ, и я нерѣдко поражалъ ксендза proprio ejus gladio, цитируя ему по-латини тексты священнаго писанія. Одинъ разъ, споря съ нимъ о главенствѣ папы, и охотно уступивши папѣ *первенство чести* (primitatem honoris) между христіанскими епископами, я противъ присвояемаго папою *первенства власти* (primitas dominii) представлялъ ксендзу такія непреоборимыя опроверженія изъ исторіи и изъ каноновъ церкви, что ксендзъ, будучи очень умнымъ человѣкомъ, при всей іезуитской изворотливости, не нашелся ничего сказать противъ моихъ доказательствъ и, почти со слезами на глазахъ, сказалъ мнѣ слѣдующее свое *послѣднее* опроверженіе: «*далибугъ, я*

---

(1) Мацѣевскій въ Pamiętnikach o dziejach... Стран. 215.

такъ вържe, и не моге иначей вържиць!... Я не утерпѣлъ, и разсмѣялся отъ такого доказательства ксендзовской логики; подите—доказывайте имъ, какъ хотите! Совершенно—подобно раскольникамъ нашимъ, имутъ очи и не видятъ, имутъ уши и не слышатъ!

Одинъ разъ я предложилъ ксендзу слѣдующій вопросъ: «Теперь у насъ въ Луцкѣ есть какая-нибудь, хоть самая бѣднѣйшая и почти въ навозной ямѣ, православная церковь,—есть у насъ здѣсь и православный священникъ; но если бы—положимъ, здѣсь не было ни священника православнаго, ни церкви, а мнѣ пришлось бы умереть, скажите по совѣсти, отецъ Іосифъ: вы погребете ли меня по христіанскому обряду, и мое мертвое тѣло примете ли въ вашъ костелъ для отпѣванья?» Ксендзъ покраснѣлъ, какъ уголь, и отвѣчалъ мнѣ уклончивымъ благожеланіемъ, чтобъ я жилъ долгія лѣта и не думалъ о смерти и погребеніи.

«Нѣтъ, отецъ Іосифъ, вы прямо отвѣчайте мнѣ: будете ли вы, или другой ксендзъ, отпѣвать и провожать съ церковною процессіей до могилы умершаго православнаго человѣка?»

Ксендзъ какъ ни вертѣлся, какъ ни уклонялся отъ прямаго отвѣта, но наконецъ принужденъ былъ признаться, что онъ не можетъ сдѣлать этого, и что каноны р.-католической церкви запрещаютъ католикамъ молиться за православныхъ, даже въ частной молитвѣ. А чтобъ еще болѣе *оправдать* себя предо мною въ *невозможности* р. католическому ксендзу погребать православныхъ христіанъ и молиться за нихъ, ксендзъ *„по секрету“* разсказалъ мнѣ то печальное событіе, которое теперь уже извѣстно всѣмъ, и которое лежитъ чернымъ пятномъ на папствѣ и на всемъ римскомъ католичествѣ. Пятно вотъ какое: когда блаженной памяти Императоръ Александръ Павловичъ умеръ, то поляки искренно оплакивали смерть своего благодѣтеля и *воскресителя,* и варшавскій р. католическій архіепископъ *Вороничъ* предписалъ по всѣмъ костеламъ польскаго царства служить *экзеквіи* (паннихиды) по покойномъ Государѣ и молиться за него. Но христоненавистный папа, узнавши объ этомъ въ Римѣ, прислалъ Вороничу строгій выговоръ за это и наложилъ на него эпитимію, вслѣдствіе которой онъ долженъ былъ отказаться отъ своей каѳедры и удалился въ монастырь *на покой.* Нація польская не только не протестовала противъ такого антихристіанскаго самоуправства папы, но съ покорностью безсловеснаго животнаго при-

ила на себя такое гнусное ярмо отъ римскаго епископа—quasi царя!!! Неизбѣжно раждается послѣ этого слѣдующій, самый естественный, вопросъ: можно ли послѣ этого событія вѣрить какой-либо *присягѣ* такой несчастной націи?!?... Гдѣ совѣсть? гдѣ нравственное чувство правды? гдѣ религія?!...

Я рѣшился довести ксендза-законоучителя еще до одного признанія и продолжалъ такъ: «ну, положимъ, за неимѣніемъ православнаго священника, свѣтскіе люди какъ-нибудь спрятали бы меня и сами какъ-нибудь отпѣли бы меня,— по крайней мѣрѣ скажите мнѣ по совѣсти, позволятъ ли вырыть для меня могилу на вашемъ латинскомъ кладбищѣ?

— Никогда, ни какимъ образомъ!— отвѣчалъ ксендзъ.

«Почему такъ?»

— Потому, что у насъ unum bovile et unus pastor (*).

«Ахъ, господинъ ксендзъ, какъ же немилосердо вы уродуете смыслъ словъ св. Писанія! Да знаете ли вы, кто сказалъ и въ какомъ случаѣ сказалъ эти слова? Загляните въ 10-ю главу евангелія св. Іоанна Богослова, прочитайте, и покайтесь за такое непозволительное толкованіе словъ Спасителя, который принимаетъ всѣхъ овецъ въ свое стадо, и даже тѣхъ, *иже не суть отъ двора сего*; а вы, паписты, отказываете православному христіанину даже въ могилѣ на вашемъ кладбищѣ?!?!... Ксендзъ опять не находилъ ничего болѣе отвѣчать, какъ только отдѣлывался своимъ *послѣднимъ* доказательствомъ: *„дамибугъ, я такъ вѣржe“*.

Слава Богу, что мы съ вами, читатель, принадлежимъ не къ римской, но къ истинной православной, восточной церкви, которая, какъ чадолюбивая мать, никому изъ христіанъ не отказываетъ въ христіанскомъ погребеніи, ни паписту, ни лютеранину. Духъ Христовъ видимо живетъ въ нашей церкви. Спаситель, прощаясь съ Своими учениками-апостолами, при шествіи на вольную страсть за спасеніе рода человѣческаго, оставилъ имъ, а въ лицѣ ихъ и намъ всѣмъ, вотъ какое завѣщаніе: *любите другъ друга, какъ я возлюбилъ васъ, такъ и вы любите другъ друга. Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, ежели будете имѣть любовь между собою.* (Іоан. XIII 34, 35). А это можно ли назвать *любовью*, ежели римская церковь отказываетъ въ своей молитвѣ и даже въ могилѣ вѣрующимъ во Христа — за то

(*) Едино стадо и единъ пастырь.

только, что они не вѣрили въ папу?!.. Не можетъ быть, чтобы и между папистами не было вѣрующихъ, но ихъ *вѣра безъ любви* ничего не стоитъ. Пускай бы они имѣли такую вѣру, что могли переставлять и горы съ одного мѣста на другое, но ежели любви не имѣютъ,— *ничто же суть!..* Надобно съ горестью признать, что *папы изгнали изъ своей церкви христіанскую любовь;* пусть каждый папистъ взвѣситъ всю тяжесть этой исторической и очевидной доселѣ истины, и — ужаснется. Потомъ, пусть самъ себя спроситъ въ тайникѣ души своей : не ужели не можно быть истиннымъ христіаниномъ безъ римскаго папы?.. Папизмъ погубилъ Польшу, и доселѣ губитъ даже нашихъ русскихъ соотечественниковъ, имѣющихъ несчастное притязаніе называться римскими-католиками, т. е. папистами.

До польскаго мятежа 1831 года, поляки, жившіе въ волынской губерніи, не могли терпѣть ни русскаго языка, ни русской службы. Новооткрытымъ нами русскимъ гимназіямъ и училищамъ была указана цѣль: заохотить тамошнюю молодежь къ русскому языку, — и мы, призванные къ этому дѣлу, честно исполнили такое порученіе. По крайней мѣрѣ я могу похвалиться, что въ клеванской гимназіи, при содѣйствіи моего достойнѣйшаго и ревностнаго сотрудника *П. О. Науменка*, не толко русскій языкъ, но и русская словесность находились въ цвѣтущемъ состояніи. Попечитель учебнаго округа Е. Ѳ. фонъ-Брадке, посѣтивши нашу гимназію, восхищался успѣхами учениковъ въ русской словесности, взялъ съ собою изъ Клевани нѣсколько тетрадей съ ученическими сочиненіями и представилъ г. министру нар. просвѣщенія. Министръ, графъ С.С. Уваровъ оффиціально объявилъ намъ свою благодарность. Чего бы, казалось, еще надобно лучше? Но въ результатѣ оказалось совсѣмъ не то, что мы ожидали. Мы думали, что польская молодежъ, усвоивши себѣ русскій языкъ, *обрусѣетъ* и въ душѣ своей; ни чуть не бывало Они наше *средство*, нашъ русскій языкъ, употребили *противъ насъ*: гимназисты, по окончаніи курса разсыпались по всѣмъ канцеляріямъ и владѣя хорошо русскимъ языкомъ, сейчасъ захватили въ свои руки всѣ мѣста столоначальниковъ, правителей канцелярій, и *начали управлять!!!* А кто поспособнѣе изъ нихъ, тотъ пошелъ доучиваться въ университетъ, и цѣлая половина ихъ занимала послѣ учительскія мѣста. Слѣдовательно мы, чрезъ обученіе русскому языку

волынскихъ поляковъ, приготовили себѣ изъ нихъ *чиновниковъ* для управленія, и *учителей* для нашихъ училищъ: составляетъ ли это нашъ государственный прогрессъ, я не берусь судить о томъ; только, какъ матеріалъ для разсужденія объ этомъ важномъ предметѣ, передаю читателямъ слѣдующій фактъ: *Феликсъ Фелинскій* превосходно научился русскому языку въ кіеванской гимназіи и былъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ учениковъ, на котораго мы имѣли большія надежды. Послѣ кіеванской гимназіи, онъ окончилъ еще университетъ, кажется, кандидатомъ; потомъ пошелъ далѣе и далѣе, наконецъ былъ сдѣланъ варшавскимъ р. католическимъ архіепископомъ, при самомъ разгарѣ послѣдняго постыднаго мятежа. Всѣ, кажется, надѣялись, что воспитанникъ русской гимназіи и русскаго университета, знающій превосходно русскую словестность и вѣроятно любящій Россію, увѣковѣчитъ свое архипастырство тѣмъ, что сейчасъ же загремитъ проклятіями на мятежниковъ—братоубійцъ. Я, по праву моихъ прежнихъ къ нему отношеній, послалъ къ нему письмо, напоминавшее объ обязанностяхъ его къ Богу и Государю въ тогдашнее время (*). На письмо это кс. Фелинскій доселѣ не отвѣтилъ. Дѣйствія его во время мятежа извѣстны всѣмъ.... Можно ли было ожидать отъ него такой несчастной перемѣны? *А онъ же такъ прекрасно зналъ русскую словесность.*

Вмѣстѣ съ поощреніемъ поляковъ къ усвоенію русскаго языка, мы поощряли ихъ и къ поступленію въ русскую службу. И въ этомъ отношеніи вышелъ такой же неутѣшительный результатъ. Подучившись русскому языку, поляки съ жадностью бросились на русскую службу, какъ на свою добычу, и мало по малу, шагъ за шагомъ, захватили въ свои руки многія нити администраціи, и *управляются* въ русской службѣ, какъ имъ удобнѣе и выгоднѣе для воображаемой ими другой, *польской ойчизны.* Мѣрославскій явно говоритъ, что въ Россіи *на многихъ вліятельныхъ административныхъ* мѣстахъ уже сидятъ и управляютъ поляки. Мы не совсѣмъ вѣрили этому, пока наконецъ изъ толпы такихъ администраторовъ не изобличился *Огрызко*..... Долго ли еще мы будемъ великодушничать и, въ слѣпотѣ нашего великодушія, не вѣрить тому, что наши доброжелатели надуваютъ и обманываютъ насъ на

(*) Это письмо мое напечатано въ X. книжкѣ Вѣстника Юго-западной и Западной Россіи 1863 года. Отд IV. стран. 66.

каждомъ шагу? Самыя лучшія правительственныя мѣры, даже нашъ русскій языкъ, даже *службу* доброжелатели наши эксплуатируютъ въ свою пользу и во вредъ намъ....

Теперь «мы становимся лицомъ къ лицу предъ ужасающими вопросами: радоваться ли освященію въ Россіи латинскаго догмата посредствомъ оффиціальнаго преподаванія его „на русскомъ языкѣ? Поддерживать ли ополяченіе русскаго „народа посредствомъ проповѣди въ костелахъ?» Эти ужасающіе вопросы предложилъ недавно нашему вниманію достоуважаемый А. Р. (1). Польское духовенсгво сильно противилось преподаванію своего катихизиса на русскомъ языкѣ ученикамъ р. католическаго исповѣданія; наконецъ должно было уступить. „*Радоваться ли намъ этому?*“.. Страшно радоваться; потому что наши доброжелатели съумѣютъ и эту превосходную мѣру употребить во зло и во вредъ нашей національности и нашему православію. Есть много простодушныхъ русскихъ людей, грамотныхъ и полуграмотныхъ, для которыхъ „печатный каждый листъ кажется быть святымъ,» и которые безъ разсужденія вѣрятъ всему „напечатанному.“ Что мы будемъ дѣлать тогда, когда доброжелатели наши постараются свой папистическій катихизисъ на русскомъ языкѣ, съ папскими лжедогматами, распространить между простымъ православнымъ народомъ Западнаго края Россіи?!! Вѣдь *бердичевскій календарь* расходился у нихъ сотнями тысячъ экземпляровъ. А ежели въ такомъ же количествѣ экземпляровъ будетъ распространенъ и катихизисъ ихъ?.. Они будутъ отводить у насъ глаза, утверждая, что катихизисъ требуется ими для р. католиковъ, и даже готовы будутъ приписать это себѣ въ заслугу: «вотъ де какъ полюбили наши католики катихизисъ на русскомъ языкѣ“... а между тѣмъ они, посредствомъ этого снадобья, *на казенный счетъ* будутъ отравлять православное русское простонародье?!!..

Чего добраго,— ксендзы, послѣ нѣкотораго сопротивленія, согласятся и проповѣди въ костелахъ говорить на русскомъ языкѣ. Мы, подобно школьникамъ (извините за сравненіе!) будемъ радоваться, что мы побѣдили ксендзовъ.... Если бы не было никогда на свѣтѣ ни Макіавеля, ни Игнатія

---

(1) См. Вѣстникъ Западн. Россіи, кн. 3 за 186⁵/₆ годъ. Статья: „*Виленскія Замѣтки*“, стран. 354.

Лойолы, тогда бы еще, пожалуй, можно было радоваться такой *побѣдѣ*. Но польскіе ксендзы, вѣрные и ловкіе ученики означенныхъ учителей, повѣрьте, съумѣютъ говорить такія русскія проповѣди, которыя тихо, непримѣтно, но самымъ вѣрнымъ образомъ будутъ подкапываться подъ наше православіе. Зачѣмъ профанировать и осквернять нашъ честный Русскій языкъ такими проповѣдями?... По крайней мѣрѣ, согласитесь что объ этомъ надобно крѣпко подумать.... И. К.

ИНОВѢРІЕ И РАСКОЛЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Мы принимаемся говорить о предметѣ, повидимому, достаточно уже разработанномъ. Дѣйствительно, предметъ осмотрѣнъ съ разныхъ сторонъ; но при томъ выразились различные взгляды; теперь намъ остается только уяснить различіе воззрѣній на иновѣріе и расколъ во внутренней и западной Россіи. Положеніе иновѣрца и раскольника во внутренней Россіи совсѣмъ иное чѣмъ на западной окраинѣ нашего отечества, оттого и взглядъ на нихъ по необходимости различенъ. Во внутренней Россіи иновѣрецъ есть вмѣстѣ иностранецъ; на него смотрятъ, какъ на человѣка, пришедшаго къ намъ изъ чужой земли, для обмѣна своихъ познаній и трудовъ на матеріальныя выгоды нашей страны; его принимаютъ, какъ гостя. Поставленный въ средѣ русскаго, православнаго населенія, онъ самъ, по закону приличія и благоразумія, оказываетъ уваженіе къ народнымъ обычаямъ; онъ не оскорбитъ его нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій. По тѣмъ же законамъ общежитія, онъ пользуется со стороны русскихъ всею вѣжливостью и самою предупредительною услужливостью. По гражданскимъ отношеніямъ онъ состоитъ подъ покровительствомъ законовъ, освященныхъ международнымъ правомъ. Наша церковь не имѣетъ къ нему никакихъ притязаній; религіозный бытъ его, исключительное положеніе его среди православнаго общества, могутъ быть вполнѣ опредѣлены свѣтскою властію, лишь бы недопускалось со стороны иновѣрца вторженіе въ область господствующей церкви. Въ этомъ отношеніи можетъ быть нигдѣ нѣтъ такой вѣротерпимости, какъ у насъ. Не одно правительство, но и народъ смотритъ безразлично на иновѣріе въ Россіи. Когда въ С.-Петербургѣ нѣмцы вздума-

ли построить для себя храмъ, русскіе мастеровые не хотѣли приступить къ работамъ, пока не освятили мѣста, на которомъ должна строиться христіанская церковь. Такъ какъ у лютеранъ нѣтъ соотвѣтствующаго этому случаю обряда, то пригласили русскаго священника. Ни православный священникъ не счелъ противнымъ своей совѣсти освятить закладку иновѣрнаго храма, ни простой, чернорабочій народъ не находилъ въ этомъ дѣлѣ ничего оскорбительнаго для своего религіознаго чувства. Но совсѣмъ иначе сознаетъ себя иновѣрецъ въ западной Россіи: тамъ онъ считаетъ себя хозяиномъ и на русскаго смотритъ, какъ на пришлеца и при томъ такого, который оспариваетъ у него господство надъ краемъ. Оттого то здѣсь законы, основанные на международномъ правѣ, теряютъ свою силу или вслѣдствіе привиллегированнаго положенія туземцевъ, или вслѣдствіе злоупотребленій со стороны ихъ. По общему праву во всякомъ государствѣ допускается господствующая церковь, прочія религіи пользуются въ извѣстной мѣрѣ вѣротерпимостью. У насъ православная церковь есть господствующая, всѣ прочія вѣроисповѣданія пользуются только вѣротерпимостью. Но въ западной полосѣ папизмъ и протестанство объявляютъ притязанія на права господствующей вѣры въ краѣ, и всякое противодѣйствіе этимъ притязаніямъ со стороны православной церкви по всему свѣту оглашаютъ посягательствомъ на истребленіе ихъ вѣры. Когда въ Ковнѣ, въ одинъ высокоторжественный праздникъ, вмѣстѣ съ чиновниками привели въ православный соборъ всѣхъ учениковъ гимназіи, ковенскій римскій епископъ громко протестовалъ противъ такого мнимаго *насилія*, причиненнаго римской церкви. Ксендзы строжайше запрещаютъ своимъ прихожанамъ входить въ православные храмы и сами подаютъ въ этомъ отношеніи назидательные примѣры фанатизма. Ксендзъ, вынужденный обстоятельствами помолиться въ православномъ домѣ, обернется къ иконѣ задомъ и помолился по жидовски передъ пустымъ угломъ, хотя на иконѣ изображенъ такой же точно ликъ Божіей матери, какой можно найдти въ каждомъ костелѣ. При такихъ притязаніяхъ русскихъ иновѣрцевъ, при такомъ разладѣ ихъ съ государственнымъ строемъ, очевидна невозможность—сохранять въ отношеніи къ нимъ тѣ законы вѣротерпимости, какіе признаются въ другихъ государствахъ. Припомнимъ, что и въ западной Европѣ еще не давно руководствовались закономъ cujus regio, ejus religio; про-

тивъ этого преимущественно закона направлены новѣйшія начала вѣротерпимости. У насъ подобнаго закона небывало, и потому мы не имѣемъ нужды придавать вѣротерпимости такое значеніе, какое она имѣетъ въ западной Европѣ. Тамъ само иновѣріе имѣетъ другой смыслъ. Кальвинистъ во Франціи, папистъ въ Пруссіи, признаютъ себя хотя не одной церкви чадами, но сынами одного отечества; кальвинистъ не отрекается отъ своего французскаго имени, и прусскій папистъ считаетъ себя прусакомъ. Не то у насъ въ западной Россіи, тутъ папистъ считаетъ себя уже не русскимъ, а полякомъ, и протестантъ гордо признаетъ себя нѣмцемъ. Ежели государство должно быть стройнымъ организмомъ, то необходимо, чтобы разнонаціональность въ немъ исчезала и для этого правительство должно имѣть въ рукахъ достаточное ручательство. Такъ какъ у насъ теперь различіе національностей преимущественно поддерживается религіею, и иновѣрныя племена стоятъ на равной степени цывилизаціи съ господствующимъ населеніемъ страны, то, не насилуя совѣсти, слѣдуетъ ожидать срощенія чуждыхъ національностей съ русскимъ организмомъ только отъ супружескихъ связей иновѣрцевъ съ православными. Въ такихъ видахъ у насъ принятъ законъ, чтобы всѣ дѣти смѣшанныхъ супружествъ иновѣрцевъ съ православными воспитывались въ православной вѣрѣ. Этотъ законъ такъ раціоналенъ, такъ согласенъ съ идеею государства, что онъ практикуется вездѣ, и мы нисколько не оскорбляемся если нашъ родичъ, сдѣлавшись гражданиномъ другаго государства, будетъ воспитывать дѣтей своихъ въ духѣ господствующей религіи новаго отечества. Да намъ не случалось даже и слышать, чтобы иностранецъ, поселившійся въ Россіи и вступившій въ родственныя связи съ русскимъ семействомъ, ропталъ на этотъ законъ. Ропотъ возникаетъ вовсе не отъ родителей тѣхъ дѣтей, къ которымъ этотъ законъ относится, а со стороны того общества, съ которымъ иновѣрецъ связанъ религіею. Протестъ противъ этого закона заявляется и имѣетъ смыслъ только въ западной Россіи: Онъ направленъ прямо противъ цѣлости и стройности нашего государственнаго организма въ видахъ поддержать тамъ или польскій или германскій сепаратизмъ. Естественнѣе всего, говорятъ намъ, религіозное воспитаніе дѣтей предоставить родителямъ; между тѣмъ тутъ имѣется въ виду вліяніе на будущія поколѣнія не столько со стороны родителей, сколько со стороны общества. Во внутреннихъ облас-

тяхъ Россіи, въ средѣ православнаго общества и при такомъ формулированіи закона о смѣшанныхъ супружествахъ, дѣти иновѣрцевъ, вступившихъ въ родство съ православными, непремѣнно сдѣлаются православными отъ вліянія окружающаго ихъ общества. Но въ западной окраинѣ, по тому же началу, всѣ дѣти отъ такихъ супружествъ будутъ иновѣрцами, особенно въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ фанатизмъ ксендзовъ и общая страсть поляковъ къ пропагандѣ никогда не допустятъ воспитывать дѣтей въ православной вѣрѣ. И при настоящемъ положеніи, вопреки закона, православныя дѣти, заброшенныя въ кругъ польскаго родства, обращаются въ папизмъ. Ксендзъ не безъ противорѣчія, иногда даже съ дерзкимъ, грубымъ ругательствомъ совершитъ бракъ паписта съ православною, или лютеранкою; но въ тоже время будетъ громко оглашать съ каѳедры, что *супружество «католиковъ» съ иновѣрцами не благословляется римскою церковію* (*). Намъ случалось быть свидѣтелями прискорбныхъ послѣдствій такой деклараціи. Лютеранинъ женатый на римлянкѣ заключилъ съ нею предварительный договоръ, чтобы всѣ дѣти воспитывались въ лютеранскомъ законѣ. Такъ сначала и было; но вслѣдствіе упомянутой деклараціи совѣсть папистки была до того возмущена, что для искупленія семейнаго мира отецъ вынужденъ былъ религіозное воспитаніе дѣтей своихъ совершенно предоставить матери и ксендзамъ. Вотъ и добровольное согласіе родителей! Если пришлая церковь, пользующаяся только вѣротерпимость такъ дерзко вторгается въ область семейныхъ правъ, то кто осмѣлится оспоривать у господствующей церкви въ союзѣ съ государствомъ право противодѣйствовать вторженію иновѣрія внѣдра православныхъ семействъ. Не будетъ ли поруганіемъ для господствующей церкви, если дѣти православнаго отца, или православной матери, въ русскомъ православномъ государствѣ, подъ охраною русскаго правительства, оставивъ лоно господствующей церкви, перейдутъ въ иновѣріе? Еслибы допытаться добросовѣстнаго

(*) Въ римской церкви есть каноническое правило, что для совершенія таинства, какъ необходимое условіе, требуется *интенція*, т. е. усердное желаніе со стороны священнослужителя. Безъ такой интенціи таинство не имѣетъ никакого значенія. Ксендзъ можетъ, напримѣръ, совершить бракъ паписта съ православною, но безъ интенціи, которой и быть не можетъ при твердомъ убѣжденіи ксендза, и бракъ обратится въ пустой, наружной обрядъ, лишенный смысла таинства. Такимъ образомъ римскому священству предоставляется каноническое право быть лжецомъ передъ Богомъ, церковью и обществомъ!

сознанія у тѣхъ лицъ, которыя сильнѣе всѣхъ домогаются отмѣны существующаго закона касательно супружествъ съ иновѣрцами, то навѣрное оказалось бы, что сами то они не имѣютъ ни какихъ религіозныхъ убѣжденій, а только по національной гордости хотятъ на вѣчныя времена стоятъ особнякомъ отъ русскаго, презираемаго ими общества, съ надеждою когда нибудь совсѣмъ отдѣлиться отъ русскаго государства.

Расколъ стоитъ въ обратномъ отношеніи къ русскому обществу, чѣмъ иновѣріе. Послѣднее, какъ мы видѣли, вреднѣе на окраинѣ государства, чѣмъ во внутреннихъ провинціяхъ: расколъ наоборотъ вреднѣе внутри Россіи, чѣмъ на ея окраинахъ. Внутри Россіи расколъ отторгаетъ отъ лона церкви чадъ ея; онъ производитъ разладъ въ обществѣ, раздоръ въ семействахъ, онъ глумится надъ православною церковью, создаетъ для себя особенныя нравственныя начала, учреждаетъ особенную іерархію словомъ дѣйствуетъ на перекоръ тому строю, какой освященъ государственными законами. Такъ какъ расколъ основанъ на темнотѣ смысла, и поддерживается исключительно однимъ невѣжествомъ, то просвѣтительное вліяніе духовенства есть самая законная мѣра противъ распространенія этого зла. Если раскольникъ не уклоняется отъ исполненія гражданскихъ обязанностей, то правительству нѣтъ особенныхъ побужденій мѣшаться въ дѣла его совѣсти, развѣ расколъ приметъ такія размѣры, что будетъ угрожать разстройствомъ общественному благосостоянію, или благонравію. Расколъ, можетъ быть, давно бы пресѣкся, если бы строго исполняемы были гражданскіе законы касательно наслѣдства. У раскольниковъ нѣтъ по формѣ законныхъ броковъ не можетъ быть метрическихъ свидѣтельствъ о рожденія, слѣдовательно, по строгому смыслу закона, они не имѣютъ права и на наслѣдство. Всѣхъ дѣтей раскольническихъ слѣдуетъ считать незаконнорожденными, которыми общество можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію. Даже одно неизбѣжное требованіе метрическихъ свидѣтельствъ значительно ослабило бы силу раскола; такъ какъ одною изъ самыхъ важныхъ приманокъ его есть уклоненіе изъ подъ контроля церковной и гражданской власти; никто не знаетъ родившихся и умершихъ въ расколѣ, и потому случается, что по свѣту ходятъ живые люди съ паспортами умершихъ, или умершими показываются живые.

Расколъ внутри Россіи есть опасная нравственная болѣзнь; но на границахъ Россіи, въ средѣ иновѣрія это зло не такъ ощу-

тительно; напротивъ, тамъ раскольникъ есть почти единственный представитель русской національности. Православный въ другомъ или въ третьемъ поколѣніи сдѣлается нѣмцемъ въ Ригѣ, и полякомъ въ Варшавѣ; раскольники, со временъ Петра В., вездѣ: въ Ригѣ въ Вильнѣ въ Варшавѣ, въ Австріи и Турціи свято берегутъ свою русскую національность, такъ что ихъ преимущественно называютъ *москалями кацапами*. Невѣжественная масса западнаго народонаселенія обо всѣхъ русскихъ составила такое понятіе, какое она имѣетъ о живущихъ въ средѣ ея раскольникахъ; понятіе, конечно, неблагопріятное для Россіи, потому что раскольниковъ обыкновенно считаютъ мошенниками и даже разбойниками, всякое замѣчательное воровство и душегубство обыкновенно, безъ дальнихъ справокъ, общественное мнѣніе приписываетъ раскольникамъ. Это чистая клевета со стороны польскаго населенія края, не подтверждаемая фактами. Раскольникъ, прибывши въ западную Россію, не сдѣлался хлопомъ, хотя водворился на помѣщичьей землѣ онъ выговорилъ для себя опредѣленныя условія въ отношеніи къ помѣщику и не подчинился, какъ бѣлорусецъ, прихоти своего владѣльца; онъ усерденъ къ работѣ, смышленъ, изворотливъ и не позволитъ помѣщику своевольно распоряжаться своею собственностію. Оттого, вѣроятно, польскіе помѣщики и составили понятіе о кацапахъ, какъ о людяхъ буйныхъ, опасныхъ. Въ царствѣ польскомъ, гдѣ раскольниковъ не такъ много, ихъ считаютъ гораздо умнѣе, честнѣе и трудолюбивѣе польскихъ хлоповъ. Не смотря на то, что они вслѣдствіе гоненій эмигрировали изъ Россіи, они не утратили національной привязанности къ бывшему своему отечеству, и во время смутъ первые становились подъ русское знамя, въ формѣ козаковъ. Потому правительству нѣтъ надобности преслѣдовать здѣсь расколъ, какъ во внутренней Россіи. Жалкое религіозное заблужденіе этой русской секты само собою исчезнетъ съ распространеніемъ просвѣщенія.

НѢЧТО О ПОВѢРЬЯХЪ БѢЛОРУСЦЕВЪ ПОЛОЦКАГО УѢЗДА.

Миѳологія бѣлорусса, въ основѣ таже, что и русскаго, но формы ея не тѣ; это измѣненіе произведено было тѣмъ временемъ, когда бѣлоруссія находилась подъ тяжелымъ игомъ

Польши и папства. Кто знакомъ съ великорусскими повѣрьями, тотъ знаетъ въ общихъ чертахъ и бѣлорусскія; но вся свѣтлая сторона миѳологіи великоросса исчезаетъ для бѣлорусса, остается одно безобразное. Русалка утратила свою чудную обольстительную красоту, которою надѣлила ее фантазія великоросса: но за нею осталась способность до смерти щекотать прохожаго; лѣшаго бѣлорусс не облекъ ни въ какой поэтическій образъ, онъ не идетъ выше лѣса дремучаго и ниже травы стоячей, однако много людей пострадало от его дикаго ауканья. Наконецъ вѣра въ дружелюбныя существа утрачена совершенно. Есть, правда, въ фантазіи бѣлорусца образъ огненнаго змѣя; онъ выходитъ изъ пѣтушинаго яйца, и носитъ много денегъ своему хозяину; но и съ нимъ знакомство не оканчивается благополучно; со временемъ онъ сжигаетъ все, что прежде принесъ. Вѣритъ бѣлоросс и въ вѣдьмы и въ домовыхъ, но всѣ они, по его мнѣнію, исключительно творцы зла. Да и эти существа представляются народу не ясно, большая часть бѣлоруссовъ не имѣютъ о нихъ никакого понятія.

Напрасно кто нибудь вздумалъ бы объяснять это забвеніе языческихъ представленій благодѣтельнымъ вліяніемъ религіи духовенства (уніатскаго или римскаго); мы увидимъ, что уніатскіе ксендзы освящали суевѣріе религіею. А просто это произошло оттого, что некогда было вдаваться бѣлорусцу въ отвлечености; панская работа, пригонъ едва давали ему время добыть себѣ кусокъ *пушнаго* хлѣба. Не нужно было ему выдумывать домоваго, когда каждую минуту его душилъ живой кошмаръ: панъ или его войтъ съ нагайкою въ рукахъ, а подъ стоны жены, избитой на пригонѣ, воображеніе не такъ то легко рисовало красный образъ русалки; по этому главныя отличительныя черты бѣлорусскихъ повѣрій мрачность, неясность и бѣдность представленій. Далѣе поля и лѣса великоросса населены злыми существами, но за то онъ знаетъ и средства избавиться отъ вреднаго вліянія ихъ: наступитъ ночь на Ивана купалу и свѣтъ отъ зажженныхъ на поляхъ костровъ и пѣсни парней и дѣвокъ далеко отгонятъ злыхъ вѣдьмъ. (1) Бѣлорусс не знаетъ или не хочетъ упо-

---

(1) Празднованье купала, со всею его обстановкой, вовсе не великорусскій, а малорусскій, особенно бѣлорусскій праздникъ.

требить средствъ охранить себя отъ нихъ; ночь на Ивана такая же темная и молчаливая въ Бѣлоруссіи, какъ и другія ночи.

Да и зачѣмъ крестьянину отгонять злыхъ духовъ отъ хлѣба, когда можетъ быть ему не прійдется ѣсть его? Зачѣмъ бѣлоруссу заботиться, чтобы лошадь его была жирна? Пускай домовой ѣздитъ и ерошитъ шерсть на ней; вѣдь не сегодня, такъ завтра пану можетъ придти фантазія, по экономическимъ расчетамъ, отдать ее другому крестьянину. Да, тяжела была доля крестьянина, и воплотилъ онъ свое горе въ образѣ «Злыдни», и изъ всѣхъ его преданій осталось стройнымъ и яснымъ одно—о «злыднѣ». Вотъ его содержаніе:

Жилъ былъ богатый мужикъ; однажды ночью онъ слышитъ стукъ у двери, отворяетъ ее и къ нему входитъ старая, безобразная женщина—это была «Злыдни». Она поселилась у мужичка и съ ея приходомъ все пошло на выворотъ. Прежде всего перемѣнился у крестьянина панъ; прежде панъ былъ хорошій, теперь крестьянинъ перешелъ къ злому, потомъ начались неурожаи; крестьянина обокрали, словомъ, бѣда пошла за бѣдой. Однажды ночью крестьянинъ слышитъ скрипъ въ одномъ изъ угловъ хаты, гдѣ стоялъ ушатъ съ квашеными бураками. »Кто-тамъ?» спрашиваетъ онъ. «Злыдни,» былъ отвѣтъ; «что дѣлаешь?» «въ дорогу собираюсь». Крестьянинъ обрадовался, думая, что «Злыдни» намѣрена оставить его;не тутъ то было, Злыдни вышла изъ дому, но хозяинъ вышелъ прежде ее,—утромъ загорѣлся домъ и мужичекъ пошелъ куда глаза глядѣли, а Злыдни прицѣпилась къ его котомкѣ и ни на шагъ. Такъ дошли они до рѣчки; ее нужно было переходить по узенькой кладкѣ и Злыдни вскарабкалась на спину мужичку; но на самой серединѣ переправы онъ тряхнулъ плечами и дрянная старуха полетѣла въ воду: тутъ стала она просить и молить, чтобы крестьянинъ вытащилъ ее и сулила за это показать ему кладъ; довѣрчивый бѣлоруссъ повѣрилъ и вытащилъ Злыдни изъ воды, но едва вынесъ ее на берегъ, какъ она снова вскочила ему на спину и съ остервенѣніемъ принялась колотить его своими костлявыми руками. Съ тѣхъ поръ мыкаетъ бѣлоруссъ свое горе, пока не встрѣтитъ другой рѣчки; но во второй разъ онъ не будетъ такъ довѣрчивъ, какъ въ первый.

Вѣра въ колдуновъ такова же и въ Бѣлоруссіи, какъ и въ Великоруссіи. Колдуны и колдуньи чрезвычайно многочи-

слепны, имъ приписывается способность лѣчить укушенныхъ змѣей, насылать всякое несчастье, на нихъ не подымется ни чья рука. У каждаго изъ колдуновъ есть нѣсколько личностей между крестьянами, съ которыми они дѣлятъ *магарычи* (барыши); эти то господа проносятъ славу о колдунѣ, разсказывая о немъ разныя чудеса. Главная сила колдуновъ въ заломахъ. Заломы дѣлаются въ хлѣбѣ; для этого изъ колосьевъ завязывается извѣстнымъ способомъ узелъ, при чемъ произносятся заклинанія и по народному повѣрью, какого бы несчастья ни пожелалъ колдунъ хозяину поля, оно непремѣнно постигнетъ его. Завидя въ своемъ хлѣбѣ заломъ, бѣлоруссъ съ ужасомъ бѣжитъ къ своему священнику. Уніатскіе ксендзы, въ этомъ случаѣ, оставались вѣрны римскому принципу, оставлять народу всѣ заблужденія народа, даже самыя противныя духу христіанства, лишь бы онъ призналъ себя сыномъ римской церкви. Они не возставали прямо противъ нелѣпаго заблужденія крестьянина; напротивъ, увлекаясь корыстнымъ расчетомъ, они какъ будто бы освятили его религіею, выдумавъ особенные обряды для уничтоженія заломовъ; и крестьянинъ, видя, что даже служитель Христа, прежде прикосновенья къ залому, обвертываетъ руку эпитрахилью, съ возрастающимъ ужасомъ смотрѣлъ на эти узлы колосьевъ. Вотъ какъ способствали уніаты, подъ вліяніемъ католицизма, распространенію христіанскихъ понятій въ народѣ.

Нѣсколько словъ о праздникахъ бѣлоруссовъ. Особенно характеристичны два изъ нихъ: праздникъ Рождества Христова и поминовенія усопшихъ.

Задолго до разсвѣта 24-го декабря поднимается на ноги бѣлоруссъ и его хозяйка. Войдите въ это время въ избу и вы подумаете, что голова у нихъ обоихъ не въ порядкѣ. Вотъ хозяйка бросилась къ жернову, повернула его раза три и перешла къ шитью, уколола нѣсколько разъ иголкой и схватилась за веретено, вытянула нитку и принимается за новую работу. Въ другомъ углу хозяинъ то рубнетъ топоромъ, то примется лучину щепать, то начнетъ вить кнутъ; этотъ хаосъ продолжается вплоть до заутрени. Дѣло въ томъ, что, по понятіямъ бѣлорусса, работу, начатую имъ до заутрени въ первый день Рождества онъ можетъ продолжать въ теченіи цѣлыхъ святокъ; иначе, съ солнечнымъ заходомъ, онъ долженъ оставить всякое дѣло, потому что каждый вечеръ отъ Рождества до крещенья «чернецы сидятъ по угламъ».

Напрасно старался я узнать смыслъ этого преданья. На мои вопросы: что это за чернецы? что будетъ если работать въ святые вечера?, крестьяне отвѣчали однимъ: «не вѣдаемъ». Другой характеристичный праздникъ поминовенiе усопшихъ въ сытную субботу. (Димитрiевскую). Въ этотъ день, когда семейство крестьянина садится за столъ, хозяинъ выбрасываетъ за окно ложку каши и ставитъ на подоконникъ стаканъ вина, чтобы душеньки покойниковъ напитались. Удовлетворивши своимъ обязанностямъ къ покойникамъ, крестьяне не забываютъ и себя, какъ показываетъ и самое названiе этого дня. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, эти поминки сопровождались иногда странною церемонiей. Передъ обѣдомъ столъ отодвигали на середину избы и все семейство съ однообразнымъ припѣвомъ «шаври, гаври, самъ прибывай де къ намъ», принималось ползать на колѣнахъ вокругъ стола; сдѣлавши три круга, садились за обѣдъ.

Благодаря разумному влiянiю православнаго духовенства, суевѣрiя и повѣрья бѣлорусскiя съ каждымъ годомъ исчезаютъ и есть надежда, что лѣтъ черезъ десять, заломленные колосья пойдутъ въ овинъ вмѣстѣ съ прочимъ хлѣбомъ, а поминовенье покойниковъ ограничится молитвою объ успокоенiи душъ ихъ.

Что касается сказанiя о злыднѣ, то благодаря русскому правительству, оно окончено, и злыдни, дасть Богъ, останутся только въ сказкѣ, а еще очень близко то время, когда они были печальной дѣйствительностью.

ГОЛОСЪ

Бѣлорусскаго священника Минской губерніи, по случаю проектируемаго сооруженія народнаго памятника въ память уничтоженія въ Россіи крѣпостнаго права и возрожденія Бѣлоруссіи къ новой—истинно православной и русской жизни подавленіемъ послѣдняго польскаго мятежа въ 1863—1864 годахъ.

Новоселковскаго прихода, Игуменскаго уѣзда, въ урочищѣ Маріинъ-горкѣ, съ благословенія милостивѣйшаго нашего архипастыря, высокопреосвященнѣйшаго Михаила, архіепископа минскаго и бобруйскаго, съ разрѣшенія и утвержденія б. главнаго начальника сѣверо-западнаго края, графа Михаила Николаевича Муравьева, по желанію и просьбѣ новоселковскихъ прихожанъ и другихъ окрестныхъ крестьянъ, предположено, на добровольныя жертвоприношенія всѣхъ крестьянъ Минской губерніи, воздвигнуть приличный каменный храмъ, во имя св. благовѣрнаго, великаго князя Александра Невскаго, съ тѣмъ, чтобы этотъ храмъ служилъ общенароднымъ, вѣковѣчнымъ памятникомъ уничтоженія въ Россіи крѣпостнаго права и возрожденія православной Бѣлоруссіи къ новой жизни—подавленіемъ послѣдняго польскаго мятежа въ 1863—1864 годахъ и дарованіемъ народу, отъ щедротъ Монарха, неисчетныхъ милостей.

Производство сбора добровольныхъ пожертвованій на этотъ памятникъ поручено народомъ и разрѣшено начальствомъ мнѣ, съ церковнымъ братчикомъ Ѳеодоромъ Мотузовымъ.

Высоко цѣня историческое значеніе сего храма, по вниманію къ цѣли, для которой, времени и странѣ, въ которыхъ онъ воздвигается и, желая сдѣлать многознаменательное желаніе нашего народа общеизвѣстнымъ въ Русской Имперіи, я осмѣливаюсь, во имя торжества въ краѣ православія, просить всѣхъ русскихъ, истинно любящихъ свое православное отечество, выслушать слабый голосъ православнаго священника той страны Россіи, гдѣ въ настоящее время рѣшается такъ много коренныхъ государственныхъ вопросовъ, и на которую обращены завистливые взоры народовъ западной Европы. Позвольте, любезные братья, вѣрные сыны Россіи и православной церкви, познакомить васъ, оказывавшихъ и не перестающихъ оказывать намъ бѣлоруссамъ братское, нелицемѣрное сочувствіе въ недавно прошедшую годину нашихъ испытаній, познакомить съ

тѣми мыслями и побужденіями, которыя руководили и руководятъ меня къ сооруженію сего храма, и которыя были изложены въ запискѣ, поданной мною 8-го апрѣля, минувшаго 1864 года, за № 30, на имя б. временнаго военнаго губернатора Минской губерніи, генералъ-лейтенанта Заболоцкаго и симъ послѣднимъ, при своемъ рапортѣ, представленной на благоусмотрѣніе г. главнаго начальника здѣшняго края, графа М. Н. Муравьева.

Вотъ что писалъ я генералъ-лейтенанту Заболоцкому.

„Питая горячую любовь къ своей родинѣ — несчастной Бѣлоруссіи и желая содѣйствовать правительству къ скорѣйшему уничтоженію въѣвшейся въ этотъ край ржавчины латино-польской пропаганды, осмѣливаюсь представить на благоувaженіе вашего превосходительства тѣ мысли и побужденія, которыя внушили мнѣ инниціативу сооруженія каменнаго храма во имя св. благовѣрнаго, великаго князя Александра Невскаго, какъ народнаго, вѣковѣчнаго памятника пережитыхъ нами недавно эпохъ, именно: достославнаго 19-го февраля 1861 года и подавленія послѣдняго польскаго мятежа, возродившаго здѣшній край къ новой, истинно православной и русской жизни. Храмъ этотъ имѣетъ быть сооруженъ въ Игуменскомъ уѣздѣ, въ новоселковскомъ приходѣ, на св. Маріинъ-горкѣ, вмѣсто нынѣшняго деревяннаго, въ которомъ находится чудотворная икона Божіей Матери, къ которой окрестный народъ бѣлорусскій питаетъ особенное благоговѣніе и вѣру.“

„Кому неизвѣстно, какіе громадные успѣхи сдѣлала латино-польская пропаганда, вліявшая своею внутреннею силою и внѣшнимъ насиліемъ на всѣхъ и на все въ нашемъ западномъ краѣ! Но можно ли удивляться этому, когда до сего времени мы, бѣлоруссы, можно сказать, находились какъ бы въ безсознательномъ положеніи и летаргическомъ снѣ? Кажется, мы не понимали себя и своихъ внутреннихъ силъ и безмолвно, съ поникшею главой, смотрѣли на все, что вокругъ насъ происходило. Мы умѣли только страдать и молчать. Мы упустили изъ виду много историческихъ событій, которыя должны были имѣть великое вліяніе на возрожденіе Бѣлоруссіи, подъ родною властію державы всероссійской, въ религіозномъ, гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ и ничѣмъ не ознаменовали этихъ великихъ измѣненій къ лучшему. Возвращеніе къ Россіи нашего края при Екатеринѣ Великой, второе расширеніе границъ вслѣдствіе войны 1812 года, польскій мятежъ 1831 года, до-

стопамятное возсоединеніе уніи съ православною церковію— всѣ эти событія прошли какъ бы незамѣченными нами, словно онѣ не имѣли никакого вліянія на судьбу здѣшняго края. До сего времени мы бѣлоруссы не сказали (впрочемъ и сказать нельзя было) никакимъ общественнымъ дѣломъ сами о себѣ въ заявленіе того, что мы—искони русскіе по вѣрѣ, языку и исторіи. За насъ громко говорили (конечно, по своему) другіе, всему русскому враждебные люди, и не только говорили, но и дѣйствовали на погибель православія и русской народности.“

„Ужели и въ настоящее время,— когда предъ нашими глазами совершился незабвенный въ исторіи русской фактъ уничтоженія въ Россіи крѣпостнаго права, а въ здѣшнемъ краѣ и совершеннаго прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ посредствомъ обязательнаго выкупа, и когда, наконецъ, подавленіемъ открытаго ксендзо-шляхетскаго мятежа противъ русскаго правительства,нанесенъ меткій ударъ господству во всемъ западномъ краѣ латино-польскаго элемента,—ужели, говорю, мы, православные бѣлоруссы, останемся, по прежнему глухи и нѣмы къ этимъ отраднымъ явленіямъ недавняго прошедшаго? Такое упорное молчаніе навлекло бы на насъ—современниковъ справедливое и полное негодованіе нашего потомства, а поляковъ и папистовъ снова вовлекло бы въ заблужденіе относительно нашего крайняго безсилія противъ польской интеллигенціи, и до сихъ поръ неперестающей мечтать объ отторженіи нашего западнаго края отъ роднаго дорогаго отечества нашего—Россіи.“

„Возстани спящая Бѣлоруссія, день насталъ и работа давно ждетъ тебя!“

„Самымъ сильнымъ заявленіемъ противъ всѣхъ польскихъ притязаній и самымъ важнымъ началомъ труда въ пользу единодушнаго, сознательнаго движенія народа къ жизни общественной и религіозной можетъ служить сооруженіе возможно великолѣпнѣйшаго памятника по случаю возрожденія къ самосознанію бѣлорусскаго народа. Такимъ памятникомъ, всего приличнѣе, можетъ быть храмъ Божій, воздвигнутый на единодушныя пожертвованія самихъ же православныхъ, поменьшей мѣрѣ, нашей губерніи. Храмъ этотъ будетъ, съ одной стороны, жертва Богу за избавленіе западно-русскаго народа отъ конечной гибели въ дѣлѣ вѣры, въ гражданскихъ правахъ и въ политической жизни, а съ другой—торжественное заявленіе того, что мы наконецъ уразумѣли нашу народную силу, поняли значеніе совершившихся

предъ нами эпохъ и открыто поднимаемъ знамя побѣды надъ нашими врагами. Исполненіе столь важнаго и необходимаго народнаго предпріятія много и очень много подвигнетъ впередъ нашъ бѣлорусскій народъ на пути къ твердому сознанію своей русской народности и вѣры православной. Этимъ народнымъ памятникомъ великой настоящей эпохи, здѣшній православный народъ, забитый и загнанный игомъ крѣпостнаго рабства и тяжелымъ гнетомъ вліянія ксендзовъ и шляхты, смѣло и прямо скажетъ своимъ врагамъ, что онъ, рожденный и воспитанный матерью своею св. церковію православною, подъ покровительствомъ и защитою православнаго Императора Всероссійскаго, есть и былъ искони русскій и православный народъ.“

„Но гдѣ же, въ какомъ мѣстѣ приличнѣе быть таковому храму, какъ народному памятнику?“

„Съ перваго взгляда очень понятно, какъ нѣкоторые и утверждаютъ, что таковому храму приличнѣе было бы находиться на видномъ мѣстѣ, въ значительномъ городѣ? Но принесетъ ли онъ, кромѣ наружнаго украшенія, ту нравственную пользу, ту благодать, какую можетъ источать, находясь въ болѣе доступномъ для народа, скромно уединенномъ мѣстѣ? Опытомъ дознано, что почти всѣ, находящіяся въ большихъ городахъ святыни простому народу нетолько недоступны, но даже мало или вовсе неизвѣстны. Мнѣ кажется, что народные памятники, имѣющіе цѣлью—увѣковѣчить извѣстныя эпохи народныя, должны навсегда служить живою рѣчью для преходящихъ поколѣній и поучать народъ историческимъ подвигамъ. Съ этой точки зрѣнія, проэктируемый храмъ, какъ памятникъ народный, создаваемый по мысли и желанію самого народа, долженъ находиться, такъ сказать, среди сего послѣдняго и при томъ въ такомъ мѣстѣ, которое уже чѣмъ нибудь ознаменовано и куда народъ уже привыкъ стекаться во множествѣ для духовнаго утѣшенія и назиданія. Въ семъ послѣднемъ отношеніи Маріинъ-горка въ Игуменскомъ уѣздѣ представляется мнѣ однимъ изъ лучшихъ мѣстъ для исполненія желанія народа—увѣковѣчить настоящую великую эпоху для здѣшней губерніи построеніемъ великолѣпнаго храма Божія, какъ народнаго памятника. Нижеслѣдующія соображенія еще болѣе могутъ усилить вышесказанную мысль.“

„Крѣпостное право въ рукахъ польскихъ помѣщиковъ—папистовъ и братоубійственная унія едва было совсѣмъ не

убили въ здѣшнихъ крестьянахъ и православно-религіозную и народно-русскую духовную жизнь и силы. Но, благодаря Божію о насъ промышленію, въ бѣлорусскомъ народѣ еще сохранились—и стремленіе къ благочестію, и сознаніе своей русской народности, и любовь и благоговѣніе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находятся чудотворныя иконы и другіе священные предметы, предъ которыми народъ обыкъ изливать въ молитвѣ свои рѣдкія радости и свое частое горе. Латинская пропаганда не упустила и не упускаетъ изъ вида подобнаго религіознаго настроенія нашего народа. Желая болѣе и болѣе распространять и вселять въ сердцахъ и умахъ бѣлорусскаго народа закваску римскаго ученія и поддержать слабѣющее со дня на день къ нему уваженіе, ксендзы и р. католическіе монахи разныхъ орденовъ, не стѣсняясь никакими уловками и подлогами, старались придать особенный авторитетъ и святость такимъ мѣстамъ и иконамъ, какъ посредствомъ канонизаціи сихъ послѣднихъ римскими папами, такъ и великолѣпіемъ воздвигаемыхъ здѣсь костеловъ. Бѣлыничи Могилевской губерніи, Холявщизна близъ Минска, Юревичи въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, Несвижъ—въ Слуцкомъ, Радошкѣвичи, Кальварія и Лебедево Виленской губерніи и многія другія мѣста, гдѣ находятся чудотворныя иконы и наконецъ будто бы тѣла — Іезуита Андрея Боболи въ Полоцкѣ и Фабіана въ Слуцкомъ уѣздѣ, выдаваемыя за святыя и нетлѣнныя мощи,— прославлены ксендзами предъ легковѣрнымъ народомъ до такой степени, что не только католики-римскіе, но и православные тысячами стекаются туда на поклоненіе и молитву. Мы близко видѣли и вполнѣ знаемъ, какъ сильно этимъ способомъ ослабляется въ православныхъ духъ православія и какъ простой народъ нашъ замѣтно дѣлается если не явнымъ исповѣдникомъ папизма, то безразличнымъ въ вѣрѣ.“

„Пора, наконецъ, прекратить это открытое совращеніе нашего народа въ папизмъ, возбудить въ народѣ непоколебимый и безпримѣсный духъ православія и устранить навязываніе ему ксендзами своей вѣры. Единственное средство къ этому—привести въ болѣе благолѣпный видъ и сообщить историческое значеніе тѣмъ священнымъ мѣстамъ и иконамъ православнымъ, къ которымъ, съ незапамятныхъ временъ, народъ питаетъ особенное благоговѣніе и вѣру. Маріинъ-горскій Александро-Невскій храмъ, если бы Господь благословилъ построеніе его въ возможно-великолѣпномъ видѣ, *при* сознательномъ *участіи* въ построеніи его *самого народа*, можетъ сдѣлаться со временемъ цент-

ромъ притягательной силы народно-религіознаго стеченія и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ развивать и поддерживать въ народѣ духъ благочестія и любви ко всему русскому и православному, и такимъ образомъ, мало по малу, можетъ содѣйствовать къ уничтоженію въ нашемъ краѣ всего польскаго и латинскаго. Съ теченіемъ времени, если угодно это будетъ Богу, здѣсь можетъ образоваться что-то въ родѣ главнаго святилища для народа Минской губерніи. Если позволятъ средства, при этомъ храмѣ можно открыть учебное заведеніе для народнаго религіозно-нравственнаго образованія, съ которымъ можно было бы соединить и образованіе техническое, въ чемъ нашъ народъ бѣлорусскій и вообще сѣверо-западный край невыразимо нуждается (1).

---

(1) Западнорусскій народъ, находясь подъ вліяніемъ крѣпостнаго права у поляковъ-помѣщиковъ и окруженный строгою бдительностію сплошной массы жадныхъ евреевъ, поглотившихъ собою и въ себѣ торговлю, промыслы, ремесла и все, что только служитъ къ развитію и обогащенію страны и народа, остается теперь, какъ и былъ прежде, при одной только незначительной пропорціи земли. Съ своего участка крестьянинъ долженъ прокормить, образовать себя и снискать средства къ погашенію государственныхъ, общественныхъ и земскихъ повинностей. Таковой участокъ, при усвоенномъ отъ б. помѣщиковъ характерѣ народа—сейчасъ дѣлиться и землею и движимымъ имуществомъ — даже постройками, если только въ домѣ находится два—три и болѣе братьевъ, оставшихся послѣ смерти отца,—можетъ ли служить прочнымъ обезпеченіемъ жизни бѣлорусса? Нисколько! Характеръ здѣшняго народа отличается рѣдкою безпечностію, нерадѣніемъ и безрасчетнымъ умѣньемъ ограничиться однимъ нечистымъ, пушнымъ, или овсянымъ хлѣбомъ и гнилымъ картофелемъ, только бы ему сидѣть дома и лежать на теплой печи, хладнокровно и безъ скуки ожидая весны всю зиму, состоящую нерѣдко изъ семи мѣсяцевъ, занимаясь въ это время досмотромъ своего изнуреннаго голодомъ и холодомъ скота, привозкою дровъ изъ лѣса и отлучкою иногда въ ближайшій городъ, или мѣстечко, по найму (у еврея), чтобы заработать на соль или *страву*, или отслужить за всегубительный долгъ, сдѣланный имъ у еврея. Бѣлорусскій народъ, за весьма малымъ исключеніемъ, почти всегда—должникъ еврейскій, а потому вѣчно находится подъ вліяніемъ еврейскаго населенія. Чтобъ извлечь его изъ бездны такого тяжкаго положенія, искоренить въ душѣ его вѣками накопившуюся апатію ко всему окружающему его и чтобы развить въ сердцѣ его любовь къ труду и собственной пользѣ, словомъ — оживить его жизнь, за отсутствіемъ здѣсь фабрикъ и заводовъ, нужно непремѣнно съ грамотностію дѣтей соединить практико-тео-

Кромѣ религіознаго, эта же мѣстность (Маріинъ-горка) имѣетъ не маловажное и патріотическое значеніе. Здѣсь, близь церкви, погребены въ одной могилѣ тѣла четырехъ новоселковскихъ прихожанъ—Дорофея Горбачика, Анбросика, Петра Козака и Антона Варивончика, убитыхъ мятежными поляками, при нападеніи 21-го апрѣля 1863 года, на село Новоселки. Въ память сихъ и прочихъ убіенныхъ, во время недавняго польскаго мятежа, православныхъ россіянъ, народъ желаетъ устроить въ этомъ новомъ храмѣ особенный придѣлъ во имя святаго Макарія, основываясь на сонномъ видѣніи одного изъ членовъ новоселковской церкви, который пользуется полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ въ приходѣ; въ придѣлѣ этомъ, въ стѣнѣ предъ жертвенникомъ, утвердить мраморную доску съ надписью именъ всѣхъ положившихъ животъ свой въ сѣверо-

---

Царства Польскаго для введенія папизма, дабы отклонить народъ отъ своей вѣры и православныхъ пастырей, тайно руководя школьниками и другими своими агентами, съ гамомъ и крикомъ нападали и безнаказанно издѣвались надъ православными, торжественными, крестными ходами, во время ихъ совершенія. При этомъ нападеніи, каменьями и дубинами разгоняли молящійся народъ, изувѣчивали облаченныхъ въ священныя ризы священниковъ, съ богохульствомъ, достойнымъ язычниковъ, сокрушали предносимые при семъ—св. кресты съ распятіемъ Христа Спасителя, хоругви и иконы, и съ неистовствомъ попирали ихъ въ грязь ногами, фанатически крича: „прочь проклятая схизма!“ (*) Употребляя всѣ усилія, чтобы уничтожить православіе, между другими орудіями своей пропаганды, паписты, въ свою очередь, завели и у себя крестные ходы, соединенные съ особенными ихъ торжествами, придуманными для уловленія православныхъ. Вспомнимъ торжественное празднованіе папистами своихъ римскихъ юбилеевъ въ нашемъ краѣ. Эти всенародныя торжества соединены были съ шумными крестными ходами, обстановленными всевозможною торжественностью. Совершая эти крестные ходы изъ монастыря въ монастырь, изъ костела въ костелъ, духовенство латинское, останавливаясь на перекрестныхъ дорогахъ, улицахъ городовъ и другихъ болѣе открытыхъ мѣстахъ, всенародно произносило проповѣди, въ которыхъ призывало всѣхъ не только къ благочестію и къ покаянію, но и къ единенію съ римскою церковію, обвиняя при этомъ всѣ другія христіанскія вѣроисповѣданія, особенно православное, въ нечестивой ереси и богоотступничествѣ и клеймя ихъ, преимущественно послѣднее, разными по-

---

(*) Смотри разные акты и документы, напечатанные въ разныхъ книжкахъ Вѣстника запади. Россіи съ 1862 года и многіе другіе источники.

огда въ этомъ мѣстѣ можетъ образоваться та, такъ сказать, равославная скала, о которую будутъ разбиваться всѣ подполья козни нашихъ враговъ и религіозныхъ, и политическихъ, экономическихъ. Въ маріинъ-горскомъ храмѣ хранится чудотворная икона Божіей Матери, которая привлекаетъ въ каждое воолунное воскресенье множество въ этотъ храмъ народа не олько изъ православныхъ, но и изъ р. католиковъ. Съ 863 года, два раза въ годъ, изъ шести ближайшихъ приходкихъ церквей—новоселковской, пуховицкой, блонской, туринкой, дриченской и вороничской совершаются сюда торжественые крестные ходы; одинъ въ девятый четвертокъ послѣ Свѣтаго Воскресенія Христова, въ благодарность Богу за возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію, и другой—на св. лександра Невскаго, 30-го августа,—въ день тезоименитства еликаго ГОСУДАРЯ Нашего, ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, съ мыслію и желаніемъ увѣковѣчить въ памяти потомства великое Имя нашего Монарха, избраннаго Промысломъ Божіимъ уничтожить въ Русскомъ Царствѣ крѣпостное право. Въ память этой эпохи, 19 февраля, каждаго ода совершается тоже крестный ходъ въ этотъ храмъ; но тольо изъ двухъ ближайшихъ церквей—новоселковской и пуховецкой, что зависитъ, впрочемъ, отъ неблагопріятной, обыкновенно, февральской погоды (2).

етическую науку хоть о молочной торговлѣ, промыслахъ, ремеслахъ, искуствахъ и проч. Тогда только отцы нашихъ крестьянскихъ дѣтей съ радостію, а не съ воздыханіемъ, будутъ отдавать ихъ въ народное училище, потому что тогда наглядно поймутъ пользу и значеніе такихъ училищъ, и тогда господство евреевъ, по необходимости, должно потерять свою незаконную силу надъ простымъ народомъ.

Надѣюсь, что при будущемъ маріинъ-горскомъ храмѣ, можетъ образоваться со временемъ техническая школа для обученія дѣтей православныхъ безъ различія званія и состоянія.

(2) Въ Бѣлоруссіи мало по малу возстановляется теперь древнее употребленіе православныхъ торжественныхъ крестныхъ ходовъ — этого видимаго знака торжества Христовой церкви надъ ея врагами видимыми и невидимыми. Православные крестные ходы почти уничтожены были, во время кроваваго гоненія православной церкви въ этомъ краѣ отъ латинскихъ ксендзовъ и польскаго правительства. Изъ историческихъ документовъ объ уніи и папизмѣ въ нашемъ краѣ что извѣстно, прибывшіе къ намъ римскіе ксендзы изъ

западномъ краѣ за вѣру православную, за царствующаго въ Россіи Помазанника Божія, за цѣлость и достоинство державы всероссійской. Кромѣ всегдашняго, при каждомъ богослуженіи, поминовенія душъ сихъ убіенныхъ, народъ постановилъ на вѣчныя времена праздновать, 21 апрѣля, день мученической кончины своихъ собратій и совершать божественную литургію не только за упокоеніе въ блаженной вѣчности душъ, принесшихъ себя въ жертву за други своя, но и за душу въ Бозѣ почившаго Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича. Послѣ обнародованія телеграммы о смерти Наслѣдника Престола, первую божественную литургію о упокоеніи души Его совпало совершить въ маріинъ-горскомъ храмѣ въ день, назначенный для вѣчнаго поминовенія вышесказанныхъ мучениковъ, которая и совершена въ присутствіи

зорными эпитетами. Положительно извѣстно, что во время празднованія римскихъ юбилеевъ народъ толпами переходилъ изъ православія въ унію, а потомъ въ папизмъ. Послѣ возсоединенія нашего края съ Россіей, отъ русскаго правительства не укрылось вредное вліяніе на православныхъ празднованія юбилеевъ римлянами, которые въ прошлое царствованіе и были воспрещены совершенно. Но папизмъ не унывалъ. Паписты, вмѣсто 25-ти лѣтняго юбилея, придумали, примѣнительно къ Россіи, юбилей ежегодный, постоянный. Представитель ихъ, покойный митрополитъ Головинскій въ видахъ учрежденія со стороны р. католическаго духовенства постоянныхъ, общественныхъ молитвъ объ испрошеніи у Господа Бога отвращенія отъ Россіи посѣтившихъ ее въ сороковыхъ годахъ голода, холеры и разныхъ смутъ, въ томъ числѣ венгерской войны, испросилъ у покойнаго государя ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ чрезъ б. министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго, Высочайшее разрѣшеніе на установленіе въ Россіи такъ называемаго *сороко-часоваго* богослуженія (прежде обязательнаго только для одного доминиканскаго ордена, по правилу патрона доминиканцевъ, Ѳомы Аквинатскаго, и совершаемаго въ костелахъ этого ордена, повсемѣстно, только однажды въ году, въ праздникъ сошествія св. Духа), съ обязательнымъ распространеніемъ онаго на всѣ р. католическіе не только монастырскіе, но и приходскіе костелы, и во всѣ воскресные и праздничные дни лѣтнихъ мѣсяцевъ. И такимъ образомъ хитрый прелатъ, благодаря угодливости современному ему русскому правительству, временный юбилей римской церкви, запрещенный правительствомъ въ имперіи, по причинѣ дознаннаго изъ прежнихъ лѣтъ политическаго его характера, съумѣлъ замѣнить на постоянный съ прежнимъ характеромъ и вредомъ для Россіи. Сорокочасовое это богослу-

ольшаго стеченія народа, собраннаго въ этотъ храмъ отъ ;ми окрестныхъ волостей.

Не могу при семъ пройдти молчаніемъ о заслуженной чеги моихъ новоселковскихъ прихожанъ въ томъ отношеніи, го они первые изъ крестьянъ Минской губерніи, а можетъ ыть и всего здѣшняго края, открыто протестовали противъ ятежнаго польскаго движенія и за тѣмъ мірскими приговорами остановили: 1) увѣковѣчить въ памяти потомства достославоое событіе, совершившееся въ день 19 февраля 1861 года, ооруженіемъ сказаннаго каменнаго храма во имя св. Александра Невскаго, Ангела хранителя незабвеннаго и Великаго ;арователя свободы крѣпостнымъ людямъ, и 2)—протестовать собымъ письмомъ, на имя бывшаго начальника Минской гу-

---

;еніе сопровождалось особенною торжественностью; толпа ксен;зовъ, въ числѣ которыхъ всегда находился записной импроизаторъ — проповѣдникъ, совершивъ торжественное ;слу;еніе (pontificaliter) въ одномъ извѣстномъ приходскомъ костелѣ, отправлялись къ слѣдующему воскресенью или праздику по очереди, къ сосѣднему и т. далѣе. Богослуженіе про;олжалось въ каждомъ костелѣ, обыкновенно, три дня. Къ тому времени празднованія съѣзжались въ извѣстный при;одскій костелъ всѣ окрестные помѣщики, съ семействами, ;сею дворней и заставляли являться туда и своихъ, чуть ли ;е всѣхъ крестьянъ, большею частью православныхъ. Ксен;зы денно и нощно исповѣдывали ихъ и причащали, а импро;изаторы—проповѣдники, порицаніемъ православія и превозношеніемъ латинства, окончательно совращали ихъ въ латин;тво, вельможные же паны и шляхта, сходясь послѣ богослуже;ія въ ксендзовскіе домы или кляшторы на закуски и обѣды, ;роводили время въ тайныхъ совѣщаніяхъ и приготовленіи къ мятежу. Сороко-часовое богослуженіе преимущественно отличалось торжественностью *процессіи* (крестные ходы). Кромѣ того, у здѣшнихъ р. католиковъ процессіи эти торжественно совершались въ дни майскаго богослуженія и въ праздникъ *Божьяго тѣла* (S. Corporis Christi).

Кромѣ историческаго и археологическаго значенія, крестные ходы своею торжественностію всегда возбуждаютъ благочестивое настроеніе души у всякаго христіанина, а чрезъ это привлекаютъ большое стеченіе народа, ищущаго утѣшенія въ вѣрѣ и молитвѣ. Непростительно же будетъ намъ православнымъ пастырямъ, если мы будемъ упускать изъ вида возбуждающіе народъ къ благочестію торжественные крестные ходы, которые установлены церковію издревле, и которыми такъ искусно пользуется латинская пропаганда для своихъ, враждебныхъ намъ цѣлей!...

далъ о немъ мысль; откуда прежде другихъ мѣстъ посланы были вѣрноподанические адрессы,— въ той мѣстности, которая уже привлекаетъ къ себѣ толпы народа своею чудотворною иконою и крестными ходами, и гдѣ, наконецъ, погребены тѣла мучениковъ бѣлоруссовъ, убіенныхъ за православную вѣру и отечество, память которыхъ народъ хочетъ увѣковѣчить; эта мѣстность есть Маріинъ-горка. Желая содѣйствовать возможно скорѣйшему осуществленію желанія крестьянъ сооруженіемъ сего храма, его сіятельство изволилъ пожертвовать 5,000 рублей и, принявъ постройку сего храма подъ свое особое высокое покровительство, объявилъ мнѣ лично, что „*эту мѣстность нужно выдвинуть впередъ, заложить здѣсь мѣстечко и открыть ярмарки.*"

Такимъ образомъ маріинъ-горскій храмъ будетъ народнымъ памятникомъ двухъ великихъ, современныхъ эпохъ, имѣющихъ важное вліяніе на настоящее возрожденіе и будущее благоденствіе бѣлоруссовъ въ гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Къ признакамъ этого возрожденія нельзя ли отнести и самую поѣздку мою по губерніи, какъ простаго священника, приглашающаго первый разъ народъ соединиться мыслію и

чтобы этотъ храмъ служилъ общимъ народнымъ памятникомъ нашей губерніи дарованныхъ намъ гражданскихъ правъ и съ тѣмъ, чтобы въ немъ не только мы, но и наши потомки въ роды родовъ возсылали теплыя молитвы къ Господу Богу за нашего незабвеннаго МОНАРХА и имѣли бы осязательное свидѣтельство нашего вѣрноподданства всероссійскому Августѣйшему Дому. Такъ же въ этомъ храмѣ мы постановили совершать на вѣчныя времена три раза въ годъ торжественный крестный ходъ изъ нашей новеселковской Покровской церкви: 1) 19-го февраля,— день дарованія намъ свободы; 2) августа 30-го, день Ангела хранителя любезнѣйшаго МОНАРХА нашего, Дарователя намъ свободы; 3) въ день возсоединенія уніатовъ съ православною церковію, напоминающій съ одной стороны благодѣтельное попечительство державы Всероссійской надъ нашимъ западнымъ краемъ, съ другой—тѣ ужасы преслѣдованій, какимъ подвергались наши предки за свою православную вѣру отъ латинянъ и поляковъ, подъ владычествомъ которыхъ они находились.

На устройство выше сказаннаго храма, вслѣдствіе нашего приглашенія, 32 волости (списокъ которыхъ при семъ прилагаемъ) пожертвовали около 3,300 рублей сѣр., съ обязательствомъ вносить эти деньги въ продолженіе отъ одного до пяти лѣтъ.

Волости слѣдующія: новоселковская, пуховицкая, борово-слободская, туринская, дриченская, блужская, омельнянская, дукорская, пережирская, смоловоцкая, березинская, колбчанская, долгская, цитвянская, дудоцкая, могильнянская, целяковская, узденская, семеновицкая, старицкая, нуковская, нырищево-слободская, хотлянская, турковская, телушская, двораниновицкая и королевская.

Примѣч. Къ этимъ волостямъ въ 1865 году присоединилось еще 10-ть волостей и пожертвовали болѣе 2,400 рублей сер. на своихъ волостныхъ сходахъ. Не смотря на неурожайный годъ, крестьяне съ особенною ревностію жертвуютъ на этотъ храмъ.

ернія, противъ заявленій здѣшнихъ польскихъ помѣщиковъ присоединеніи нашего края къ Царству Польскому, и такой протестъ просили повергнуть къ стопамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, за что чрезъ г. министра внутреннихъ дѣлъ объявлено имъ Монаршее благоволеніе (3). Наконецъ, въ неопровержимое доказательство своего православія и вѣрноподданническихъ чувствъ къ Всероссійскому ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, въ стычкѣ съ мятежниками не усумнились запечатлѣть своею кровію ту истину, что мы здѣсь всѣ-русскіе и православные, и что никакая сила ксендзовъ и руководимыхъ ими поляковъ не въ состояніи разорвать тотъ священный союзъ, которымъ мы бѣлоруссы такъ тѣсно связаны съ великоруссами.

Бывшій главный начальникъ сѣверо-западнаго края, графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, по разсмотрѣніи моей записки и личномъ объясненіи со мною, согласился съ тѣмъ мнѣніемъ, что вышеприписанному храму всего приличнѣе находиться именно въ той мѣстности, гдѣ народъ впервые по-

---

(3) Содержаніе сказаннаго письма, напечатаннаго въ свое время въ нѣкоторыхъ газетахъ, между прочими и въ „Минскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" въ № 12 1863 года, слѣдующее:

Ваше превосходительство,

Милостивый Государь!

„Неблагопріятныя для насъ и нашего роднаго русскаго правительства мысли нѣкоторыхъ людей, самовольно называющихъ себя народными представителями, желающихъ возстановленія польской самостоятельности, вынуждаютъ насъ покорнѣйше просить ваше превосходительство довести до свѣдѣнія любезнѣйшаго нашего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, что, не смотря на желаніе нѣкоторыхъ неблагомыслящихъ людей умалить въ нашемъ мнѣніи цѣну благодѣяній ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, возвѣщенныхъ намъ Манифестомъ 19-го февраля 1861 года, и тѣмъ поколебать въ насъ преданность нашему Благодѣтелю, не смотря на неблагопріятное наше мѣстное положеніе въ религіозномъ отношеніи,—мы поставляемъ своею священною обязанностію всеподданнѣйше засвидѣтельствовать предъ Всероссійскимъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ, что мы—вѣрные и неизмѣнные Его подданные, всею душею, всѣмъ существомъ нашимъ преданные Ему, исполнявшіе и всегда готовые исполнять волю Его, и—сыны церкви православной, крѣпко держащіеся ея святыхъ уставовъ и готовые страдать за православную вѣру нашихъ предковъ.

Во свидѣтельство нашего православія, нашей искренней благодарности и вѣрноподданства приснопамятному Благодѣтелю нашему ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II, мы, по общему нашему желанію и съ разрѣшенія нашего архипастыря, рѣшились, при помощи Божіей, воздвигнуть на добровольныя пожертвованія всѣхъ волостей временно-обязанныхъ крестьянъ Минской губерніи, каменный храмъ, во имя св. Александра Невскаго, Игуменскаго уѣзда, на св. Маріинъ-горкѣ, гдѣ находится чудотворная икона маріинъ-горской Божіей Матери, съ тѣмъ,

сердцемъ въ стремленіи къ одному славному дѣлу и одной важной цѣли—общими силами создать храмъ Богу—живому, столь очевидно промышляющему о нашей странѣ?

До сего времени, мы священники,—единственные представители здѣшняго, кореннаго бѣлорусскаго народа, ограничивались своими только приходами въ воздѣлываніи духовной нивы вертограда Христова. Дѣланіе наше (хоть и не безплодное) такъ было скромно и, можно сказать, механично, что нашлись люди, которые назвали насъ тунеядцами, людомъ непроизводящимъ, а только потребляющимъ. Но заслужили ль мы это нареканіе, когда до сихъ поръ, какъ бы по закону, мы сами по себѣ не смѣли не только дѣлать, но и мыслить?.. Могли ли мы дѣйствовать на общество (разумѣю-высшее, такъ называемое образованное), когда оно не знало и не хотѣло знать пастырей церкви православной въ нашемъ краѣ, когда оно убѣгало насъ, считая безчестіемъ знакомство, а тѣмъ болѣе сближеніе и родство съ нами? Такое изолированное положеніе отца духовнаго въ семьѣ русской было причиною того, что многіе православные священники, или точнѣе ихъ семейства, желая сколько нибудь защитить себя отъ одичалости, стали сближаться съ враждебнымъ во всѣхъ отношеніяхъ обществомъ поляковъ, отчасти перенимать у нихъ языкъ, обычаи, нравы и даже латинскіе пріемы въ нѣкоторыхъ обрядностяхъ. Простой православный народъ, замѣчая такую аномалію, такой дуализмъ, въ лицѣ и домѣ своихъ пастырей, тоже смотрѣлъ на насъ окомъ подозрѣнія и недовѣрія. Грустное и напрасное недовѣріе! Можно ли обвинять человѣка въ томъ уклоненіи съ прямой колеи жизни, которое зависѣло не столько отъ него самаго, сколько отъ окружающихъ его внѣшнихъ обстоятельствъ и судебъ историческихъ? Таковому тяжкому и всестороннему давленію обстоятельствъ и было оставлено православное духовенство нашего края. Быть можетъ кто подумаетъ, что духовенство наше не замѣчало, не чувствовало такого своего униженнаго, несчастнаго и плачевнаго состоянія? Нѣтъ! Все это ясно мы, пастыри вѣры православной и хранители народности русской, видѣли, чувствовали, понимали, обо всемъ этомъ тяжко скорбѣли, но, по необходимости, хоть и не безъ глухаго ропота, должны были подчиниться своему безотрадному и горькому, не только общественному и религіозному, но и домашнему положенію.

Настоящій мятежъ поляковъ открылъ завѣсу, за которою не видно было страданія и униженія, не видно было тихихъ, но вѣрныхъ трудовъ православныхъ пастырей. Правительство, а за нимъ и великорусское общество не замедлило увидѣть наше горькое прошедшее: первое простерло къ намъ отцовскую, второе братскую руку помощи и ободрило насъ и словомъ правды и дѣломъ. Видно стало, что до сихъ поръ не понимали насъ и нашего края. Гг. Говорскій, Эремичъ и другіе—наши бѣлоруссы, въ журналѣ «Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи», первые возвысили голосъ для обличенія затѣй, клеветъ и лжей враждебной намъ латинской пропаганды, для защиты отъ нея нашего края и бѣлорусскаго духовенства (*). Вслѣдъ за тѣмъ не усумнились явиться на полѣ литературной борьбы съ нашими супостатами великрусскіе публицисты гг. Аксаковъ, Катковъ и другіе, и рядомъ съ ними г. Кояловичъ—нашъ бѣлоруссъ. Воззваніе редакціи «Дня» къ бѣлорусскому духовенству открыло намъ глаза, подняло насъ въ собственномъ нашемъ самосознаніи. Мы ободрились, стряхнули пыль недовѣрія къ самимъ себѣ и духовнымъ силамъ нашимъ. Мы увидѣли, что и правительство, и великорусское общество сочувствуютъ намъ, возбуждая какъ бы отъ сна и призывая насъ къ бодрствованію на стражѣ ввѣренныхъ намъ паствъ бѣлорусскаго народа. И родной гласъ изъ внутренней Россіи не остался гласомъ воніющаго въ пустынѣ: онъ задѣлъ всѣ струны нашего духа и вывелъ насъ на путь правды и новой религіозно-гражданской дѣятельности. Во имя православной церкви, во имя возсозданія въ нашемъ краѣ русской народности, мы принялись теперь за дѣло на широкой, хоть и тернистой и невоздѣланной, нивѣ народной, и надѣюсь, кровь нашихъ мучениковъ іереевъ, убіенныхъ папско-польскими мятежниками, искупила невольные грѣхи нашего горькаго прошедшаго..!

Съ появленіемъ въ нашемъ краѣ новыхъ государственныхъ, истинно-русскихъ и православныхъ дѣятелей, достойныхъ вѣчной хвалы и признательности потомства,—открытое

(*) Покорно благодаримъ васъ, достойнѣйшій о. Ѳома, что хоть вы, по іерейской совѣсти, сказали слово правды о нашемъ посильномъ дѣланіи на пользу нашей вѣры и отечества,—хотя, какъ вамъ извѣстно, это слово мы не проходимъ молчаніемъ по вашему только настоянію.

Ред.

гоненіе православія прекращено и гордый, изувѣрный врагъ русской народности и вѣры православной долженъ сознать однажды навсегда свое заблужденіе, выработанное латинизмомъ, какъ червь подтачивавшимъ страну нашу,—долженъ однажды навсегда убѣдиться въ томъ, что онъ въ нашемъ краѣ есть не что иное, какъ гнилая вѣтвь, исторической бурею оторванная отъ своего роднаго дерева—Россіи, потерявшая соки, необходимые къ жизни и, подобно перекатиполе, не укоренившаяся ни на какой почвѣ, уносимая съ мѣста на мѣсто порывами страстей и подстрекательствъ. Подъ могущественною сѣнію Царя православнаго, предъ нами открывается теперь счастливая будущность въ землѣ обѣтованной и предназначенной отъ Бога издревле для нашего обитанія. Въ благодарность Богу и въ память нашему потомству мы, бѣлоруссы, желаемъ и должны непремѣнно ознаменовать послѣднія великія и богатыя милости, изліянныя на насъ Богомъ чрезъ Его помазанника, воздвигнувъ сколь возможно великолѣпный храмъ, какъ народный памятникъ, свидѣтельствующій о нашей признательности къ Царямъ небесному и земному, о нашемъ возрожденіи къ новой жизни. Постройка сказаннаго маріинъ-горскаго храма откроетъ предъ всѣми любящими и ненавидящими насъ ту истину, что съ настоящаго времени бѣлорусскій народъ сталъ на пути къ сознательной жизни и никогда не измѣнитъ своему историческому назначенію—жить нераздѣльно и пользоваться одними гражданскими правами съ своими великорусскими братьями. Храмъ этотъ будетъ ясно и вѣчно напоминать съ одной стороны бѣлорусскому народу, что сила, посредствомъ которой бѣлоруссы успѣли завладѣть своей обѣтованной землей и очистить ее отъ враговъ вѣры и правды, была не иная, какъ только православная вѣра, подвигшая на защиту здѣшняго края всю православную Русь и спасшая отъ той гибели, которую съ такимъ напряженнымъ усиліемъ, такъ долго приготовляли зломыслящіе намъ ксендзы и шляхта,—съ другой стороны будетъ громко говорить враждебному намъ западу Европы, еще такъ недавно умышлявшему нанести Россіи политическую смерть, о томъ, что бѣлоруссы прямо и открыто отвращаютъ свою мысль и чувство отъ всего польскаго и латинскаго—и обнаруживать тотъ ловкій, дерзкій и настойчивый обманъ поляковъ, въ которомъ до сихъ поръ и такъ успѣшно держали они всю Европу, утверждая, что Бѣлоруссія-Польша, и что мы ищемъ единенія съ римскою

церковію (*). Послѣ желаемаго осуществленія сказаннаго народнаго дѣла, я вполнѣ убѣжденъ, что здѣшніе псевдо-поляки не дерзнутъ болѣе злоупотреблять нашимъ чисто-русскимъ именемъ и клеветать на православныя наши чувства и мысли, какъ это они дѣлали до настоящаго времени, считая наше молчаніе знакомъ согласія съ ними и обманываясь случайною неподвижностію нашей.

Таковы мысли и побужденія къ постройкѣ маріинъ—горскаго храма какъ мои, такъ и 42-хъ волостей православныхъ крестьянъ игуменскаго и бобруйскаго уѣздовъ, просившихъ меня быть представителемъ и исполнителемъ ихъ искренняго желанія, таковы, смѣю думать, мысли и желанія и всякаго истинно русскаго, истинно православнаго человѣка. Повергая ихъ на усмотрѣніе всего русскаго люда, я смѣю надѣяться, что онъ не откажетъ въ своемъ содѣйствіи столь монументальному народному дѣлу и найдетъ возможность поспѣшить съ своимъ привычнымъ братскимъ сочувствіемъ къ бѣлорусскому великому предпріятію-создать храмъ Богу Спасителю нашему, удивившему на насъ милость свою, и дружнымъ усиліемъ-восполнитъ нашу скудость.

Пресвятая Богородице, усердная заступнице нашего края и вы святые перво—мученики бѣлорусской страны Антоніе, Іоанне и Евстафіе, окрылите и усугубите мольбы наши Вашими святыми молитвами предъ престоломъ Божіимъ—да благословитъ Господь сіе начинаніе возрождающагося народа бѣлорусскаго во славу и утвержденіе церкви православной и отечества русскаго!

Села Новоселокъ, Минской губерніи, Игуменскаго уѣзда приходскій священникъ *Ѳома Русецкій.*

(*) Извѣстно, что здѣшніе поляки, въ началѣ послѣдняго польскаго мятежа, унизились до народнаго подлога, именно: составили отъ имени нашего къ папѣ римскому *адрессъ* и подписали 25,000 православныхъ бѣлоруссовъ, будто бы желающихъ сдѣлаться опять *уніятами.*

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ „ГОЛОСУ"

Ѳ. Ѳомы Русецкаго.

Его высокопреосвященству, высокопреосвященнѣйшему Михаилу, архіепископу минскому и бобруйскому и разныхъ орденовъ кавалеру,

Минской губерніи, Игуменскаго уѣзда, новоселковской Покровской церкви прихожанъ, временно-обязанныхъ крестьянъ, принадлежащихъ къ волостямъ новоселковскому борово-слободскому, блонскому и смельнянскому,

ПРОШЕНІЕ.

Вотъ уже прошелъ годъ отъ дня уничтоженія въ Россіи крѣпостнаго права и дарованія намъ правъ гражданства. День 19-го февраля 1861 года будетъ вѣчно незабвенный для насъ и нашего потомства. Въ этотъ день нашъ Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, движимый истинно-царскою любовію видѣть всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ безъ различія званія и состоянія въ счастіи и любовной связи, мощнымъ своимъ царственнымъ словомъ огласилъ всю Имперію Русскую слѣдующими словами, навсегда запечатлѣнными въ сердцахъ народа русскаго: „призвавъ Бога въ помощь, Мы рѣшились дать сему дѣлу (уничтоженію крѣпостнаго права) исполнительное движеніе. Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго." О, ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ, родной Отецъ нашъ! у подножія Твоего трона, колѣнопреклоненные и со слезами, благодаримъ Тебя отъ всей души и отъ искренняго сердца за твое попеченіе объ насъ! Благодаримъ, сердобольный МОНАРХЪ нашъ, за Твое благодѣяніе, которымъ Ты осчастливилъ насъ и наше потомство! Въ лицѣ и имени Твоемъ мы видимъ Ангела нашего счастія и блаженства. Слово Царево изречено и благородное дворянство русское спѣшитъ исполнить волю Царя своего. Изъ уваженія къ достоинству человѣка и христіанской любви къ ближнимъ, оно добровольно отказывается отъ права на личность крѣпостныхъ людей и полагаетъ основаніе новой хозяйственной будущности нашей. Благодаримъ же и тебя, благородное дворянство русское, за такой великій подвигъ, которымъ ты ознаменовало свои историческія доблести. Правосудный Богъ да воздастъ тебѣ по заслугамъ Твоимъ! Но сердце наше говоритъ намъ, что такое великое дѣло улучшенія нашего быта совершено не безъ особенной воли Промысла Божія. Въ благодарность Богу и въ память нашему потомству, мы дали обѣтъ своимъ стараніемъ, пригласивъ и другихъ освобожденныхъ крестьянъ, построить на св. Маріинной-горкѣ, принадлежащей къ ново-

селковской Покровской церкви, новый каменный храмъ, вмѣсто настоящаго деревяннаго, во имя св. Благовѣрнаго В. Князя Александра Невскаго, Тезоименинника возлюбленнѣйшаго МОНАРХА нашего АЛЕКСАНДРА II-го и въ честь чудотворной иконы маріино-горской Божіей Матери. А тебя, нашъ милостивѣйшій архипастырь и отецъ, въ чувствѣ нашей благодарности, умоляемъ не отвергнуть всепокорнѣйшей просьбы нашей: 1) благословить наше постановленіе и разрѣшить постройку сказаннаго Храма, 2) позволить пригласить крестьянъ всѣхъ другихъ волостей Минской губерніи къ сей постройкѣ, 3) выдать изъ консисторіи книгу для записи доброхотныхъ подаяній, и 4) для большаго успѣха выдать книгу эту на имя нашего приходскаго священника Ѳомы Русецкаго и временно-обязаннаго крестьянина, церковнаго братчика Антона Ермолаева Дубицкаго (*), изъявившихъ полную готовность подъять труды собиранія пожертвованій.

Сіе прошеніе, по общему согласію и просьбѣ, довѣрили за себя подписать членамъ выше сказанныхъ волостныхъ Управленій.............

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

господину военному губернатору минской губерніи г. генералъ-лейтенанту и кавалеру Заболоцкому.

Въ исполненіе объявленнаго мнѣ вашимъ превосходительствомъ требованія господина начальника здѣшняго края, честь имѣю всепокорнѣйше донести, что состояніе постройки каменнаго храма во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, игуменскаго уѣзда на св. Маріиной-горкѣ до настоящаго времени находится въ слѣдующемъ положеніи: по сдѣланному мною приглашенію, съ разрѣшенія нашего архипастыря и по книгѣ, выданной срокомъ на одинъ годъ изъ минской дух. консисторіи 1862 года, марта, 30-го дня, за № 2349, на имя мое и имя избраннаго отъ прихожанъ братчика, тридцать двѣ волости бывшихъ временно-обязанныхъ крестьянъ, частію игуменскаго, а частію бобруйскаго уѣздовъ, пожертвовали съ полнымъ удовольствіемъ около 3,300 рублей сер., съ обязательствомъ вносить эти деньги впродолженіи одного до пяти лѣтъ, имѣя въ виду, что этотъ храмъ будетъ считаться общенароднымъ Минской губерніи лѣтописнымъ памятникомъ уничтоженія въ Россіи крѣпостнаго права и вѣчно потомственной благодарности Промыслителю Богу и Царю-освободителю. Принимая въ основаніе надежду, что и прочіе сельскіе обыватели Минской губерніи послѣдуютъ примѣру 32 волостей и примутъ живѣйшее участіе въ постройкѣ сказаннаго храма, прихожане новоселковской Покровской церкви,

---

(*) По болѣзни Дубицкаго, теперь заступилъ его мѣсто освобожденный крестьянинъ Ѳедоръ Герасимовъ *Мотузъ*.

въ февралѣ мѣсяцѣ 1863 года, особымъ письмомъ имѣли счастіе просить г. начальника губерніи повергнуть къ стопамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА глубочайшія, вѣрноподданническія чувства, съ изъявленіемъ желанія воздвигнуть на добровольныя пожертвованія всѣхъ волостей губерніи на Маріиной—горѣ храмъ, съ тѣмъ, чтобы въ немъ не только они, но и потомки ихъ въ роды родовъ возсылали теплыя молитвы къ Господу Богу за незабвеннаго Монарха Александра II и имѣли бы осязательное свидѣтельство ихъ вѣрноподданства Всероссійскому Августѣйшему Дому". За таковое вѣрноподданническое заявленіе прихожанамъ новоселковской церкви, чрезъ господина министра внутреннихъ дѣлъ объявлено въ мартѣ мѣсяцѣ того же года Высочайшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА благоволеніе. (О чемъ напечатано во многихъ газетахъ). По случаю польскаго мятежа и формально сдѣланнаго мнѣ препятствія со стороны поляковъ мировыхъ посредниковъ въ приглашеніи, сборъ денегъ пріостановленъ. Только прихожане новоселковской и другихъ ближайшихъ церквей успѣли безвозмездно доставить на мѣсто постройки около 15-ти саженей булыжнаго камня, нужнаго на фундаментъ. и кромѣ того обязались безвозмездно доставлять готовый матеріалъ на мѣсто сооруженія храма. Въ настоящее время можно и необходимо приступить къ продолженію сбора пожертвованій, для большаго успѣха чего, со стороны правительства необходимо: 1) выдать изъ консисторіи книгу на имя мое и имя церковнаго братчика, сельскаго обывателя, Ѳедора Гарасимова Мотузова; 2) для безпрепятственнаго моего слѣдованія по губерніи и волостямъ, дать мнѣ открытый листъ отъ губернской военной и гражданской властей; 3) позволить пригласить къ постройкѣ сего храма и крестьянъ государственныхъ имуществъ, имѣющихъ, въ слѣдствіе приготовляемаго правительствомъ уложенія, слиться въ одну обширную семью сельскихъ обывателей; 4) о пожертвованіяхъ подробно, для всеобщаго свѣденія и недопущенія малѣйшаго сомнѣнія со стороны жертвователей касательно употребленія по назначенію пожертвованныхъ суммъ, печатать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ; 5) предписать всѣмъ мировымъ посредникамъ, равно же и палатѣ государственныхъ имуществъ разрѣшать сельскимъ обывателямъ и казеннымъ крестьянамъ волостные сходы для выслушанія моего предложенія и ихъ волостнаго журнальнаго постановленія, и 6) сообщить духовенству минской губерніи, чтобы оно обратило серіозное вниманіе на предполагаемый храмъ, цѣль построенія котораго весьма важна во многихъ отношеніяхъ въ нашемъ бѣлорусскомъ краѣ. Къ скорѣйшему же окончанію сказанной постройки, очень важна была бы и необходима помощь со стороны правительства ссудою денегъ, въ видѣ жертвы и взаимообразно, которыя деньги, соотвѣтственно общему пожертвованію, разложенному вносить въ общую кассу чрезъ пять лѣтъ и приведенному въ извѣстность послѣ

моего объѣзда волостей, жертвователи, получивъ изъ запасныхъ государственныхъ суммъ, могли бы весьма легко и вѣрно возвратить въ продолженіи пяти лѣтъ, отдавая по частямъ каждаго года.

Копія съ рапорта временнаго военнаго губернатора минской губерніи, къ виленскому генералъ-губернатору, отъ 18 Апрѣля 1864 года, за № 2785.

По дѣлу о возведеніи храма во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, въ 2-хъ верстахъ отъ Новоселокъ на Маріиной-горкѣ, я пригласилъ къ себѣ священника того села Ѳому Русецкаго.

Представляю вашему высокопревосходительству поданную священникомъ записку, съ изложеніемъ дѣла. Изъ нея видно:

1) Въ 1862 году, 32 волости подписались внести 3300 руб. на постройку храма въ теченіи пяти лѣтъ. Это выражено крестьянами новоселковской волости и въ письмѣ на имя начальника губерніи, представленномъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ на усмотрѣніе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Оно напечатано въ минскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 22 марта 1863 г. N 12, котораго экземпляръ прилагается.

2) Сборъ денегъ еще не начатъ, такъ какъ мятежъ тому воспрепятствовалъ, но подвезено 15 саженъ булыжнаго камня для положенія въ фундаментъ.

3) Священникъ и крестьяне имѣли въ виду сдѣлать храмъ этотъ общимъ для губерніи, такъ какъ чудотворный образъ въ ветхой церкви, теперь стоящей на св. Маріиной горкѣ, чтится и нынѣ въ окрестности.

4) Для собранія достаточной суммы, священникъ предполагалъ обратиться къ сбору пожертвованій, на что онъ и проситъ разрѣшенія и нравственнаго содѣйствія властей и духовенства.

5) Какъ сборъ денегъ можетъ продолжаться долго, и до окончанія подписки нельзя еще опредѣлить ни обширности, ни вида храма, ни стоимости онаго: то священникъ Русецкій проситъ пособія отъ правительства, безъ котораго и къ началу постройки еще приступить нельзя.

Въ особой запискѣ за N 30, также при семъ прилагаемой, священникъ Русецкій излагаетъ свои воззрѣнія, на основаніи которыхъ онъ полагалъ бы храмъ этотъ воздвигнуть приличный и общій для губерніи. Изъ нея нельзя не убѣдиться въ пользѣ и значеніи храма сего для возсоединенныхъ, и для противудѣйствія католицизму. Свящ. Русецкій обладаетъ достоинствами, нужными для христіанскаго миссіонера: онъ знаетъ народъ, родился между нимъ, обладаетъ пріятною, спокойною наружностію, простотою, ясностію и убѣдительностью

слова, и возвышенною любовію къ Россіи и православію, безъ фанатизма.

По совѣщанію съ минскимъ архіепископомъ Михаиломъ, я полагалъ бы полезнымъ удовлетворить всѣ его представленія, и о томъ доношу вашему высокопревосходительству. Не могу не заявить здѣсь, что нѣкоторые изъ посредниковъ, *боясь вліянія духовенства на народъ*, стараются устранить крестьянъ отъ совѣтовъ съ нимъ *). Мнѣ кажется это ошибка. Не допуская духовенство до вмѣшательства вообще въ дѣла, не должно бы лишать его необходимаго вліянія на паствы и ставить въ непріязненное, или ложное положеніе къ прихожанамъ. Благоуваженію вашего высокопревосходительства представляю это обстоятельство, требующее положительно разъясненія. (Подлинный подписалъ Генералъ-Лейтенантъ *Заболоцкій*).

Копія съ предписанія виленскаго генералъ-губернатора къ временному военному губернатору минской губерніи, отъ 28-го Апрѣля 1864 года за № 5814.

Изъ рапорта вашего превосходительства отъ 13 апрѣля за № 2785 я усматриваю:

1) Что для постройки каменнаго храма во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, вмѣсто обветшавшей деревянной церкви въ Маріиной—горкѣ Игуменскаго уѣзда, еще въ 1862 году 32 волости крестьянъ положили внести въ продолженіи пяти лѣтъ 3,300 рублей.

2) Что сборъ этихъ денегъ еще не начатъ по случаю происходившихъ въ краѣ политическихъ безпорядковъ.

3) Что какъ крестьяне, такъ и священникъ села Новоселокъ Русецкій, ходатайствуютъ о воздвиженіи на этомъ мѣстѣ храма въ томъ вниманіи, что находящаяся въ старой церкви чудотворная икона Божіей Матери чествуется вообще всѣмъ окрестнымъ населеніемъ.

4) Что для собранія на этотъ предметъ болѣе достаточной суммы священникъ Русецкій предполагалъ бы обратиться къ сбору пожертвованій, на что проситъ разрѣшенія и содѣйствія властей и духовенства, и наконецъ

5) Что такъ какъ сборъ потребной суммы можетъ на долгое время отклонить начало ссоруженія храма, то священникъ Русецкій ходатайствуетъ о пособіи на этотъ предметъ со стороны правительства.

(*) Въ настоящее время, едвали есть въ сѣверо-западной Россіи такіе мировые посредники или кто нибудь другой, которые не понимали бы благотворной пользы вліянія на здѣшній народъ здѣшняго, воспитаннаго въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ религіозно-нравственномъ и *консервативномъ* духѣ духовенства и, слѣдовательно, боялись бы его вліянія. А если и есть такіе гдѣ нибудь, то мы, безъ всякаго колебанія, назовемъ этихъ господъ птенцами герценовскаго гнѣзда. (Ред.)

Раздѣляя вполнѣ представленныя вами соображенія священника Русецкаго и заключеніе вашего превосходительства о необходимости постройки въ Маріиной горкѣ новой каменной православной церкви, равнымъ образомъ принимая участіе въ благомъ намѣреніи прихожанъ села Новоселокъ и другихъ окрестныхъ деревень—воздвигнуть приличный каменный храмъ и помѣстить въономъ чтимую народомъ чудотворную икону, я не встрѣчаю препятствія къ дозволенію священнику Русецкому и упоминаемому братчику, сельскому обывателю Федору Герасимову Мотузову сбора добровольныхъ пожертвованій по Минской губерніи, на постройку означенной церкви, для чего они должны получить разрѣшеніе мѣстнаго епархіальнаго начальства и быть снабжены отъ онаго особою, прошнурованною книгою, а отъ вашего превосходительства открытымъ листомъ на свободное слѣдованіе по Минской губерніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая содѣйствовать къ скорѣйшему осуществленію постройки храма, предлагаю вашему превосходительству, сдѣлавъ распоряженіе объ отчисленіи на сей предметъ 5,000 руб. сер. изъ суммы контрибуціонной по Минской губерніи, передать деньги эти въ распоряженіе временнаго комитета, образованнаго для постройки храма въ г. Минскѣ на Троицкой горѣ и новогрудской приходской церкви, поручивъ этому комитету составить проэктъ храма на Маріиной—горѣ и, по предварительномъ одобреніи онаго высокопреосвященнымъ архіепископомъ Михаиломъ, представить вмѣстѣ съ смѣтою на мое утвержденіе, и за тѣмъ приступить немедленно къ производству работъ по сооруженію сего храма.

О распоряженіяхъ вашихъ по всему изложенному выше прошу ваше превосходительство мнѣ донести (Подлинное подписалъ Генералъ отъ Инфантеріи *Муравьевъ*).

ВОЛОСТНОЙ ПРИГОВОРЪ.

1865 года, октября, 21 дня, мы нижеподписавшіеся минской губерніи, игуменскаго уѣзда, 4-го мироваго участка, холуйской волости должностныя лица, выборные и домохозяева, собравшись на волостной сходъ, разрѣшенный г. мировымъ посредникомъ, отъ 5-го октября, за N 240, на которомъ слушали заявленіе, по желанію и просьбѣ народа, командированнаго начальствомъ священника новоселковской покровской церкви, игуменскаго уѣзда, Ѳомы Русецкаго о томъ, что, съ благословенія милостивѣйшаго нашего архипастыря Михаила и съ разрѣшенія его сіятельства графа Муравьева 2-го на св. Маріинъ-горѣ, извѣстной мѣстно чтимою чудотворною иконою Божіей Матери и могилою четырехъ мучениковъ нашихъ братьевъ—крестьянъ, убитыхъ за вѣру, Царя и отечество мятежными поляками минской губерніи, создать каменный приличный храмъ, съ тою священною мыслію, чтобы онъ служилъ общимъ

народнымъ памятникомъ дарованныхъ намъ гражданскихъ правъ и съ тѣмъ, чтобы не только мы, но и наши потомки въ роды родовъ возсылали теплыя молитвы ко Господу Богу за нашего обожаемаго Монарха АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА и имѣли бы осязательное свидѣтельство нашего вѣрноподданства Всероссійскому Августѣйшему Дому. При это мъ узнали мы, что не только крестьяне и другія сословія жертвуютъ на этотъ храмъ, но и графъ Муравьевъ, будучи главнымъ начальникомъ сѣверо-западнаго края, изволилъ отпустить 5,000 руб. сер., давая тѣмъ ясно познать намъ неграмотнымъ всю важность цѣли и необходимость сооруженія его въ нашемъ краѣ. Отъ души желая присоединиться къ сему общенародному и славному дѣлу, мы единодушно и единогласно 290 домохозяевъ и 35 человѣкъ выборныхъ, на сходѣ бывшихъ, *приговорили:* Со всей нашей Холуйской волости, состоящей изъ *девяти сотъ девяноста* наличныхъ, ревизскихъ душъ, пожертвовать двѣстѣ сорокъ семь рублей и пятьдесять копѣекъ, внося ежегодно чрезъ пять лѣтъ по *сорока девяти* (№ 49) *рублей и пятидесяти* (№ 50) *копѣекъ сер.*, жертвуя по *пяти* копѣекъ съ каждой души. Деньги эти обязуемся высылать въ минскую духовную православную консисторію ежегодно къ Новому году, въ продолженіе 1865—1869 годовъ, включительно, подъ росписку.

Подлинный приговоръ подписали выборные: Емельянъ Пилецкій, Емельянъ Станкѣвичь, Степанъ, Никита Давидовичь, и проч.

При составленіи сего приговора присутствовалъ, и что оной составленъ правильно, въ томъ свидѣтельствую волостной старшина Петръ Михаловскій.

ОТКРЫТЫЙ ЛИСТЪ.

Въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и съ разрѣшенія его высокопревосходительства господина Виленскаго, Ковенскаго, Гродненскаго и Минскаго генералъ-губернатора, въ Игуменскомъ уѣздѣ, въ урочищѣ Маріинъ-горкѣ, у с. Новоселокъ, на мѣстѣ старой, деревянной и обветшалой церкви, предполагается воздвигнуть каменный храмъ во имя Св. Благовѣрнаго, Великаго Князя Александра Невскаго, на счетъ добровольныхъ пожертвованій крестьянъ Минской губерніи. Въ храмъ этотъ, который долженъ служить *общенароднымъ памятникомъ* признательности крестьянъ Минской губерніи обожаемому Монарху,—въ храмъ этотъ будетъ перенесена чудотворная икона Божіей Матери, находящаяся нынѣ въ старой церкви и чествуемая всѣмъ окрестнымъ населеніемъ.

Съ этою цѣлью крестьяне 32-хъ волостей Игуменскаго и Бобруйскаго уѣздовъ, въ доказательство безпредѣльной своей признательности къ Царю—Освободителю, еще въ 1862 году опредѣлили внести 3,300 рублей, въ продолженіе 5-ти лѣтъ, а

главный начальникъ края, генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ 2, желая содѣйствовать къ скорѣйшему осуществленію предполагаемой постройки, изволилъ уже сдѣлать распоряженіе объ отчисленіи на сей предметъ еще 5,000 рублей изъ находящихся въ распоряженіи его высокопревосходительства суммъ.

Для сбора добровольныхъ пожертвованій по всѣмъ уѣздамъ и волостямъ Минской губерніи, и для доставленія, такимъ образомъ, возможности всѣмъ крестьянамъ участвовать въ сооруженіи храма, предъявители сего, священникъ Новоселковской церкви, Игуменскаго уѣзда, Ѳома Русецкій и церковный братчикъ Ѳедоръ Гарасимовъ Мотузовъ, съ благословенія его высокопреосвященства, Архіепископа Минскаго и Бобруйскаго отправляются по Минской губерніи, съ книгою для записки пожертвованій.

Вслѣдствіе сего предлагается всѣмъ воинскимъ и гражданскимъ начальствамъ, полицейскимъ властямъ, мировымъ посредникамъ, духовенству, а также волостнымъ и сельскимъ управленіямъ, какъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, такъ и по Министерству Государственныхъ Имуществъ, оказывать священнику Ѳомѣ Русецкому и церковному братчику Ѳедору Мотузову всякаго рода содѣйствіе къ безпрепятственному ихъ слѣдованію по Минской губерніи и сбору добровольныхъ пожертвованій, дабы тѣмъ споспѣшествовать осуществленію благаго дѣла, предпринятаго крестьянами Игуменскаго уѣзда. Данъ сей листъ за подписомъ моимъ и приложеніемъ казенной печати въ г. Минскѣ мая 7 дня 1864 года.

На подлинномъ подписался: Временный Военный Губернаторъ Минской Губерніи и Командующій войсками въ оной расположенными, Генералъ-Лейтенантъ *Заболоцкій*.

Отвѣтъ одного изъ членовъ совѣта кіевскаго св. владимірскаго братства на передовую статью газеты „Голосъ,“ помѣщенную въ № 282.

Въ протоколѣ совѣта кіевскаго св. владимірскаго братства, отъ 10-го августа, въ видахъ поддержанія русской народности и православія въ юго-западномъ краѣ, заявлена просьба совѣта объ улучшеніи матеріальнаго положенія наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній въ краѣ. Можно было ожидать, что передовые русскіе люди встрѣтятъ это заявленіе съ полнымъ сочувствіемъ: мы имѣемъ основаніе думать, что нищенское, унизительное положеніе духовно-учебныхъ заведеній возбуждаетъ дѣйствительно сострадание у людей истинно добрыхъ и способныхъ сочувствовать воплямъ ближняго, особенно если этотъ ближній честно,

въ потѣ лица исполняетъ свое призваніе въ обществѣ. Къ сожалѣнію, нашлись и такіе, которые на вопль отвѣтили презрительнымъ хохотомъ, на заявленіе о нуждѣ — изображеніемъ недостатковъ, и недостатковъ, замѣтимъ пока мимоходомъ, едва ли дѣйствительныхъ. И гдѣ же сдѣланъ подобный пріемъ? Въ газетѣ, которая, по печатной молвѣ, есть органъ министерства народ. просвѣщенія. Нельзя не призадуматься.

Но почему же такъ неблагосклонно принято заявленіе совѣта братства газетою „Голосъ" объ улучшеніи матеріальнаго положенія наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній? Потому, отвѣчаетъ она во первыхъ, что „не одно матеріальное обезпеченіе учителей духовныхъ училищъ, а весь ихъ бытъ, всѣ части этого быта, какъ воспитательная, такъ и административная и экономическая требуютъ радикальнаго преобразованія." Да развѣ духовное начальство не думало, и не думаетъ о преобразованіи? Но чтожъ оно сдѣлаетъ съ своими преобразованіями, когда для осуществленія ихъ оно не имѣетъ достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, безъ которыхъ не мыслимо никакое серіозное преобразованіе въ училищахъ, чьи бы они ни были, духовныя, или свѣтскія? И развѣ гимназіи и университеты преобразованы, въ послѣднее время, безъ увеличенія, и притомъ значительнаго, матеріальныхъ средствъ?

«Но откуда, продолжаетъ дальше редакція „Голоса,» взять денегъ для увеличенія жалованья учителямъ духовныхъ училищъ«? Оттуда же, откуда увеличено жалованье учителей другихъ училищъ, простой и естественный отвѣтъ. Нѣтъ, «средства государственаго казначейства, при настоящемъ ихъ состояніи, очевидно, не могутъ быть такимъ источникомъ возвышенія окладовъ учительскаго жалованья.» Однакожъ очевидное для газеты «Голосъ» не очевидно для духовно-учебныхъ заведеній, когда для свѣтскихъ училищъ въ томъ же государственномъ казначействѣ находятся даже обильные источники, и нѣтъ ихъ вовсе для духовныхъ. Но »еслибъ государство нашло возможность удовлетворить желаніямъ совѣта кіевскаго св. владимірскаго братства, то оно было бы тогда вправѣ сдѣлать духовныя училища, такъ сказать, *своими* заведеніями, ввести въ нихъ *свои* порядки и *свои* уставы.» А чьи же теперь, можетъ спросить совѣтъ кіевскаго св. владимірскаго братства, духовныя заведенія? Ужели

чужія государству? Но православная церковь наша, на особенное служеніе коей приготовляются воспитанники духовно-учебныхъ заведеній, признается государственными законами господствующею въ государствѣ; слѣд. *своею*, а не чужою. И притомъ же православная церковь наша никогда не признавала себя отдѣльнымъ государствомъ въ государствѣ, какъ, напр., римская церковь; ея дѣятельность, ея заботы, ея скорби и торжества, какъ показываетъ вся русская исторія, неразрывно связаны были съ судьбою государства; скажемъ, не обинуясь, болѣе: въ судьбѣ православной церкви сосредоточивались, во всѣ времена, по преимуществу судьбы Россіи, такъ что не будь въ ней православной церкви, ея историческая судьба, по всей вѣроятности, была бы иная, и едва ли лучшая чѣмъ какою она была и есть.

Все это такъ: но духовныя училища — не въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, училища котораго однѣ, по смыслу передовой статьи газеты »Голосъ,« могутъ быть названы государственными. »Уставы для духовно-учебныхъ заведеній, въ интересѣ единства казеннаго образованія, не могутъ быть иные, кромѣ новыхъ — гимназическаго и университетскаго, какъ признанныхъ правительствомъ наиболѣе раціональными въ дѣлѣ общечеловѣческаго образованія.« Мысль эта, какъ нетрудно догадаться, составляетъ сущность всей передовой статьи газеты. А потому и мы на ней остановимся съ особеннымъ вниманіемъ. Изъ этого заявленія мы узнаемъ, что редакціи газеты желательно, чтобы казенное образованіе было объединено уставами гимназическими и университетскими, какъ признанными со стороны правительства наиболѣе раціональными въ дѣлѣ общечеловѣческаго образованія; короче: чтобы всѣ учебныя заведенія перешли въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія. Но 1) гимназическіе и университетскіе уставы введены только въ видѣ опыта въ самыхъ заведеніяхъ министерства. Окажутся ли эти уставы болѣе состоятельными, чѣмъ тѣ, какими руководились учебныя заведенія министерства въ недавнее время, — еще неизвѣстно: покажетъ время. А что и теперь отъ этихъ уставовъ не ожидается иными вполнѣ благотворныхъ результатовъ, показываетъ недавнее рѣшеніе московскаго земскаго собранія, предполагающаго открыть въ Москвѣ гимназію на

началахъ, не вполнѣ согласныхъ съ видами министерства народ. просвѣщенія. 2) Какъ ни усиливается газета »Голосъ« опозорить образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, ссылаясь на сочиненія Помяловскаго (важный авторитетъ!), описавшаго, впрочемъ, состояніе духовныхъ училищъ въ ихъ давнопрошедшее время,— дѣйствительность, наперекоръ намѣреніямъ газеты, говоритъ иное. Чѣмъ, наприм., объяснитъ редакція газеты слѣдующіе выпуклые факты: всѣ почти университеты въ Россіи имѣли и имѣютъ въ числѣ лучшихъ представителей науки лицъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ училищахъ; лучшими студентами въ университетахъ оказываются воспитанники семинарій, по большей части даже изъ неокончившихъ курсъ въ нихъ? Почему новороссійскій университетъ, въ недавнее время, нашелъ нужнымъ призвать, съ особенными правами, для наполненія филологическаго факультета, семинаристовъ? Какими другими соображеніями, какъ не сознаніемъ серіозныхъ достоинствъ духовнаго образованія, руководствовалось, и начальство царства польскаго, вызвавши, въ послѣднее время болѣе 20 человѣкъ изъ одного кіевскаго духоно-учебнаго округа, для замѣщенія въ новооткрываемыхъ гимназіяхъ административныхъ и наставническихъ должностей? Но не напрасно ли мы выставляемъ на видъ эти факты газетѣ, »Голосъ,« когда отъ нихъ намѣренно закрываетъ глаза даже такая газета, какъ »Московскія Вѣдомости,« редакція которыхъ, во многихъ передовыхъ статьяхъ, усиливаясь доказать существенную необходимость введенія классическаго образованія въ гимназіяхъ Россіи, по примѣру лучшихъ европейскихъ учебныхъ заведеній, ни разу не упомянула ос духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ издавна греческой и латинскій языки считались въ числѣ важнѣйшихъ предіметовъ образованія? Видно, такова ужъ судьба всего духовнаго въ Россіи: все въ немъ нехорошо, вопіютъ литературные дѣятели, конечно потому, что они знаютъ больше Европу, чѣмъ учрежденія своей православной церкви. А въ католической и протестантской Европѣ, извѣстное дѣло, православная церковь не пользуется благосклонностію. 3) Предположимъ, что духовно-учебныя заведенія, въ интересѣ, какъ выражается газета „Голосъ,“ единства казеннаго образованія, соединятся съ министерскими. Ручается ли газета, что изъ-подъ руководства гимназическихъ и универ-

ситетскихъ уставовъ выйдетъ достаточное количество священно-служителей, которые будутъ готовы обречь себя самоотверженно на скорбное положеніе, въ какомъ находятся наши пастыри, особенно сельскихъ приходовъ? Газетѣ „Голосъ," очевидно, предносится въ мысляхъ порядокъ европейскій, или, правильнѣе, протестантскій, гдѣ пасторы выходятъ изъ общихъ учебныхъ заведеній. Но она упустила изъ виду, что матеріальное положеніе пасторовъ слишкомъ иное, чѣмъ положеніе священниковъ въ православной Россіи. А что въ виду слишкомъ мрачной перспективы немного найдется охотниковъ изъ воспитанниковъ гимназій и университетовъ поступать во священники въ православной нашей церкви, доказательствомъ служитъ опытъ: многіе ли даже изъ дѣтей нашихъ священно-служителей, по окончаніи курса въ гимназіяхъ, или университетахъ, поступили во священники, не смотря на то, что распоряженіями нашего духовнаго начальства не воспрещалось и не воспрещается воспитанникамъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній принимать санъ священника, разумѣется, съ нѣкоторою особенною, спеціальною подготовкою, существенно необходимою для пастыря православной церкви? Притомъ же не нужно упускать изъ виду, что православная наша церковь требуетъ отъ священно-служителей болѣе серіозныхъ нравственныхъ качествъ, чѣмъ какія сообщали своимъ воспитанникамъ, по крайней мѣрѣ досолѣ, учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, воспитанники коихъ, какъ, напр., студенты университета, отданы, наконецъ, самимъ министерствомъ подъ надзоръ полиціи. 4) Новыми уставами гимназіи и университетовъ предположено давать воспитанникамъ сихъ заведеній общечеловѣческое образованіе. Сколько мы понимаемъ, подъ словомъ: „общечеловѣческое" разумѣется такое образованіе, которое устраняетъ всѣ религіозныя разности, имѣя въ виду одно естественное развитіе человѣка. Если такъ, то новые гимназическіе и университетскіе уставы имѣютъ въ виду ни болѣе, ни менѣе, какъ образованіе чисто языческое. Ужели же и будущіе священно-служители православной церкви, въ интересѣ единства казеннаго образованія, должны подчиниться подобнымъ уставамъ? Что же будетъ тогда съ православною церковію? Замѣнитъ ли ея благодѣтельное вліяніе на общество, условливаемое ея особеннымъ, божественнымъ характеромъ,—

вліяніе, засвидѣтельствованное опытами вѣковъ, министерство народнаго просвѣщенія съ своимъ общечеловѣческимъ образованіемъ? Создастъ ли полиція, коей порученъ новымъ университетскимъ уставомъ надзоръ за студентами, лица, способныя замѣнить воспитанниковъ церкви, изъ коихъ выходили великіе угодники Божіи, благоговѣйно чтимые христіанами, великіе государственные мужи, истинно честные и самоотверженные слуги общества?!!!

„Нужно ли еще говорить,“ продолжаетъ передовая статья газеты „Голосъ,“ „о томъ, что наши духовныя училища, при нынѣшней своей доктринѣ, не могутъ служить развитію русскаго народнаго духа, гдѣ бы то ни было, а потому и съ этой стороны не имѣютъ пока правъ на финансовое вспоможеніе отъ государства?“ Сужденіе это, произнесенное такъ рѣшительно, по важности своей, требовало бы болѣе документальныхъ основаній, или, по крайней мѣрѣ, болѣе опредѣленнаго и яснаго раскрытія, чтобы служить подтвержденіемъ проводимой — составителемъ статьи — мысли. Духовныя училища, при нынѣшней своей доктринѣ, не могутъ служить развитію русскаго народнаго духа. Какого же духа? Если того, какой хотятъ развить нигилисты, то это совершенно вѣрно: духовныя училища, при нынѣшней своей доктринѣ, не только не будутъ развивать подобнаго нечестиваго духа, но и всѣми мѣрами будутъ противудѣйствовать ему. Если же разумѣется историческій, русскій, народный духъ, который, кажется, такъ не любъ нѣкоторымъ современнымъ литературнымъ дѣятелямъ, какъ образовавшійся подъ вліяніемъ византизма (выраженіе упомянутыхъ литерапурныхъ дѣятелей), то въ этомъ отношеніи духовныя училища поспорятъ съ министерскими. По общему понятію, отличительныя историческія черты русскаго народнаго духа слѣдующія: благоговѣйная благопокорливая преданность св. православной церкви и Богомъ поставленной предержащей власти, любовь къ тихому и безмятежному житію, по заповѣди апостола, и отвращеніе отъ всякихъ нововведеній, противныхъ вышеизложеннымъ, кореннымъ началамъ его характера. Болѣе ли развивается этотъ народный духъ въ училищахъ министерскихъ, чѣмъ духовныхъ,— предоставляемъ судить людямъ благомыслящимъ, которые не могли не знать о духѣ и направленіи, господствовавшихъ, въ послѣдніе годы, въ учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Мы, съ своей сто-

рены, душевно пожалѣли бы если бы не только духовныя училища, но и министерскія служили развитію такого народнаго духа, какой, не безъ основанія думаемъ, разумѣетъ разбираемая нами передовая статья газеты „Голосъ," и какой силится создать въ Россіи извѣстный кружокъ литературныхъ дѣятелей. И если бы усилія этого кружка пріобрѣли такой успѣхъ въ государствѣ, что по ихъ идеямъ составились бы уставы для учебныхъ заведеній, то не удивительно, что предположеніе редакціи газеты „Голосъ" оправдается, т. е. что духовенство „прибѣгнетъ къ своимъ монастырскимъ имуществамъ (хотя онѣ и не такъ велики, какъ полагаетъ газета; о чемъ скажемъ сейчасъ же) хоть для того, чтобъ удержать въ своихъ рукахъ образованіе духовнаго юношества." А это, прибавимъ мы, необходимо будетъ не только для спасенія духовнаго юношества, но и всей Россіи *).

Переходимъ, наконецъ, къ разбору мнѣнія газеты «Голосъ» о монастырскихъ имуществахъ, какъ источникѣ, къ которому, по мнѣнію газеты, естественнѣе всего обратиться духовнымъ училищамъ. Что монастыри наши могутъ помочь нашимъ духовнымъ училищамъ,—это безспорно; что они и помогаютъ,—это фактъ, который не можетъ быть не извѣстенъ редакціи газеты, по крайней мѣрѣ, странно было бы не знать ей того, что, въ послѣднее время, неоднократно публикуемо было въ разныхъ газетахъ, по сообщеніямъ изъ разныхъ мѣстностей. Но что монастыри наши владѣютъ такими громадными имуществами, что одни могли бы содержать наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній, даже 5%-ми съ своихъ имуществъ, въ этомъ да позволено будетъ усомниться. Матеріальныхъ средствъ, какими владѣютъ вообще наши монастыри, пишущій эти строки положительно не знаетъ. Но можетъ съ основаніемъ думать, что показанія газеты, особен-

---

*) Примѣчаніе. Въ какой мѣрѣ справедливо показаніе газеты „Голосъ" будто бы „сами духовные журналы сознаются, что ученики духовныхъ училищъ вообще (!) не отличаются любовію къ народу, и слѣдовательно, не въ состояніи и поддержать гдѣ бы то ни было и самой русской народности," мы не беремся рѣшить: подобнаго, скажемъ не обинуясь, нелѣпаго мнѣнія мы не читали ни въ одномъ духовномъ журналѣ.

не цифры капитала, получаемаго настоятелями монастырей, крайне преувеличены, и едва ли не взяты съ римско-католическихъ монастырей. Вотъ эти цифры, по показанію газеты «Голосъ»: «настоятели лавръ, съ прочими статьями ихъ доходовъ, получаютъ въ годъ приблизительно отъ 40 до 60 т. руб. сер., настоятели первоклассныхъ монастырей—отъ 10 до 30 тысячъ рублей, второклассныхъ—отъ 5 до 10 т. руб., третьеклассныхъ—отъ 1 до 5 т. р. сер. Даже вторые чины монастырской іерархіи, продолжаетъ газета, какъ-то: казначеи, ризничіе, экономы и другіе живутъ, напримѣръ въ лаврахъ, такимъ образомъ, какъ прежде живали у насъ зажиточные помѣщики». Что настоятели лавръ получаютъ очень достаточные доходы, хотя далеко не такіе, какими выставляетъ ихъ газета,—это вѣрно. Но много ли этихъ лавръ? Четыре. Кто ихъ настоятели? Трехъ лавръ—митрополиты, и одной—архіепископъ, т. е. высшіе духовные сановники, каждый день аттакуемые толпою нищихъ, между коими нерѣдко бываютъ такіе, которые, какъ намъ положительно извѣстно, съ негодованіемъ отворотятся отъ 1 р. сер. Но лучше же, можно сказать на это, какъ и говорятъ, пособить своимъ бѣднымъ наставникамъ, чѣмъ лицамъ стороннимъ, можетъ быть, тунеядцамъ. Замѣчаніе отчасти справедливое. Но кто же вправѣ распоряжаться чужимъ достояніемъ, по своимъ взглядамъ? И почему именно газета «Голосъ» обращаетъ духовныхъ наставниковъ за пособіемъ къ настоятелямъ монастырей, не сдѣлавши того же, когда дѣло шло объ увеличеніи жалованья наставникамъ министерскихъ училищъ, въ отношеніи свѣтскихъ сановниковъ, которые, по всей вѣроятности, богаче настоятелей монастырей, или въ отношеніи помѣщиковъ, хоть, напр. такихъ, которые строятъ въ Парижѣ домы въ 2 милліона франковъ? Настоятели лавръ доходами своими никогда не питали заграничныхъ тунеядцевъ, и если не пособляли наставникамъ духовно-учебныхъ заведеній, то не оставляли безъ пособія этихъ заведеній въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, покойный митрополитъ кіевскій Филаретъ (*), кромѣ другихъ благодѣяній, содержалъ, на свои средства, въ одномъ кіево-софійскомъ уѣздномъ училищѣ 40 бѣдныхъ сиротъ духовнаго

(*) Не говоримъ о давнихъ митрополитахъ, напр. Петрѣ Могилѣ и Рафаилѣ, внесшихъ значительныя суммы для кіевской академіи, хотя они и не были настоятелями лавръ.

званія. Такъ, покойный же митрополитъ кіевскій Евгеній положилъ, на вѣчное время, въ кредитныя учрежденія, значительную сумму, процентами съ коей воспитываются также нѣсколько бѣдныхъ дѣтей духовнаго званія. Не говоримъ о значительныхъ жертвахъ живыхъ митрополитовъ, изъ опасенія оскорбить ихъ нравственное чувство. Впрочемъ, редакціи газеты «Голосъ» не безъизвѣстны нѣкоторыя изъ этихъ жертвъ по печатнымъ заявленіямъ. Что касается до настоятелей другихъ монастырей, то, сколько намъ извѣстно положеніе ихъ въ Кіевѣ, они получаютъ, исключая настоятеля михайловскаго монастыря, не тысячи, а едва нѣсколько сотень. И опять, кто же эти настоятели? Одного, первоклассного монастыря, ректоръ академіи, другаго, второклассного—ректоръ семинаріи, получающіе, по ректорскимъ должностямъ, жалованье, равное бѣдному жалованью наставниковъ. Не лишнимъ находимъ упомянуть, что архіереи наши во всѣхъ почти великорусскихъ губерніяхъ получаютъ жалованья по 1,000 р. ассигнаціями. Удивительно ли, что, при всемъ ихъ добромъ желаніи, даже при нѣкоторыхъ доходахъ (разумѣется, не измышленныхъ газетою «Голосъ») съ монастырей, ими управляемыхъ, они не могутъ улучшить, своими средствами, матеріальнаго положенія наставниковъ духовныхъ училищъ.

По всему, впрочемъ, видно, что самъ составитель разбираемой статьи не вѣрилъ въ возможность обезпеченія духовныхъ училищъ средствами нашихъ монастырей. Ему извѣстно же, что у монастырей нашихъ еще Императрицею Екатериною II-ю отобраны почти всѣ имущества, которыхъ, дѣйствительно, достало бы не только для содержанія духовныхъ училищъ, но и министерскихъ, если бы тогдашнему правительству угодно было указать подобное назначеніе. Къ чему же пущены въ ходъ монастыри? Причины, кажется, далеко не нужно искать: въ католическихъ европейскихъ государствахъ, въ послѣднее время, вопросъ о монастырскихъ имуществахъ въ ходу. Какъ же намъ, передовымъ, русскимъ, отставать отъ Европы? Какъ намъ смѣть свое самостоятельное сужденіе имѣть?... Клерикальныя учрежденія въ Европѣ признаются не современными. Зачѣмъ же имъ существовать въ Россіи? Жаль только, что литературные наши дѣятели не хотятъ принять въ соображеніе одного немаловажнаго обстоятельства, а именно: то, что въ Европѣ нужно принижать, какъ горделивое и не въ мѣру высящееся, въ Россіи нужно возвышать, какъ слишкомъ уже при-

униженное, въ порывѣ и излишней ревности о смиреніи. Самыя слова: клерикалъ и клерикальныя учрежденія, въ Европѣ возбуждающія справедливое негодованіе, у насъ не имѣютъ смысла. Не наши ли литературные дѣятели кричали и кричатъ, что духовенство наше не имѣетъ должнаго вліянія на общество? А кто же парализировалъ его вліяніе? Не излишняя ли ревность, повторимъ опять, о смиреніи его? Духовныя училища наши заброшены, предоставленныя самимъ скуднымъ, въ буквальномъ смыслѣ, нищенскимъ средствамъ. Въ виду увеличенія матеріальныхъ средствъ во всѣхъ учрежденіяхъ государства, естественно было лицамъ, вблизи видящимъ нищенское положеніе ихъ, возвысить голосъ въ пользу ихъ. И что же? На этотъ голосъ отвѣчаютъ такъ, какъ могъ бы отвѣтить жестокосердый вотчимъ пасынку. Вѣдь вы чужіе; — сдѣлайтесь нашими, такъ и будете получать то, что мы получаемъ. А если нельзя сдѣлаться вашими, не рискуя потерять то, что, и среди нищенскаго положенія, успѣли сберечь духовныя училища для блага отечества, и чѣмъ, дѣйствительно, не разъ пользовалось отечество въ критическихъ обстоятельствахъ? Ну, такъ обращайтесь за пособіемъ къ монастырямъ, у которыхъ, впрочемъ, мы давно взяли все, что можно было взять. Вотъ логика разбираемой нами статьи,—и едва ли ее только....

Что же сказать въ заключеніе? Отче! отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что говорятъ и творятъ.

15 ноября 1865 года.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

По поводу реформы землевладѣнія въ западно-русскомъ краѣ.

Нашимъ читателямъ уже извѣстно (*), что въ настоящее время, для водворенія и усиленія русскаго землевладѣльческаго класса въ сѣверо-западномъ краѣ, приняты слѣдующія мѣры:

(*) №№ „Вилен. Вѣсти.“ 1 и 2. О способахъ приведенія въ исполненіе этихъ мѣръ циркуляры главнаго начальника края напечатаны въ №№ 8, 16, 19, „Вилен. Вѣстника.

1) воспрещено лицамъ польскаго происхожденія (*) пріобрѣтать вновь имѣнія въ западномъ краѣ;

2) имѣнія секвестрованныя должны быть проданы русскимъ въ двухгодичный срокъ;

3) имѣнія несеквестрованныя, но принадлежащія лицамъ, высланнымъ изъ края административнымъ порядкомъ, за участіе въ бывшемъ мятежѣ, также должны быть проданы въ двухгодичный срокъ русскимъ;

4) имѣнія, на владѣльцахъ которыхъ числятся казенные или частные долги, немедленно должны быть назначены, на точномъ основаніи существующихъ узаконеній, въ продажу съ публичнаго торга, и, очевидно, должны перейти также въ русскія руки.

Во всѣхъ мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ для западнаго края съ 1863 года, главнымъ стремленіемъ было: возможно скорое и полное возстановленіе подавленнаго здѣсь русскаго начала. Это было и есть необходимо для прочнаго закрѣпленія цѣлаго западнаго края за Россіей. Въ девяти западныхъ губерніяхъ числится около 10 милл. жителей, преимущественно единоплеменныхъ намъ малороссовъ, бѣлоруссовъ и отчасти литовцевъ и жмудиновъ.

Въ этой массѣ издавна гнѣздится значительное, по численности, населеніе польскаго происхожденія, состоящее преимущественно изъ помѣщиковъ. Населеніе это, не смотря на всѣ принимаемыя правительствомъ въ продолженіе 70 лѣтъ мѣры, даетъ сѣверо-западному краю характеръ польскій и мѣшаетъ всему остальному (нисколько не польскому) населенію правильно развиваться и спокойно пользоваться, наравнѣ съ прочими подданными, многими, въ послѣднее время предпринятыми правительствомъ, реформами. Всякому понятно, что мятежному здѣшнему дворянству нельзя дозволить, напр., охранять интерессы земства, или блюсти судъ и правду во вновь устроиваемыхъ учрежденіяхъ. Мы уже научены слишкомъ горькимъ опытомъ, къ чему можетъ привести служебное вліяніе чиновниковъ польскаго происхожденія на дѣла цѣлаго края. Здѣшняя, такъ называемая польская, интеллигенція, ничтожная въ сравненіи съ остальнымъ населеніемъ, представляетъ собой силу, парализующую всѣ мѣропріятія правительства, имѣющія цѣлью возстановленіе здѣсь русскихъ началъ. Сила этой интеллигенціи заключается въ матеріальныхъ средствахъ и въ корпоративной замкнутости владѣнія недвижимою собственностью, недопускающею къ себѣ проникать никакой другой національности и особенно русской. На землевладѣніи и замкнутости землевладѣльческаго класса разсчитанъ весь

(*) Подъ выраженіемъ: „лицамъ польскаго происхожденія“ нужно понимать не вообще римско-католиковъ, а только поляковъ и тѣхъ западныхъ уроженцевъ, которые усвоили себѣ польскую національность.

успѣхъ польскаго дѣла, и основаны всѣ мечты яростныхъ польскихъ патріотовъ о возможности возстановленія Польши на развалинахъ Россіи,—мечты, высказывающіяся періодическими возстаніями и безпорядками. Ничтожный процентъ русскихъ помѣщиковъ на общее число помѣщиковъ здѣшняго края, (какъ 1 къ 70), можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, съ какою полнотой и преемственной вѣрностью поляки сохраняютъ принципъ корпоративной замкнутости. Усмиреніе каждаго изъ бывшихъ возстаній и безпорядковъ потрясало на время всю польскую подземную и надземную работу въ краѣ; но такъ какъ исключительное владѣніе поземельною собственностью никогда изъ рукъ поляковъ не выходило, то временныя репрессивныя мѣры для польской интеллигенціи оказывались только временными ранами, которыя скоро залѣчивались. Польская крамола, опираясь на свои сословныя привиллегіи, вышедши изъ борьбы, становилась еще сильнѣе и тотчасъ же начинала вновь вести свою подземную работу еще съ большимъ усердіемъ и искусствомъ, и сильнѣйшимъ озлобленіемъ противъ всего русскаго. Въ настоящее время правительство приступило къ мѣрамъ радикальнымъ для прекращенія преобладанія мятежной польской интеллигенціи въ исконномъ русскомъ краѣ. Опытъ убѣдилъ, что система дѣйствій, употребленная здѣсь правительствомъ въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, имѣла послѣдствіемъ не обрусеніе польскаго дворянства, а искуственное ополяченіе цѣлаго русскаго края. Настоящія мѣры вызваны высшими интерессами государственнаго спокойствія и самосохраненія.

Всѣ, принимаемыя нынѣ мѣры, не стѣсняя законныхъ правъ владѣнія нынѣшнихъ польскихъ помѣщиковъ, не привлеченныхъ къ отвѣтственности за мятежныя дѣйствія, ставятъ только предѣлъ усиленію этого класса, и облекаютъ въ форму закона мысль правительства о постепенномъ водвореніи въ краѣ русской интеллигенціи. Мѣры эти служатъ доказательствомъ того, что правительство уже не дозволитъ полякамъ снова забрать въ свои руки все имущественное и административное вліяніе въ западномъ краѣ и подавить русскую народность. Прямымъ послѣдствіемъ этихъ мѣръ будетъ то, что непримиримо-враждебные Россіи люди рѣшатся покинуть западный край и замѣнятся русскими помѣщиками, а прочіе поляки, способные помириться съ полнымъ безъ поворота владычествомъ Россіи, сдѣлаются спокойными гражданами.

Воспрещеніе лицамъ польскаго происхожденія пріобрѣтать вновь имѣнія въ западномъ краѣ составляетъ мѣру, которая принесетъ огромную пользу для отрезвленія польскихъ головъ, для благоденствія края и для спокойствія цѣлой Россіи.

Вторая мѣра, т. е. необходимость польскимъ помѣщикамъ продать секвестрованныя имѣнія русскимъ православнаго или протестантскаго исповѣданія, есть не только дѣло необходимости, но и пользы самихъ владѣльцевъ этихъ имѣній. Сек-

вестрація имѣній, основанная на доказанной слѣдствіемъ причастности къ мятежу, составляетъ ограниченіе правъ располагать своею собственностью на неопредѣленное время. Сохраненіе за собою имѣній при такомъ ограниченіи правъ, сопряженномъ съ лишеніемъ доходовъ съ этихъ имѣній весьма тягостно, и можетъ быть желательно только для тѣхъ, которые стремятся неутратить своего вліянія въ краѣ съ политическою цѣлью. Обязанность продать или промѣнять секвестрованное имѣніе въ теченіи двухъ лѣтъ русскому уроженцу даетъ возможность продающему располагать своею собственностью, а вмѣстѣ усиливаетъ русскій элементъ въ западномъ краѣ.

Третья мѣра, т. е. обязательная продажа имѣній не секвестрованныхъ, но принадлежащихъ лицамъ, высланнымъ изъ края административнымъ порядкомъ, за участіе въ бывшемъ мятежѣ, имѣетъ слѣдующее происхожденіе. Въ то время, когда мятежъ достигъ крайнихъ предѣловъ, главная обязанность управленія была—въ возможно короткій срокъ удалить изъ края большое число лицъ, вліявшихъ на развитіе мятежа, отъ чего, очевидно, зависѣло быстрое потушеніе самаго возстанія. Въ такихъ обстоятельствахъ, при общемъ противодѣйствіи правительству мѣстнаго дворянства, невозможно было безъ крайне-вредной потери времени оставлять въ имѣніи помѣщика, участіе котораго въ мятежѣ доказано несомнѣнною очевидностью, но не успѣло еще подвергнуться судебному разбирательству и приговору. Нѣкоторыя изъ такихъ лицъ были удаляемы изъ края административнымъ порядкомъ, имѣнія же ихъ оставались не секвестрованными. Кромѣ того, виновность многихъ помѣщиковъ не только слѣдствіемъ, но и судомъ вполнѣ доказана, и за тѣмъ они высланы изъ края въ видѣ наказанія. Собранные же впослѣдствіи факты и пересмотръ слѣдственныхъ дѣлъ доказали, что въ числѣ лицъ, подвергшихся отвѣтственности въ порядкѣ административномъ, почти всѣ, по степени виновности, неминуемо подверглись бы по суду тяжкимъ уголовнымъ наказаніямъ. При единодушіи польскаго дворянства въ дѣлѣ возстанія, его коноводы нерѣдко оставались внѣ опасности быть тотчасъ же юридически изобличенными въ преступленіи; ихъ нарочно приберегали, какъ лицъ вліятельныхъ, могущихъ, подъ маскою невинности и преданности правительству, содѣйствовать развитію мятежа и защитѣ мятежниковъ, попавшихся въ руки правительства. Эти люди принадлежали къ такъ называемой партіи бѣлыхъ, съ которыми мы уже успѣли познакомить нашихъ читателей.

Очевидно, что такія лица, хотя и не подвергшіяся судебному приговору, не могутъ быть терпимы въ западномъ краѣ, какъ землевладѣльцы, могущіе имѣть всегда большое вліяніе на дѣла. Прошедшіе опыты показали, что такая административная ссылка, на время, на жительство внутри Россіи мятежныхъ здѣшнихъ поляковъ, кончавшаяся возвращеніемъ на родину, нисколько не служила мѣрой ни къ ихъ наказанію, ни

къ ихъ исправленію. Они смотрѣли на административное изгнаніе, какъ на доказательство робости правительства и отправлялись въ ссылку въ полной надеждѣ на скорое возвращеніе. Прощаясь съ родными, они обыкновенно, улыбаясь, говорили: до свиданія. Возвращаясь же назадъ, приносили съ собой одно только озлобленіе противъ правительства и сильнѣе начинали работать во вредъ Россіи. Такое административное наказаніе даже было несправедливо въ отношеніи къ тѣмъ, надъ которыми судъ имѣлъ время произнести свой приговоръ и секвестровать имѣніе. Настоящая мѣра справедливо лишаетъ всѣхъ виновныхъ въ мятежѣ права владѣть въ здѣшнемъ краѣ земельной собственностію. Чрезъ продажу и промѣнъ своихъ имѣній означенныя лица не лишаются однако своего достоянія, получая въ замѣну прежнихъ своихъ имѣній деньги или имѣнія въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Продажа всѣхъ этихъ имѣній съ публичнаго торга, по окончаніи 2-хъ льготныхъ лѣтъ, есть логическій выводъ изъ всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ для водворенія здѣсь русскихъ землевладѣльцевъ.

Четвертая мѣра—о немедленной продажѣ съ публичнаго торга тѣхъ имѣній, на владѣльцахъ которыхъ числятся казенные или частные долги, собственно не есть какая либо новая мѣра для ослабленія въ краѣ польскаго элемента. Имѣнія эти, на основаніи существующихъ уже узаконеній, должны были подлежать продажѣ съ публичнаго торга за неплатежъ долговъ казнѣ и частнымъ лицамъ; но мѣра эта почти вовсе не приводилась въ исполненіе въ старое доброе время, когда здѣсь въ администраціи и судѣ владычествовалъ родной владѣльцамъ этихъ имѣній польскій элементъ. Такимъ образомъ, отъ невыполненія этихъ требованій закона страдали интерессы и казны и частныхъ лицъ. Немедленною продажею ихъ въ настоящее время кладется конецъ этимъ застарѣлымъ злоупотребленіямъ. Число этихъ случаевъ игры съ закономъ представитъ, вѣроятно, весьма значительныя цифры.

Вслѣдствіе трехъ первыхъ мѣръ и эта послѣдняя окажетъ сильное содѣйствіе къ переходу польскихъ имѣній въ русскія руки. Очевидно, что, при выполненіи всѣхъ публичныхъ продажъ, если не явится желающихъ покупать эти имѣнія, то они всѣ на законномъ основаніи перейдутъ въ руки казны. Имѣнія владѣльцевъ, высланныхъ изъ края, продержатся въ ихъ рукахъ дольше, именно: они могутъ быть проданы съ публичнаго торга не ближе 2-хъ льготныхъ лѣтъ по оцѣнкѣ тѣмъ же самымъ способомъ, который установленъ для оцѣнки имѣній конфискованныхъ, подлежащихъ продажѣ. При неуспѣшности же публичныхъ торговъ такія имѣнія будутъ поступать въ казну по оцѣночной суммѣ, съ назначеніемъ съ этой суммы бывшимъ владѣльцамъ ежегодной 5% ренты, впредь до дальнѣйшихъ по сему предмету распоряженій правительства.

Что касается до опасеній, что исключительное предоставленіе лицамъ не польскаго происхожденія права покупать недвижимыя собственности въ западномъ краѣ можетъ имѣть послѣдствіемъ значительное пониженіе цѣнности здѣшнихъ имѣній, по недостатку покупщиковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ къ стѣсненію находящихся нынѣ въ краѣ русскихъ собственниковъ, то эти опасенія едвали могутъ имѣть значеніе. Но еслибы и дѣйствительно цѣнность имѣній понизилась, то это облегчило бы только ихъ переходъ въ руки русскихъ помѣщиковъ, а для русскихъ собственниковъ, въ настоящее время здѣсь владѣющихъ землями, это было бы тогда только не выгодно, когда бы они стали продавать свои имѣнія, чего конечно не будетъ. Доходы же съ имѣній, отъ временнаго пониженія ихъ цѣнности, конечно, ни сколько не уменьшились бы.

Въ русскихъ покупщикахъ имѣній здѣшнихъ помѣщиковъ не можетъ оказаться недостатка, ибо и въ настоящее время есть въ виду значительное число заявленій русскихъ и остзейцевъ о желаніи покупать имѣнія въ западномъ краѣ.

Заявленія эти основаны на общихъ надеждахъ, что правительство твердо рѣшилось поднять въ краѣ русскую народность. Когда же принимаемыя въ настоящее время мѣры укажутъ на самомъ дѣлѣ возможность прочнаго водворенія и преобладанія русскаго элемента и вмѣстѣ съ тѣмъ упроченія спокойствія въ краѣ, то, нѣтъ никакого сомнѣнія, что число желающихъ пріобрѣтать здѣсь имѣнія будетъ весьма значительно. Вил. Вѣст.

«КІЕВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ»

объ обрусеніи западнаго края Россіи.

Въ *Кіев. Тел.* напечатана по этому поводу любопытная статья. Желая ознакомить читателей со взглядомъ на этотъ предметъ мѣстной газеты, перепечатываемъ слѣдующія строки:

„Главная задача этого дѣла, по нашему мнѣнію, не въ томъ, чтобы обрусить или же изгнать поляковъ, что мы думаемъ совершенно и невозможно, а въ тѣхъ политическихъ видахъ правительства, чтобы, не прибѣгая ни къ какимъ насильственнымъ, крутымъ и неудобоисполнимымъ, а тѣмъ болѣе не справедливымъ мѣрамъ, усилить въ значительной степени русскій элементъ въ здѣшнемъ краѣ и дать ему возможность и способы самому укрѣпиться и подавить чуждые здѣшней мѣстности, враждебные правительству и національности элементы; а для этого, въ наше время одно вѣрное орудіе—это финансовыя мѣры—мѣры денежныя! Этотъ одинъ могучій дѣятель можетъ совладать съ національностью и побороть тенденціи поляковъ и ихъ пресловутую интеллигенцію, подавивъ ихъ матеріальное благосостояніе, и на эти то средства, мы полагаемъ,

не безполезнымъ указать, для рѣшенія важнаго и настоятельнаго вопроса національности въ здѣшнемъ краѣ. Средства эти въ рукахъ правительства и русскаго общества. Вотъ въ чемъ они по нашему мнѣнію должны заключаться: ввести въ здѣшній край, всѣми отъ правительства зависящими мѣрами, русскихъ чиновниковъ, но чиновниковъ не какихъ попало безъ разбора, а лучшихъ, образованнѣйшихъ и по мѣрѣ возможности независимыхъ своимъ состояніемъ; вызвать русскихъ арендаторовъ на конфискованныя у поляковъ имѣнія, поддержать благосостояніе русскихъ землевладѣльцевъ выдачею имъ за выкупныя земли (тѣмъ, кои изъявятъ желаніе и пріищутъ купить себѣ въ здѣшнемъ краѣ имѣніе), суммъ наличными деньгами или банковыми билетами безъ вычета 20% и возвративъ эти 20% и тѣмъ, коихъ выкупы состоялись на основаніи закона о обязательномъ выкупѣ—прочимъ же русскимъ, не желающимъ теперь, или непріискавшимъ имѣнія для покупки, выдать эти суммы свидѣтельствами и рентами, съ правомъ тотчасъ же размѣнивать въ коммерческомъ банкѣ на билеты государственнаго казначейства, или другія ходячія бумаги по номинальной ихъ цѣнѣ, какъ скоро предъявитъ запродажную запись на купленное ими имѣніе. Предоставить исключительно русскимъ землевладѣльцамъ здѣшняго края заложить въ банкѣ же остающіяся въ ихъ собственности земли, по оцѣнкѣ, Высочайше утвержденной Положеніемъ 19-го февраля 1861 года. На поляковъ же и иностранцевъ этихъ пособій и льготъ не распространять, напротивъ—предложить на восполненіе убытковъ и издержекъ землевладѣльцевъ русскихъ и правительства взиманіе съ польскихъ землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ въ городахъ здѣшняго края по 10% съ ихъ доходовъ въ продолженіи 11 лѣтъ, и обращать этотъ взносъ на выкупную операцію русскимъ чрезъ банковую контору. Этими двумя мѣрами, сборомъ процентовъ съ поляковъ и выдачею пособія русскимъ, правительство поставитъ послѣднихъ въ самыя выгодныя условія для подавленія вліянія первыхъ и заставитъ ихъ сбывать свои имѣнія и постепенно искать себѣ болѣе выгодной осѣдлости въ другихъ мѣстахъ. Для этого можно бы еще было открыть имъ способы и облегчить пріобрѣтеніе имѣній въ губерніяхъ восточной Россіи, куда ихъ интеллигенція и опытность въ хозяйствѣ могли бы перенести свою полезную дѣятельность и развить тамъ промышленность и улучшить земледѣліе и этимъ принести государству не маловажную пользу и поддержать свои средства, не нанося уже того вреда, которымъ они могутъ всегда угрожать здѣшнему краю, будучи сплочены въ массу“.

Въ заключеніе авторъ статьи приводитъ, что въ трехъ югозападныхъ губерніяхъ находится имѣній на сумму слишкомъ 117 милліоновъ (въ томъ числѣ и имѣнія русскихъ).

Циркуляръ г. ковенскаго губернатора церковнымъ совѣтамъ.

Г. главный начальникъ края увѣдомилъ меня, что въ прошломъ 1865 году мнѣ были препровождены правила, о поддержаніи православныхъ церквей въ Ковенской губерніи, въ которыхъ его высокопревосходительство объяснилъ, что никакія денежныя пособія правительства не будутъ въ состояніи поддерживать храмы въ надлежащемъ благолѣпіи, безъ теплаго сочувствія въ томъ самыхъ прихожанъ и выразилъ надежду, что наше православное духовенство и мировые посредники окажутъ благотворное вліяніе въ этомъ важномъ дѣлѣ, пріучая крестьянъ собственниковъ поддерживать благолѣпіе въ своихъ приходскихъ церквахъ и пещись объ ихъ нуждахъ, которымъ они, конечно, не могли пособлять въ тяжелые времена ига польскихъ помѣщиковъ, и коимъ нынѣ легко могутъ удѣлять посильную лепту въ воспоминаніе своего освобожденія.

Между тѣмъ къ его высокопревосходительству нерѣдко поступаютъ ходатайства отъ весьма значительныхъ приходовъ, о пособіи на исправленіе церквей, въ недавнее время исправленныхъ средствами правительства. По сообщеніи г. министру внутреннихъ дѣлъ объ одномъ изъ такихъ ходатайствъ, статсъ-секретарь Валуевъ увѣдомилъ, что обязанность содержанія въ благолѣпіи храмовъ прежде всего должна лежать на прихожанахъ, что воспособленія правительственныя не могутъ распространяться на всѣ безъ исключенія церкви западнаго края, а только на тѣ изъ нихъ, которыя, по малолюдности и дѣйствительной несостоятельности прихожанъ, не могутъ быть возобновлены безъ внѣшней помощи, что всѣ тѣ храмы, которые, по отстройкѣ ихъ окончательно, сданы въ духовное вѣдомство, или которые командированными министерствомъ внутреннихъ дѣлъ чиновниками найдены будутъ, при осмотрѣ, нетребующими возобновленія, должны оставаться на исключительной заботливости самихъ прихожанъ и на обязанности учрежденныхъ нынѣ приходскихъ попечительствъ, и что всѣ просьбы ихъ о пособіи отъ правительства будутъ оставляемы безъ послѣдствій.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, вполнѣ раздѣляя означенный отзывъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, проситъ меня возложить на церковные совѣты и попечительства обязанность заботиться о поддержаніи, исправности и благолѣпіи храмовъ.

Сообщая о семъ, возлагаю на церковные совѣты обязанность заботиться о точномъ исполненіи вышеозначеннаго предложенія г. главнаго начальника края.

Могилевское церковное братство.

Послѣ сообщенія свѣдѣній 30-го октября 1865 въ Мог. Губ. Вѣд. о могилевскомъ братствѣ, составъ его и средства увеличились, предметы и кругъ дѣйствій распространены.

Въ число почетныхъ братчиковъ съ 30-го октября поступили слѣдующія лица: Андрузскій, Д. В., Банинъ, В. Н., Байковъ, А. М., Бекаревичъ, И. М., Бибиковъ, И. И., Бучеровъ, М. В. священникъ, Воскресенскій, Н. М., Ганкевичъ, П. Ѳ. протоіерей, Голицинская, А. А., Голицинскій, А. А., Городецкій, Е. М., Гузенъ, В. В., Гласко, С. К. священникъ, Глушицкій, А. И., Групильонъ, Е. А., Групильонъ, И. М., Долгополовъ, Н. Г., Зубовская, Е. Т., Зубовскій, И. А., Іолшинъ, В. В., Іолшинъ, В. А., Калдурова, Р. П., Калдуровъ, Н. В., Козловскій, Ѳ. О., Кутневичъ, М. В., Масюковъ, Г. О., Моргонскій, И. Г., Морозова, Л. А., Морозовъ, А. И., Мироником, О. Е., Палладій, архимандритъ, ректоръ семинаріи, Петникова, А. П., Раевская, Р. Ѳ., Раевскій, В. А., Романкевичъ, М. И., Селецкая, Е. Е., Селецкій, А. В., Сидорскій, П. О. Сикстель, М. В., Сиротининъ, А. В., Смирновъ, С. П., Стельмаховичъ, А. С., Стельмаховичъ, М. П., Тарасова, Ѳ. И., Урюпинъ, П. Е., Цитовичъ-Быстровъ, А. Н., благочинный священникъ Царской слободы, Цитовичъ-Быстрова, В. А., Чевновой, Я. К., Четвериковъ, И. И., Шульгинъ, П. А., Щедровъ, А. А. Всего 51. Слѣдовательно въ настоящее время братство состоитъ съ прежними изъ 129 членовъ.

Съ ноября мѣсяца по 10-е января средства братства, по подпискѣ увеличились на 367 руб. 13 к. и съ прежними 363 р. 60 к. въ настоящее время братская казна составляетъ 730 р. 63 коп. Сумма хранится въ казначействѣ, въ особомъ сундукѣ, кромѣ не большой суммы, находящейся на рукахъ казначея братства.

Совѣтъ братства имѣлъ пять собраній: 31-го октября, 7 и 21-го ноября, 6 и 19-го декабря—въ братскихъ церквахъ. Всего со времени открытія съ 29 августа 1865 г. было 8 собраній. Предметы совѣщаній въ послѣднія 6 собраній между прочимъ были слѣдующіе:

1) Разрѣшено устроить за правымъ клиросомъ кіоту для братскаго образа святаго Благовѣрнаго князя Александра Невскаго, написаннаго почетнымъ братчикомъ Е. А. Силковичемъ.

2) Одобрено заявленіе большинства наличныхъ братьевъ-учредителей и почетныхъ братчиковъ о распространеніи дѣйствій братства на лицъ, принимающихъ православіе и на церковь въ Царской слободѣ. Это предположеніе братства утверждено епархіальнымъ и гражданскимъ начальствомъ.

3) Сдѣлано распоряженіе объ устройствѣ братскихъ хоругвей; по этому предмету совѣтъ вошелъ въ сношеніе съ почетными братчиками, московскимъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ И. И. Четвериковымъ и купцемъ 1-й гильдіи В. А. Сиродининымъ.

4) Старшина совѣта представилъ 5% билетъ въ 100 р., присланный извѣстнымъ ему лицомъ въ подкрѣпленіе средствъ братства, съ тѣмъ, чтобы въ братскихъ церквахъ совершаемо было поминовеніе о живыхъ и умершихъ, которыхъ имена сообщены.

5) Старшина довелъ до свѣдѣнія совѣта вопросъ нѣкоторыхъ почетныхъ братчиковъ о томъ, какими способами они могутъ оказывать попеченіе объ арестантахъ и призрѣваемыхъ, тогда какъ имъ не разрѣшенъ свободный входъ въ мѣста заключенія и въ Богоугодныя заведенія. Совѣтъ въ разрѣшеніе этого вопроса призналъ нужнымъ для единства дѣйствій сообщить всѣмъ почетнымъ братчикамъ чрезъ губернскія вѣдомости, что попеченіе о заключенныхъ и призрѣваемыхъ могутъ оказывать чрезъ личное сношеніе съ смотрителями острога и заведеній приказа, или чрезъ тюремный комитетъ и наконецъ чрезъ заявленіе совѣту братства о замѣченныхъ нуждахъ заключенныхъ и призрѣваемыхъ съ указаніемъ и способовъ, если возможно будетъ.

6) Вслѣдствіе представленія старшины совѣта о необходимости учредить при братскихъ церквахъ библіотеки, совѣтъ вошелъ по этому предмету въ сношеніе съ нѣкоторыми книгопродавцами.

7) Разрѣшено купить необходимыя вещи для Николаевской при тюремномъ острогѣ церкви, съ выдачею старостѣ оной 70 руб. на покупки.

8) Признано нужнымъ: а) снабдить всѣ христіанскія палаты и отдѣленія въ заведеніяхъ приказа иконами, которыя ожидаются, по отзыву старшины, изъ Ярославля; б) снабдить полезными книгами вновь учрежденное училище въ Царской слободѣ и арестантовъ въ могилевскомъ тюремномъ замкѣ.

9) Предложено священнику о. Стефану Бутомо учредить по мѣрѣ возможности, чтеніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ въ отдѣленіи малолѣтнихъ, въ рабочемъ домѣ, въ больничныхъ палатахъ и въ богадельнѣ, а также чтеніе псалтиря по умершимъ. Содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ предоставлено П. Д. Гайдукову, какъ ближайшему начальнику заведеній приказа.

10) Разрѣшено уплатить 15 р. за написаніе иконы чудесъ св. Николая, находящейся въ Николо-бабаевскомъ монастырѣ, на границѣ Ярославской и Костромской губерній, для Николаевской при тюремномъ замкѣ церкви.

Кромѣ того: а) по случаю храмоваго праздника 6 декабря въ братской Николаевской церкви, большинство наличныхъ братьевъ-учредителей и почетныхъ братчиковъ собралось въ церковь для слушанія литургіи *), послѣ которой посѣтили арестантскія камеры.

Одинъ изъ учредителей братства М. А. Егоровъ представилъ совѣту, независимо устройства библіотекъ при братскихъ

*) Могилев. губ. вѣд. 1865 г. неоф. № 50.

церквахъ, объ учрежденіи публичной библіотеки, съ цѣлію: во 1-хъ усиленія средствъ братства чрезъ извлеченіе доходовъ отъ этой библіотеки и во 2-хъ распространеніе религіозно-нравственнаго просвѣщенія и общеполезныхъ свѣдѣній. Совѣтъ предоставилъ М. А. Егорову внести въ ближайшее собраніе письменный проектъ по сему предмету.

12) Почетный братчикъ М. В. Кутневичъ прислалъ 14 р. для бѣдныхъ учениковъ царско-слободскаго училища, куда и отосланы деньги. Почетный братчикъ К. П. Высоцкій прислалъ изъ Вѣтки для царско-слободской церкви образъ Божіей Матери, пожертвованный купцомъ Тепляковымъ, и братчикъ учредитель Н. Я. Дубенскій пожертвовалъ въ библіотеку тюремнаго замка 54 картины изъ священной исторіи ветхаго завѣта и три части разсказовъ изъ исторіи христіанской церкви.

и 13) Совѣтомъ приглашены къ участію въ дѣлѣ братства служащіе въ Могилевской губерніи по разнымъ частямъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ и нѣкоторые поспѣшили заявить о своемъ желаніи присоединиться къ русскому-православному дѣлу.

Отрывокъ изъ частнаго письма въ „Виленскій Вѣстникъ."

Демеховскій приходъ (*), 3-го класса, самый многолюдный; въ немъ въ 1865 году считалось прихожанъ обоего пола 3,000 душъ. Этотъ приходъ былъ въ уніи до 1796 года и, по возсоединеніи, настоятелемъ остался тотъ же самый возсоединеный священникъ до 1838 года, а потому прихожане сохранили свои уніатскіе обычаи, а нѣкоторые переходили прямо къ римлянамъ. Хотя съ 1839 года назначались на этотъ приходъ священники изъ древле-православныхъ, но и эти священники, частію не имѣя твердости бороться съ десятью польскими помѣщиками демеховскаго прихода, частію очерненные предъ начальствомъ этими помѣщиками, оставляли демеховскій приходъ, и съ 1839 года по 1851 годъ было въ Демехахъ священниковъ: четыре настоятеля, да трое изъ другихъ приходовъ, временно исправляющіе должность.

Помѣщики-поляки и ксендзы, пользуясь такими перемѣнами демеховскихъ священниковъ, вели свою пропаганду неутомимо; епархіальному начальству было неизвѣстно, что отъ частой перемѣны священниковъ много страдаетъ православіе, да его и никто не обстаивалъ. Помѣщики, взявши изъ демеховской церкви чудотворную икону Божіей Матери, поставили ее въ костелѣ въ демеховскомъ же приходѣ, а православную демеховскую церковь довели до паденія, и расширяли свою пропаганду до того, что не было въ приходѣ демеховскомъ такой деревни, въ которой не завелись бы римско-ка-

---

(*) Минск. губерн., рѣчицк. уѣзда.

толики, а одну деревню—Красное ополячили всю. Въ концѣ 1851 года назначенъ былъ въ этотъ приходъ другой священникъ. Замѣтивъ сильное преобладаніе римлянъ, онъ думалъ перепроситься въ другой приходъ, но не желая уподобиться евангельскому наемнику, остался противодѣйствовать латинской пропагандѣ и началъ вотъ съ чего: такъ какъ чудотворная икона, взятая изъ церкви въ костелъ, привлекаетъ въ послѣдній множество поклонниковъ, а ксендзы тамъ ихъ совращаютъ, то, собравши факты, онъ завелъ въ 1853 году дѣло о возвратѣ иконы изъ костела въ церковь, и за это дѣло священникъ много пострадалъ, пока наконецъ настоящій начальникъ края, по разсмотрѣніи дѣла, не указалъ передать въ православное вѣдомство, вмѣстѣ съ чудотворною иконою и костелъ, который 10-го октября сего 1865 года и освященъ въ православную Рождество-Богородицкую церковь. Сюда поляки часто прибываютъ на богослуженіе—по прежнему ли обыкновенію, или съ другими цѣлями. Священникъ устроилъ народное училище и научилъ учениковъ благозвучному пѣнію. При помощи училища, въ 1865 г. священникъ присоединилъ къ православію упомянутую деревню Красное всю, да изъ другихъ деревень—всего 107 душъ, а еще много есть римлянъ въ демеховскомъ приходѣ. Въ такомъ ополяченномъ и многолюдномъ приходѣ училище народное необходимо. Присоединившіеся крестьяне деревни Красное сказывали, что для обученія ихъ дѣтей, ксендзы нанимали директора (домашняго учителя), а извѣстно, что эти польскіе директоры только и внушали народу ненависть и вражду ко всему русскому и православному. Ужели же по присоединеніи лишить ихъ образованія и оставить ихъ при польскихъ предубѣжденіяхъ на счетъ всего русскаго и православнаго, да и поляки въ укоризну скажутъ имъ: мы нанимали вамъ учителя, а русскіе, по присоединеніи вашемъ, упразднили училище.

„СѢВЕРНАЯ ПОЧТА“ о Западно-русскомъ Календарѣ.

Съ особеннымъ удоволствіемъ останавливаемся на *Западно-русскомъ мѣсяцесловѣ*, изданномъ въ Вильнѣ, какъ на отрадномъ опытѣ календарной литературы, въ духѣ православія и русской народности, предназначенномъ противодѣйствовать латино-польской пропагандѣ въ краѣ, искони бывшемъ православнымъ и русскимъ. Послѣ обыкновенныхъ составныхъ частей мѣсяцеслова, мы находимъ здѣсь прекрасно написанныя статьи, касающіяся западно-русскаго края, статьи, исполненныя тѣмъ болѣе глубокаго интереса, что изъ нихъ мы знакомимся съ нѣкоторыми знаменательными сторонами старой и современной исторіи этой, мало извѣстной большинству, части русскаго государства. Ничего не могло быть приличнѣе, какъ начать рядъ этихъ статей сказаніемъ *о право-*

славныхъ священникахъ и прочихъ лицахъ, пострадавшихъ во время послѣдняго польскаго мятежа. Здѣсь исчислены лишь тѣ доблестные страдальцы, мученическая смерть которыхъ извѣстна достовѣрно: и такихъ жертвъ польскаго кроваваго изувѣрства насчитано *триста пять* (не считая замученныхъ православныхъ священниковъ). Участь же многихъ другихъ, насильно уведенныхъ мятежниками лицъ, неизвѣстна; но, какъ замѣчено въ статьѣ, почти выше всякаго сомнѣнія, что ихъ также постигла мученическая смерть. „И десятая часть приведеннаго списка способна наполнить ужасомъ и негодованіемъ сердце всякаго истиннаго христіанина и честнаго вѣрноподданнаго.“ Затѣмъ помѣщены слѣдующія статьи: *Православіе и латинство въ западнорусскомъ краѣ*, краткій историческій очеркъ тѣхъ средствъ, которыя были употребляемы поляками для распространенія здѣсь римско-католической вѣры; „*О языкѣ древнихъ актовыхъ книгъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ, и о древнемъ юридическомъ языкѣ въ бывшемъ княжествѣ жмудскомъ*“ — ничѣмъ неопровержимыя доказательства, что западный край всегда былъ православный и русскій; „*Памятники православной древности въ пинскомъ уѣздѣ минской губерніи.*“ Памятники эти суть: *церковь въ селѣ Купятичахъ* (верстахъ въ десяти или двѣнадцати отъ города Пинска), маленькая деревянная, ничѣмъ, ни снаружи, ни внутри, особенно не замѣчательная, но уже за *семь вѣковъ*, въ томъ же селѣ, стояла церковь, современная самымъ первымъ церквамъ русскимъ, построеннымъ св. княземъ Владиміромъ и дѣтьми его, и прославленная чудотворною иконою Богоматери; *Лѣщинская Успенская церковь*, въ самомъ городѣ Пинскѣ, также не замѣчательная ни наружностью, ни внутренностью, но дорогая по своей глубокой древности, ибо, по преданію, и донынѣ крѣпко сохраняемому жителями Пинска, она основана великимъ княземъ Владиміромъ. Во всякомъ случаѣ эта церковь явилась не позже ближайшихъ потомковъ равно-апостольнаго князя, и начало ея должно быть современно первымъ успѣхамъ православія въ краѣ, по рѣкѣ Припети и ея притокамъ. Лѣщинская церковь замѣчательна еще тѣмъ, что на судьбѣ ея отразились, въ маломъ видѣ, судьбы всей православной церкви въ западномъ краѣ. Статья „*Православныя церковныя братства въ гг. Вильнѣ, Минскѣ и Ковнѣ*“ знакомитъ съ настоящимъ положеніемъ этихъ братствъ, возстановленныхъ по примѣру тѣхъ, которыя встарину существовали въ краѣ въ большомъ числѣ, съ цѣлію отстаивать православную вѣру и русскую народность отъ латино-польскихъ посягательствъ. Дѣятельность новыхъ братствъ еще не успѣла развиться, такъ какъ они учреждены только въ 1864 и 1865 годахъ, да и денежныя средства ихъ еще очень невелики. Виленское свято-духовское братство имѣло въ своемъ распоряженіи къ 20-му

сентября 1865 года въ приходѣ 4,872 р. 15 коп., израсходовано 509 р. 65 коп., въ остаткѣ 4,362 р. 50 коп.; въ минскомъ братствѣ, въ началѣ сентября 1865 г., было суммъ въ приходѣ 721 р., въ расходѣ 61 р. 10 к., оставалось 659 р. 90 коп. Ковенское братство располагало 1,505 р. 35 к., изъ которыхъ израсходовано 646 р. 68½ коп.; оставалось 858 р. 66½ коп. Дальнѣйшее существованіе и развитіе братствъ будетъ зависѣть, конечно, отъ сочувствія къ нимъ ревнителей православія.

„Свѣденія объ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа,“ помѣщенныя въ мѣсяцесловѣ, такъ полны, заключаютъ въ себѣ столько интересныхъ данныхъ, что мы не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ на свидѣтельствѣ возрожденія русскаго элемента въ ополяченномъ краѣ. Въ составъ виленскаго учебнаго округа входитъ шесть губерній: Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Витебская и Могилевская. Послѣднія двѣ губерніи присоединены къ этому округу въ началѣ октября 1864 года. По числу гимназій, въ округѣ находится четырнадцать учебныхъ дирекцій, кромѣ дирекцій приходскихъ и народныхъ училищъ. Къ 1-му января 1865 года, въ 13 гимназіяхъ (новогрудская гимназія, т. е. 14-я, открыта послѣ 1-го января 1865 г.), 1-й прогимназіи (тельшевская прогимназія то же не входитъ въ счетъ, какъ открытая послѣ показаннаго числа), въ 5-ти пятиклассныхъ дворянскихъ училищахъ и въ 15-ти трехклассныхъ уѣздныхъ училищахъ всего учащихся было 4,845, въ томъ числѣ 1,761 православнаго исповѣданія, 2,561 римско-католическаго, 116 лютеранскаго, 39 реформатскаго, 337 еврейскаго и 31 магометанскаго. По сословіямъ, большинство учащихся составляли дѣти чиновниковъ и дворянъ (3,009); затѣмъ слѣдуютъ дѣти изъ городскихъ сословій (1,151). Извѣстно, что гимназіи и уѣздныя училища въ западномъ краѣ подверглись важнымъ преобразованіямъ и улучшеніямъ вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ въ 1864 и 1865 годахъ. Мѣры эти не остались безплодными и повели къ слѣдующимъ утѣшительнымъ явленіямъ: 1) Русскій элементъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа усилился до степени господствующаго, и они приняли характеръ русскихъ учебныхъ заведеній; 2) учащіеся, при серіозномъ взглядѣ преподавателей на свое дѣло, при единодушныхъ дѣйствіяхъ педагогическихъ совѣтовъ, усердно принялись за трудъ и оказали по всѣмъ предметамъ значительные успѣхи; 3) въ продолженіе двухъ лѣтъ, ни въ одной гимназіи порядокъ не былъ нарушенъ, не случилось ни одного событія, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей.

Народныя и приходскія училища виленскаго учебнаго округа состоятъ въ вѣденіи четырехъ особыхъ дирекцій: виленской, ковенской, минской и витебской. Въ началѣ 1865 г. состояло 975 народныхъ и другихъ первоначальныхъ училищъ; въ нихъ было 34,057 учащихся (30,728 мальчиковъ и 3,329 дѣ-

вочекъ), изъ которыхъ 26,719 православнаго исповѣданія и только 5,815 римско-католическаго. Но въ западномъ краѣ есть еще училища епархіальнаго вѣдомства, при сельскихъ православныхъ церквахъ, и училища, устроенныя сельскими обществами. Въ „Западно-русскомъ мѣсяцесловѣ на 1865 годъ" церковныхъ училищъ въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Минской показано 425, съ 7,332 учащимися, и сельско-общественныхъ 155, съ 3058 учащимися, слѣдовательно общее число училищъ доходитъ до 1,555, а учащихся до 44,475. Теперь всѣхъ училищъ должно быть больше.

Молодечнянская учительская семинарія, открытая 8-го ноября 1864 года, для педагогическаго образованія молодыхъ людей всѣхъ сословій православнаго исповѣданія, посвящающихъ себя учительской дѣятельности въ народныхъ училищахъ виленскаго учебнаго округа, должна, по уставу, состоять изъ двухъ классовъ и имѣть 60 казенныхъ стипендіатовъ, а своекоштныхъ по десяти на каждый классъ. Къ концу 1864—65 учебнаго года, въ этой семинаріи былъ одинъ классъ, стипендіатовъ казенныхъ состояло 32, своекоштныхъ 4, всѣ изъ крестьянъ разныхъ губерній сѣверо-западнаго края,—лучшіе ученики народныхъ училищъ.

Что касается до состоянія женскаго образованія въ виленскомъ учебномъ округѣ, то, къ концу 1864—65 учебнаго года, въ шести губерніяхъ состояло 1,006 дѣвочекъ обучавшихся въ казенныхъ и частныхъ школахъ и пансіонахъ; но эта цифра далеко не полна, потому что въ таблицѣ не показаны бѣлостокскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, женскія гимназіи въ Вильнѣ, Ковнѣ, Гроднѣ, Минскѣ и Могилевѣ и училища для дѣвицъ духовнаго званія.

Очень важно, по своему значенію, извѣстіе о *книжныхъ складахъ въ виленскомъ учебномъ округѣ*. Не дальше какъ три года тому назадъ, во всемъ западно-русскомъ краѣ, даже въ губернскихъ городахъ, нельзя было пріобрѣсти ни русскихъ книгъ, ни православныхъ иконъ, ни православныхъ крестиковъ для новорожденныхъ младенцевъ, потому что не было нигдѣ ни одной русской книжной и ни одной иконной лавки: все нужно было выписывать изъ Петербурга, изъ Москвы, изъ Кіева, или изъ другихъ городовъ внутреннихъ губерній. И наоборотъ: польская книжная торговля процвѣтала; польскія книги печатались и въ самомъ краѣ и вывозились сюда во множествѣ изъ Царства польскаго, и не только въ городахъ, но въ мѣстечкахъ и селахъ, почти при каждомъ костелѣ, на всѣхъ ярмаркахъ, продавались польскіе букварн, польскіе молитвенники, книги пропагандическаго содержанія, латинскіе образки, шкаплеры. Распространеніе польскихъ книгъ въ краѣ, среди православнаго населенія, приняло особенно большіе размѣры предъ послѣднимъ мятежемъ, когда помѣщики и ксендзы устроили, безъ разрѣшенія начальства, въ фольваркахъ, при волостныхъ правленіяхъ и при костелахъ, народныя школы,

гдѣ дѣтей православныхъ крестьянъ обучали польской грамотѣ и латинскому катехизису, проповѣдывали ненависть къ русскому правительству, ко всему русскому и православному. Помѣщики, жены ихъ и дочери раздавали даромъ польскія книжки крестьянамъ, а нищіе разносили ихъ по отдаленнымъ деревнямъ. Противодѣйствовать съ успѣхомъ такой дерзкой латино-польской пропагандѣ можно было только посредствомъ подобнаго же орудія православнаго и истинно-русскаго, и вотъ съ этой-то точки надобно смотрѣть на важное значеніе книжныхъ складовъ въ виленскомъ учебномъ округѣ. Начало имъ было положено лѣтомъ 1863 года въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ: на первый разъ было открыто только *десять* складовъ, и въ каждомъ изъ нихъ книгъ и другихъ предметовъ находилось только на 14 рублей. Въ октябрѣ 1865 г. всѣхъ складовъ (большею частью при народныхъ училищахъ) состояло 146, кромѣ Ковенской губерніи, гдѣ учрежденіе ихъ предназначалось въ концѣ минувшаго года. Въ склады пяти губерній выслано было всего 50,051 экземпляровъ, на 8,220 р. 87 к. Книги выписываются преимущественно церковныя, а изъ свѣтскихъ, кромѣ букварей, въ особенности книги, относящіяся къ русской исторіи, жизнеописанія знаменитыхъ русскихъ людей и т. п. Кромѣ того высылаются въ склады иконы, крестики, картины изъ священной и русской исторіи, портреты ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ и НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА, а также бывшаго главнаго начальника края, графа М. Н. Муравьева. Книги продаются по самой дешевой цѣнѣ, начиная отъ *одной* копѣйки. По 1 р. 15 к. продается только одна книга — Евангеліе, кіевскаго изданія, въ отличномъ кожаномъ переплетѣ и съ золотообрѣзомъ. Цѣна иконамъ и портретамъ отъ 3 до 30 копѣекъ.

Календарь оканчивается: *Врачебными совѣтами, Хозяйственными наставленіями* и *свѣдѣніями о главнѣйшихъ ярмаркахъ во внутреннихъ губерніяхъ, въ сѣверо-западномъ краѣ и въ Царствѣ польскомъ.*

„Западно русскій мѣсяцесловъ,“ съ прекрасно гравированнымъ портретомъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, стоитъ 16 копѣекъ (*). (Сѣвер. Поч.)

(*) И „Кіевскій народный календарь“ есть явленіе весьма отрадное и многоплодное. Уже то одно, что онъ очистилъ русскую почву отъ ксендзо-польскаго бердичевскаго календаря, дѣлаетъ великую честь его издателю и возбуждаетъ къ нему чувство признательности во всякой, истино-русской душѣ и кромѣ того „Народный календарь“ обладаетъ весьма многими капитальными совершенствами, при весьма маленькихъ недостаткахъ. Въ немъ много статей имѣющихъ обще-русской, и особенно мѣстныи интересъ; въ немъ много популярныхъ и справочныхъ свѣдѣній, столь полезныхъ въ разныхъ явленіяхъ жизни. Большинство

Торжественная встрѣча въ селѣ Воложинѣ Иконы, пожертвованной Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

22-го декабря останется навсегда памятнымъ для насъ воложинцевъ. Въ этотъ день мы торжественно встрѣтили подаренный въ нашу православную церковь Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ образъ угодника Божія св. Благовѣрнаго, Великаго князя Александра Невскаго (1).

Еще въ прошломъ октябрѣ мѣсяцѣ (12 числа) мы были извѣщены г. ошмянскимъ военнымъ начальникомъ, что адъютантъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, князь Мещерскій (2) везетъ въ село Воложино, подаренный въ Воложинскую церковь Государемъ Наслѣдникомъ св. образъ. Тогда эта радостная вѣсть собрала къ церкви почти весь многолюдный нашъ приходъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ образъ этотъ былъ уже въ городѣ Ошмянахъ,—гдѣ, по просьбамъ русскаго общества, желавшаго какъ можно долѣе наслаждаться молитвою и созерцаніемъ дивнаго изображенія угодника Божія, столь дорогаго сердцу каждаго русскаго (3),—образъ оставался до настоящаго времени.

Но вотъ царственный даръ уже въ селѣ Воложинѣ. Эта радостная вѣсть съ быстротою молніи облетѣла все наше село и окрестныя деревни. Ночь прошла въ трепетномъ ожиданіи. Настало радостное утро. Народъ отвсюду спѣшитъ къ цер-

---

статей выполнено съ знаніемъ дѣла и возможною въ календарѣ оконченностью. Пусть себѣ разные Метафразины (псевдонимъ) потѣшаются надъ неизбѣжными во всякомъ изданіи, микроскопическими промахами „Народнаго календаря“! Мы ясно видимъ физіономіи этихъ рыцарей недавно разбитой шайки, не смотря на воображаемую ими плотность забрала, еще яснѣе видимъ побужденія по которымъ обнажили свои картонные мечи противъ русскаго дѣла и дѣлателя, сами они сознаютъ безчестность своего поступка, когда прячутся въ капюшоны метыфразиныхъ, не угодно ли сбросить ихъ?... это будетъ по крайней мѣрѣ честно, если не разумно. И „Кіевлянинъ,“ а за нимъ и „Телеграфъ“ потянулись тудаже, какъ будто у нихъ другой работы и нѣтъ какъ отыскивать соръ да грязь, любоваться только „букашками, да таракашками,“ вести войну междоусобную, а не какую либо иную? *Ред. Вѣстн. Зап. Рос.*

(1) Образъ—семь вершковъ высоты и пять ширины, на кипарисной доскѣ,—писанъ высокохудожественною кистью, въ греческомъ стилѣ, фонъ логрековый, съ прозолотью, и прокрашенъ подъ емаль.

(2) Князь Александръ Петровичъ—самый усердный братчикъ воложинской церкви. Отъ него разныхъ церковныхъ вещей и книгъ мы получили слишкомъ на двѣстѣ рублей.

(3) Нашъ церковный староста Мѣдинскій получилъ отъ покойнаго Государя Наслѣдника Николая Александровича металлическій образокъ и еще до сихъ поръ не можетъ нарадоваться этимъ даромъ.

ки. Тутъ же явились и наши гости—солдатики, квартирующіе у насъ артиллеристы. Пріѣхалъ и сосѣдній священникъ о. Игнатій Лисецкій. Пробило 10 часовъ—и мы—три священника, діаконъ и два причетника, облачась въ свѣтлыя, праздничныя ризы, и взявъ животворящій крестъ, святое евангеліе и храмовую икону св. Великомученицы Параскевіи, отправились изъ церкви, предшествуемые братчиками со святыми хоругвями и возженными свѣчами и пѣвческимъ хоромъ, составленнымъ изъ мальчиковъ мѣстной народной школы, поющимъ стройно: „Спаси Господи люди твоя......“ въ домъ священника Бермана, гдѣ, по доставленіи св. иконы въ Воложинъ, она поставлена была въ особенной, украшенной и освященной горницѣ. Свѣтлый и умѣренно теплый день благопріятствовалъ нашему духовному торжеству. Войдя въ горницу, гдѣ была поставлена срѣтаемая нами св. икона, мы начали пѣть молебенъ св. благовѣрному великому князю Александру и при пѣніи глубоко-умилительнаго тропаря: „познай свою братію, россійскій Іосифе....“ подняли святой, дорогой сердцу нашему образъ и торжественно понесли его къ церкви.

Когда я, неся надъ головою срѣтаемый образъ, вышелъ на крыльце дома, взору моему представилось зрѣлище глубоко-трогательное своимъ величіемъ и умилительностію: огромная масса народа, какъ бы по мановенію незримаго ангела, мгновенно осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ и низко поклонилась, какъ одинъ человѣкъ. Взоры всѣхъ впились въ святой образъ—царственный даръ царственнаго юноши.

Вдругъ два братчика, безъ всякаго предварительнаго указанія съ нашей стороны, какъ бы движимые незримою силою, отдѣлились съ своими хоругвями отъ прочихъ хоругвеносцевъ и стали по сторонамъ священно-служителей, осѣнивъ святыми хоругвями, какъ бы рипидами, несомые священниками—животворящій крестъ, святое евангеліе и царственный даръ—св. образъ Александра Невскаго. Еще громче, еще умилительнѣе слышались подъ открытымъ небомъ трогательныя слова тропаря: „познай свою братію, россійскій Іосифе....“

Здѣсь невольно вспомнилось намъ шествіе израиля съ ковчегомъ завѣта и прочею ветхозавѣтною святынею, несомою левитами въ землю обѣтованную,—ибо здѣсь—и священники, и хоругви осѣняющіе, въ видѣ рипидъ, животворящій крестъ, и св. евангеліе, замѣнившіе прообразовательный кивотъ. Но, вмѣсто костей Іосифа, сопутствовавшихъ сынамъ израиля, здѣсь ликъ угодника Божія, тезоименитаго нашему возлюбленному ЦАРЮ освободителю и отрадной надеждѣ нашей—Государю Наслѣднику. О, добро намъ такъ быти! Кто не былъ сего дня съ нами, тотъ, по истинѣ, лишилъ себя великаго утѣшенія!.

Но вотъ шествіе наше приблизилось къ церкви. Усердный звонарь ударилъ во всѣ колокола. Они и мѣдные, а какъ будто живые запѣли:

„Приди ты, немощный,
„Приди ты, радостный.
„Звонятъ ко всенощной,
„Къ молитвѣ благодатной.
„И звонъ смиряющій,
„Всѣмъ въ душу просится,
„Окрестъ сзывающій,
„Въ поляхъ разносится!“ и т. д.

Стихи К. Аксакова.

Вотъ уже мы и въ церкви. Она ярко освѣщена. Вотъ уже срѣтенный образъ положенъ на предуготованномъ столикѣ. Молебствіе продолжается. Отвсюду слышатся молитвенные вздохи усердныхъ богомольцевъ. Не земная, ангельская радость во взорахъ всѣхъ и каждаго.

Но вотъ уже молебствіе кончилось. Послѣ обычныхъ многолѣтствій и произнесенной мною рѣчи къ народу, всѣмъ усерднымъ богомольцамъ открылся свободный доступъ къ святому образу—и мы не въ состояніи выразить того умилительнаго благоговѣнія, съ которымъ они прикладывались къ дивному лику русскаго небожителя. Тысячи благожеланій изъ глубины сердецъ нашихъ полетѣло къ царственному юношѣ, такъ по царски, и скажемъ, такъ по русски, осчастливившему насъ!

Много чего мы перечувствовали, много передумали, смотря на эти сердечныя выраженія глубокаго чувства крѣпкой любви и непоколебимой преданности нашего народа къ царствующему нашему Дому. Передъ нами въ мысляхъ пронеслись и ужасающія душу картины послѣдняго ксендзовско - панскаго мятежа. Вспомнился вѣковой гнетъ ига польскаго, тяготѣвшаго надъ отцами нашими,—ихъ страданія, ихъ муки. Вспомнилось, какъ поляки ругались надъ нашими православными церквами, какъ они ихъ печатали, грабили, разоряли, сожигали, или въ аренду отдавали жидамъ. Вспомнилось, какъ священниковъ нашихъ изгоняли, всячески имъ досаждая,—били ихъ батогами, вырывали волосы изъ бороды, саблями кололи, увѣчили, или убивали. А народъ нашъ былъ у нихъ, по истинѣ, въ египетской неволѣ! Но, слава Всевышнему! Уже миновало то время, когда православному человѣку было охъ! какъ тяжело жить въ нашемъ краѣ,—когда господствовавшіе здѣсь поляки, по наущенію латинскихъ патеровъ, съ лютою злобою преслѣдовали нашу родную православную вѣру и старались стереть съ насъ всѣ слѣды родной нашей русской народности. Услужливая на этотъ разъ, наша память представила намъ въ утѣшеніе умилительно трогательныя изреченія Исаіи Пророка: „Рече Сіонъ: Остави мя Господь и Богъ забы мя.—Еда забудетъ мати отроча свое, яко непомянути изчадія чрева своего?—аще же и забудетъ то жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь. Се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя и предо

Мною еси присно“. (1)—Такъ точно, край нашъ всегда предъ лицемъ нашего Царственнаго Семейства и на рукахъ Его какъ бы написаны наши грады и веси. И когда бы и мать забыла дѣтище свое, Наша Августѣйшая Семья не забудетъ нашей православной церкви и искони русской земли нашей, неправильно когда то названной Литвою. Поэтому намъ нечего слишкомъ бояться поляковъ, исконныхъ враговъ нашихъ. Не напрасно же первосвятитель московскій св. Петръ Чудотворецъ пророчественно нѣкогда изрекъ о нашемъ Царствующемъ Домѣ: „Яко взыдутъ руки ихъ на плещи враговъ ихъ!“ до сихъ поръ судьба была къ намъ строга. Но благодареніе Богу, теперь все измѣняется къ лучшему—

Красно солнышко восходитъ,—
Исчезаетъ мракъ повсюду!
Милость Царская доходитъ
И къ простому люду!

Но вотъ братчики собрались въ богодѣльномъ домѣ и насъ приглашаютъ въ свое засѣданіе. Мы идемъ къ нимъ. Они всѣ единодушно просятъ насъ составить благодарственный адресъ Государю Наслѣднику за столь высокую Его къ намъ милость—и вотъ уже адресъ написанъ, подписанъ и посылается князю Александру Петровичу Мещерскому, съ покорнѣйшею просьбою поднести Его Государю Цесаревичу. А между тѣмъ причтъ, братство и прихожане воложинской церкви единодушно опредѣляютъ сдѣлать на свой счетъ къ дорогому намъ всѣмъ образу (2), хорошій кіотъ и купить серебряную лампадку. Опредѣленіе это будетъ исполнено въ возможной скорости.

Священникъ *Антоній Адамовичъ.*

22-го декабря 1865 г.

Освященіе церкви въ м. Быстрицахъ.

5-го декабря, при многочисленномъ стеченіи народа и 538 возсоединенныхъ, въ м. Быстрицахъ Виленскаго уѣзда, епископомъ ковенскимъ Александромъ освящена церковь во имя воздвиженія честнаго Креста. При освященіи присутствовали: начальникъ губерніи, члены церковно-строительнаго Комитета и многіе ревнители Православія, пріѣхавшіе изъ Вильны на это духовное торжество. Новоосвященная, Быстрицкая церковь устроена изъ костела, перешедшаго въ православное вѣдомство вмѣстѣ съ присоединившимися къ св. православной вѣрѣ прихожанами этого бывшаго костела. Крестьяне, по своей національности — русскіе, почувствовали родное въ богослуженіи

---

(1) Исаія. гл. 49—14, 15, 16.

(2) Образъ этотъ, какъ намъ извѣстно изъ письма князя Мещерскаго, постоянно находился въ горницѣ Государя Наслѣдника.

православнымъ; конечно, сохранились между ними преданія, что когда-то предки ихъ были православными, и они таили это преданіе отъ соглядатаевъ латинства; а нынѣ, когда гнетъ полонизма снятъ съ нихъ, сердце потребовало возвращенія къ своему родному. Вотъ, между прочимъ тайна успѣховъ православія среди окатоличенныхъ русскихъ селеній и семействъ!

Освященіе часовни въ деревнѣ Войшкахъ.

Постройка часовни въ дер. Войшкахъ, рыболовскаго прихода, Бѣльскаго уѣзда, во имя св. Архистратига Михаила, окончена и, съ разрѣшенія литовской духовной консисторіи, совершено освященіе 17-го октября 1865 года. Освященіе производено бѣльскимъ благочиннымъ, въ соучастіи священниковъ рыболовской и суражской церквей, которые прибыли на мѣсто съ крестнымъ ходомъ изъ рыболовской церкви, разстояніемъ въ трехъ верстахъ, при собраніи почти всѣхъ прихожанъ и многихъ постороннихъ лицъ. Къ сооруженію означенной часовни способствовали крестьяне дер. Войшки, которые пожертвовали 100 р. сер., не считая подвозки камня и чернорабочихъ.

Освященіе памятника на могилѣ священника Льва Зенковича.

Вотъ что сообщено объ этомъ изъ Ошмянъ: 1-го августа, въ праздникъ Честныхъ Древъ, при большомъ стеченіи народа и прибывшихъ изъ г. Ошмянъ нѣкоторыхъ русскихъ чиновниковъ съ своими семействами, въ мѣстечкѣ Крево, послѣ обѣдни и панихиды, совершенной соборнѣ, въ присутствіи военнаго начальника ошмянскаго уѣзда, открытъ и освященъ ошмянскимъ благочиннымъ, священникомъ Петровскимъ, памятникъ на могилѣ священника Льва Зенковича, занимавшагося болѣе 50 лѣтъ религіознымъ воспитаніемъ своихъ прихожанъ, обучая ихъ грамотѣ и церковному пѣнію. Памятникъ воздвигнутъ на небольшомъ піедесталѣ, сложенномъ изъ булыжнаго камня на извести, и состоитъ изъ большаго чугуннаго креста, на такой же четырехъ-гранной пирамидѣ, на которой вылиты слѣдующія, по четыремъ сторонамъ, надписи: 1) Священнику Кревской церкви Льву Зенковичу. 2) Родился 1789 года, умеръ 25-го мая 1864 года, священствовалъ 51 годъ. 3) Достойному пастырю признательные прихожане и общество русскихъ офицеровъ и чиновниковъ Ошмянскаго уѣзда устроили этотъ памятникъ. 4) Услышь, нашъ пастырь, надгробную пѣснь твоего прихода, поющаго Господу: „Со Святыми упокой". Чугунный памятникъ, устроенная кругомъ его такая же рѣшетка, отлиты на вишневскомъ заводѣ помѣщика Хрептовича, и стоятъ 215 руб.; на оставшіеся отъ подписки деньги 33 руб. предположено выписать въ кревскую церковь образъ соименнаго усопшему Святаго.

ОСТРОГСКАЯ ОРДИНАЦІЯ.

(Историческій очеркъ).

Подъ именемъ „острогской ординація" извѣстна особеннаго рода повинность, которая исполняется исключительно одними (разумѣется, не всѣми) жителями Волынской губерніи. Порядокъ исполненія этой повинности опредѣленъ въ 797—801 ст. т. V Св. Зак. (Уст. о податяхъ). На основаніи этого узаконенія, *острогская ординація* взимается только съ имѣній, принадлежавшихъ во времена польской республики князю Острожскому, и для которыхъ конституціями 1609 и 1624 гг. дозволено было учредить „ординацію".

Поводъ къ установленію этой повинности былъ слѣдующій. Знаменитый поборникъ русской народности и православія на Волыни, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій раздѣлилъ острогское имѣніе свое между сыновьями Янушемъ и Александромъ. Первый изъ нихъ, какъ воспитанникъ іезуитовъ, сдѣлался ревностнымъ поборникомъ р. католицизма; а послѣдній до смерти оставался въ православіи. Князь Янушъ, не имѣя наслѣдниковъ мужескаго рода и боясь, чтобы имѣнія, въ случаѣ его смерти, не достались, по силѣ наслѣдственнаго права, дѣйствовавшаго на Волыни. т. е. по силѣ Литовскаго Статута, нелюбимому имъ (въ слѣдствіе религіозныхъ распрей) брату Александру, исходатайствовалъ у польскаго правительства разрѣшеніе передать свое имѣніе въ родъ дочери своей Евфросиніи, княгини заславской, раздѣлявшей религіозныя убѣжденія своего отца. Въ случаѣ же пресѣченія и этого рода, имѣніе дожно было перейдти въ родъ сестры) Януша—Екатерины Радзивиллъ, которая также отторглась отъ православія.

Ходатайство княза Януша уважено и подтверждено конституціями 1609 и 1624 гг. Актъ этого порядка наслѣдованія названъ *ординаціей*.

Этими же конституціями установленъ и порядокъ исполненія воинской повинности, лежавшей въ то время исключительно на землевладѣльцахъ; именно: постановлено, чтобы владѣльцы ординаціонныхъ имѣній поставляли *на защиту края* 600 вооруженныхъ воиновъ.

Такимъ образомъ, имѣнія князя Януша, состоявшія изъ 80 городовъ и мѣстечекъ и 2,700 селеній, перешли сперва въ родъ князей заславскихъ, потомъ, по пресѣченіи этого рода (1675 г.), достались наслѣдникамъ сестры Януша-Радзивилламъ; по пресѣченіи же и этого рода, польская республика сама назначала наслѣдниковъ ординацій изъ кавалеровъ мальтійскаго ордена. Вслѣдствіе этого, имѣніями князя Януша владѣли князья Вишневецкіе, Любомирскіе, Сангушки.

Послѣдній владѣтель ординацкихъ имѣній, князь Александръ Сангушко, роздалъ до тысячи этихъ имѣній своимъ родственникамъ, друзьямъ и поссессорамъ (1753 г.). Понятно, что вслѣдствіе раздробленія такого громаднаго имѣнія, какъ ординацкое, исполненіе лежавшей на немъ повинности должно было или прекратиться, или же совершенно измѣниться. Такъ и случилось:—новые владѣльцы ординацій подняли между собою споръ о томъ, кому и въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ исполнять повинность? Даже многіе владѣльцы вовсе отказались отъ исполненія ординацкой повинности. Это обстоятельство, а также и то что ординацкія имѣнія населены были исключительно русскими крестьянами, которые, по существовавшему въ то время положенію, не имѣли права служить въ польскомъ войскѣ, дало поводъ Рѣчи Посполитой замѣнить исполненіе ординацкой повинности деньгами, подтверждено конституціею 1775 г. и сохраняетъ свою силу по настоящее время.

Такъ какъ исполненіе ординацкой повинности относилось прямо къ обязанности владѣльцевъ ординаціи, то и опредѣленная подать распредѣлена не по числу душъ, а съ имѣній вообще. Смыслъ постановленія означенной конституціи (1775 г.) подверждается 799 ст. Устава о податяхъ, гдѣ сказано:—„сборъ острожской ординація опредѣляется къ ежегодному поступленію не по числу душъ, но вообще съ имѣній, въ составъ ординаціи входящихъ".

Въ настоящее время считается въ Волынской губерніи ординацкихъ крестьянъ 78,118 мужчинъ и 81, 333 женщ. Ординацкой земли въ Волынской губерніи числится 690,106 десятинъ. Ординацкой подати ежегодно вносится въ казначейство Волынской губерніи 36,448 р. 55½ к. с.

Л. Крушинскій.

Литва и Польша, отвергающія латинство.

Обращаемъ вниманіе людей, которымъ ближе доступны подлинные источники и документы, относящіеся къ польской исторіи второй половины XVI вѣка, на весьма знаменательный эпизодъ ея, къ сожалѣнію, недостаточно разработанный и не вполнѣ уясненный польскими историками. Мы говоримъ о поголовной почти опозиціи римскому католицизму всего рыцарскаго стана и даже самаго духовенства, и — что весьма важно — въ такое время, когда Литва и Польша были въ апогеѣ своего умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія, въ такъ называемую польскими историками золотую эпоху czasów Zygmuntowskich. Мы не беремся рѣшить, въ нашемъ краткомъ очеркѣ, того: была ли эта дружная оппозиція протестомъ противъ крайней тогда распущенности латинскаго духовенства въ Польшѣ, подражавшаго своему прототипу въ

Римѣ, или это отрицаніе латинства скорѣе слѣдуетъ приписать общеславянскому стремленію къ свободѣ совѣсти къ отвращенію отъ ига религіознаго, въ образѣ святѣйшаго отца въ Ватиканѣ, деспотически распоряжающагося, ultra montes, душами вѣрующихъ. Заключеніе мы предоставляемъ сдѣлать самому читателю изъ изложенныхъ ниже, хронологически, фактовъ.

Замѣтимъ только предварительно, что въ отношеніи религіозномъ славянское племя имѣетъ большое сходство съ англо-саксонскимъ, обнаруживающимъ и въ настоящее время особенное стремленіе къ религіозному съ нами объединенію; исторія же говоритъ намъ, что если это племя еще въ XIV вѣкѣ произвело Виклефа, то и среди единоплеменныхъ намъ Чеховъ, еще задолго до реформаціи, явился Гуссъ († 1415), возставшій противъ неправды папизма во время самаго грознаго его могущества. Извѣстно также повсемѣстное стремленіе Славянъ къ богослуженію на родномъ языкѣ, независимому избранію слугъ Божіихъ изъ среды себя, непреодолимое отвращеніе къ молитвѣ на языкѣ чуждомъ, подъ руководствомъ пастырей — также изъ странъ чуждыхъ. Наши первоучители, святые Кириллъ и Меѳодій, дѣйствовали совершенно въ духѣ славянскихъ народностей, изучивъ предварительно ихъ языкъ и на него переведя Евангеліе. Короче, католицизмъ у славянскихъ народностей и представляетъ съ этой точки зрѣнія чуждый наростъ, обусловившій ненормальное развитіе духовной жизни. Нигдѣ не проявляетъ онъ такъ сильно своего разлагающаго дѣйствія, нигдѣ въ такой степени не портитъ народнаго характера, какъ у народовъ славянскихъ. Если романскому свойственно исповѣданіе римско-католическое, германскому — лютеранское, то славянской натурѣ всего родственнѣе — православное, избѣжавшее религіозныхъ крайностей, — и глубоко ошибается тотъ, кто думаетъ что олатиненное славянство окончательно сжилось съ латинствомъ. Живое выразительное опроверженіе тому представляетъ 1848 годъ, когда Чехи хотѣли совершенно отложиться отъ католицизма: во время пражскаго съѣзда, на площади св. Вячеслава была совершена обѣдня не римско-католическимъ епископомъ, а священникомъ православной церкви, на славянскомъ языкѣ, при стеченіи нѣсколькихъ тысячъ народа, молившагося объ избавленіи его отъ ненавистнаго латино-нѣмецкаго ига.

Зачатки опозиціи противъ латинства и въ Польшѣ появляются уже съ первыхъ временъ принятія поляками христіанства, когда въ XI столѣтіи король польскій Болеславъ храбрый казнилъ мятежнаго краковскаго епископа Станислава, за непризнаніе за королемъ власти подвергать имѣнія духовенства одинаковымъ съ другими подданными имущественнымъ налогамъ и повинностямъ. Римскій дворъ (папа Григорій VII) тогда же поспѣшилъ заявить молодому королев-

ству свое роковое влiянiе: мятежный епископъ былъ сопричтенъ папою къ лику святыхъ латинской церкви, король же преданъ анаѳемѣ, съ отнятiемъ какъ у него, такъ и его наслѣдниковъ королевскаго титула и съ освобожденiемъ его подданныхъ отъ присяги. Но полное и систематическое отрицанiе латинства началось при Сигизмундѣ I. и въ особенности развилось при Сигизмундѣ II Августѣ, когда реформа Лютера быстро распространялась въ Германiи и въ принадлежавшихъ тогда Польшѣ прусскихъ земляхъ. Въ тѣ доiезуитскiя времена Польша наслаждалась еще политическимъ благоустройствомъ и въ этомъ отношенiи стояла даже гораздо выше другихъ европейскихъ государствъ, терзаемыхъ политическими и въ особенности религiозными распрями. Тогда поляки не утратили еще общеславянской добродѣтели — вѣротерпимости, и радушно принимали у себя, гонимыхъ въ Европѣ, послѣдователей реформы Лютера. Тогда и шляхта не выродилась въ ту анархическую, антинародную корпорацiю эпохи поiезуитской, а была еще подобiемъ общеславянской общины или земледѣльческо-военною братчиною; тогда еще не деморализовалъ ее дикiй индивидуализмъ горсти магнатовъ-олигарховъ, которыхъ воспитала въ послѣдствiи таже роковая эпоха влiянiя iезуитскаго. Когда реформацiя начала распространяться въ Литвѣ и Польшѣ, латинское духовенство тотчасъ же поспѣшило противопоставить ему сразу сильный отпоръ, возобновивъ инквизицiю, которая около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ, въ началѣ XIV-го столѣтiя, была имъ установлена для воспрепятствованiя распространенiю чешской секты Вальденсовъ. Но возобновленная теперь инквизицiя, вмѣсто уничтоженiя лютеранизма, произвела противуположное дѣйствiе, такъ что когда въ 1521 году легатъ папскiй Захарiй Ферейра приказалъ, въ г. Торнѣ, сжечь въ его присутствiи портретъ и книги Лютера, то Поляки вырывали ихъ изъ огня и въ духовенство свое бросали каменьями. Реформацiя распространялась быстро и скоро охватила собою, исключая православныхъ подданыхъ обширнаго тогда королевства польскаго, цѣлыя массы шляхты, пановъ, жителей городовъ, селъ и мѣстечекъ. Протестанты польскiе не признали впрочемъ безусловно ученiй западныхъ реформаторовъ, а придали имъ болѣе или менѣе своеобразную форму, сообразную съ духомъ народнымъ и обычаями. Съ этою цѣлiю назначались, съ общаго согласiя, публичные съѣзды, на которыхъ дворяне, съ избранными изъ среды духовенства, разсуждали объ общихъ дѣлахъ новой вѣры, а возвращаясь затѣмъ по домамъ, изгоняли изъ содержимыхъ ими на свой счетъ костеловъ и монастырей латинскихъ ксендзовъ и монаховъ и мѣста ихъ предоставляли послѣдователямъ новой религiи. Множество ксендзовъ не только открыто стали приставать къ лютеранству, но даже и вступать въ супружество. Въ особенности много шуму надѣлала женитьба пробоща Кржчоновскаго, котораго защиту передъ

епископомъ Краковскимъ взяли на себя многіе изъ магнатовъ и шляхты, и между прочимъ знаменитый писатель польскій Рей изъ Нагловицъ. Въ этомъ же отношеніи особенно прославился также извѣстный писатель и историкъ Станиславъ Оржеховскій, бывшій каноникъ Пржемыскій. Никакого дѣйствія не производили на него проклятія епископа Пржемыскаго Яна Дзялускаго, — въ отвѣтъ на нихъ онъ вызвался самъ защищать себя на сеймѣ, въ присутствіи самого короля. Въ сильныхъ выраженіяхъ нападалъ онъ на печальныя слѣдствія безженства ксендзовъ и когда Дзялускій, и нѣкоторые изъ присутствующихъ епископовъ, просили короля Сигизмунда запретить ему продолжать далѣе, самъ король былъ уже не въ состояніи сдѣлать этого: сторону Дзялускаго держали только нѣсколько сенаторовъ, на сторонѣ же Оржеховскаго былъ весь рыцарскій станъ и въ томъ числѣ самые вліятельные магнаты того времени: Николай Радзивиллъ черный, воевода виленскій, Мартинъ Зборовскій, воевода калишскій, Андрей Гурка, генералъ великопольскій, Рафалъ Лещинскій, воевода куявскій и множество другихъ изъ первыхъ польскихъ фамилій. Мы съ намѣреніемъ упоминаемъ объ этихъ лицахъ чтобы показать потомъ, какъ круто повернули ихъ совѣстью іезуиты, цѣлая орда которыхъ наводнила въ скоромъ времени всю Польшу. На этомъ же сеймѣ въ первый разъ открыто заявлено было требованіе кореннаго преобразованія правъ духовенства, установленія богослуженія на польскомъ языкѣ, разрѣшенія имѣть женъ духовенству, причащенія подъ двумя видами и уничтоженія епископскихъ судовъ. Такимъ образомъ поляки требовали того же самаго, чего за сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ добивалось другое славянское племя—Чехи, и за что клевреты Ватикана предали въ Констансѣ мученической смерти на кострѣ знаменитаго Гусса. На сеймѣ слѣдующаго 1552 года, въ Піотрковѣ, король предложилъ главнымъ предметомъ обсужденія оборону границъ отъ враговъ,—но сеймъ почти единогласно соглашался заняться этимъ предложеніемъ только тогда, *когда избавятся отъ гораздо опаснѣйшаго внутренняго врага, то есть ксендзовъ*, преданныхъ чуждому Риму. Значитъ, уже триста лѣтъ тому назадъ, въ лучшія времена Рѣчи Посполитой, сознавалась ненормальность зависимости отъ римской куріи и ея фанатическихъ клевретовъ. Достойно вниманія одно изъ постановленій того же самаго сейма, свидѣтельствующее, до какой степени нравственнаго паденія дошло въ Польшѣ преданное Риму латинское духовенство того времени; постановленіемъ этимъ предоставлялось епископамъ быть судьями въ дѣлахъ вѣры, но не въ дѣлахъ нравственности (z strony religii nikomu inszemu uznanie nie nalczy, kto dobrze, albo zle wierzy, jedno biskupom; lecz około poczeiwości nie onych to sąd). Между тѣмъ дѣло объ отложеніи отъ Рима шло постепенно впередъ, и у короля Сигизмунда Августа созрѣлъ уже

планъ провозглашенія въ Польшѣ реформы костела, на подобіе того, какъ въ Англіи англиканская церковь возникла тоже изъ нѣдръ католицизма. Планъ этотъ, котораго первоначальный проэктъ приписываютъ Яну Ласкому, нашелъ множество приверженцевъ во всѣхъ классахъ тогдашняго общества,— и даже первенствующее духовное лице въ Польшѣ, примасъ гнѣзненскій, епископъ уханскій, имѣлъ намѣреніе отложиться отъ католицизма и принять независимое отъ папскаго престола патріаршее достоинство. Но прежде, нежели дѣйствовать рѣшительно, положено испробовать мѣры взаимнаго соглашенія, и потому въ 1556-мъ году отправлено къ папѣ Павлу IV посольство, которое, именемъ короля Сигизмунда Августа и народа польскаго, должно было требовать его согласія: во 1-хъ, на отправленіе богослуженія на польскомъ языкѣ, во 2-хъ, на причащеніе подъ двумя видами, въ 3-хъ, на браки духовныхъ, въ 4-хъ, на уничтоженіе аннатъ, то есть платы, которую духовные должны были посылать римскому двору при полученіи бенефицій, и въ 5-хъ, на соборъ народный, который установилъ бы на прочныхъ началахъ господствующее народное исповѣдываніе вѣры. Встревоженный папа, вмѣсто отвѣта, поспѣшилъ выслать нунція своего Алоизія Липомани, уполномочивъ его къ употребленію всяческихъ мѣръ для воспрепятствованія планамъ Сигизмунда Августа. Первымъ дѣломъ нунція было созваніе, въ томъ же 1556 году, собора въ Ловичѣ, на которомъ онъ старался прежде всего склонить на свою сторону духовенство, среди котораго было въ то время уже не мало лицъ, не считавшихъ слѣпаго подчиненія Риму необходимымъ условіемъ для духовнаго блага ихъ католической паствы. На сеймѣ, въ слѣдующемъ затѣмъ году, въ Варшавѣ, нунцій Липомани долженъ былъ имѣть дѣло со съѣхавшеюся со всѣхъ сторонъ шляхтою и много труда и искусства нужно было употребить ему, чтобы усмирить поднятую народомъ противъ Рима бурю. Хитростью, разными уступками и обѣщаніями удалось ему согласить сеймъ на томъ, чтобы не допускать въ Польшѣ литургіи на польскомъ языкѣ и причащенія подъ двумя видами, но въ замѣнъ того онъ торжественно призналъ *право совершенной свободы для всѣхъ исповѣданій въ Польшѣ, наравнѣ съ римско-католическимъ*. Въ эти-то лучшія времена Рѣчи Посполитой Сигизмундъ Августъ издалъ свою знаменитую грамоту (17 іюня 1563 года), отличающуюся благороднымъ безпристрастіемъ, относительно его подданныхъ Руси Литовской. „Во вниманіе къ тому, говоритъ король, что католики, равно и православные, въ предшествовавшія царствованія его предковъ и въ дни царствованія его самого, всегда исполняли служебныя обязанности свои вѣрно и усердно, онъ, съ согласія государственнаго совѣта, постановляетъ: отнынѣ должны состоять на одинакихъ правахъ и пользоваться въ литовскомъ княжествѣ свободно одними и тѣми же дворянскими земскими преиму-

ществами, не только тѣ литовскіе дворяне и бояре съ потомками своими, которые находятся въ послушаніи римской церкви и которыхъ предки получили отъ Польши клейноты или гербы, но и всѣ прочія лица христіанской вѣры, принадлежащія къ сословію дворянъ литовскаго и русскаго народа, которыхъ предки не заимствовали отъ Польши гербовъ. Посему какъ Литовцы, такъ и Руськіе дворянскаго происхожденія, исповѣдующіе вѣру христіанекую, безъ различія—католики они или православные—должны быть назначаемы къ исправленію должностей государстенныхъ, придворныхъ и земскихъ, каждый по мѣрѣ своихъ способностей и оказанныхъ отечеству заслугъ, и уже никто не можетъ быть устраняемъ отъ занятія должностей по причинѣ религіозныхъ христіанскихъ своихъ вѣрованій, какъ то допускалось прежде, на основаніи городельскало акта 1413 года." Мы увидимъ, что сталось въ скоромъ же времени съ этими правами русскихъ и православныхъ дворянъ подъ несчастнымъ для страны вліяніемъ іезуитовъ! Глухая борьба противъ Рима не ослабѣвала между тѣмъ и обнаружилась съ новою силою при первомъ представившемся случаѣ. 4-го декабря 1563 года кончилъ свои работы знаменитый соборъ Тридентскій, и папа Пій IV прислалъ въ Польшу легата своего Франциска Комендони съ порученіемъ выхлопотать принятіе положеній собора, а вмѣстѣ съ тѣмъ отговорить короля отъ проэктированнаго народнаго собора, для окончательнаго установленія народнаго исповѣданія. Непреодолимый отпоръ встрѣтилъ Комендони, какъ въ представителяхъ народа, такъ и въ самомъ духовенствѣ, и примасъ гнѣзненскій, упомянутый нами епископъ уханскій, требовалъ предварительнаго критическаго разбора положеній тридентскаго собора на сеймѣ и въ совѣтѣ короля. То есть, какъ мы видимъ, Польша, за сто слишкомъ лѣтъ до Франціи, домагалась того, чего послѣдняя достигла при Лудовикѣ XIV, благодаря энергіи Боссюэта и установленію галликанскихъ ограниченій догмата о непогрѣшимости римскаго папы. Польша же, при своей политической безтактности, лишилась и послѣднихъ признаковъ религіозной свободы, сдѣлавшись самымъ жалкимъ орудіемъ въ рукахъ роковаго въ историческихъ судьбахъ ея ордена іезуитовъ. Такимъ образомъ и въ вышесказанномъ случаѣ, по поводу обсужденія положеній тридентскаго собора, все дѣло кончилось тѣмъ, что Сигизмундъ Августъ, для наружнаго успокоенія Рима, обѣщалъ принять къ руководству правила собора, хотя на самомъ дѣлѣ и не думалъ приводить ихъ въ исполненіе. Напротивъ того на слѣдующихъ сеймахъ возобновились прежнія требованія литургіи на народномъ языкѣ, причащенія подъ двумя видами, браковъ ксендзовъ и непосыланія аннатъ въ Римъ, результатомъ чего было изданіе нѣсколькихъ новыхъ законовъ, ограничивающихъ произволъ епископовъ въ духовныхъ судахъ, новыя обезпеченія для Польши по-

женіе свободы другихъ исповѣданій и окончательное уничтоженіе аннатъ, которыя съ этихъ поръ положено употреблять на защиту республики (aby annaty, które dotąd Rzymowi dawano, zostały odtąd w Koronie na obronę Rzeczypospolitéj). Затѣмъ на піотрковскомъ сеймѣ въ 1567 г. возобновлено было требованіе о созваніи народнаго собора, для прочнаго обезпеченія исповѣданія, но открывшаяся война съ Россіею, бунтъ въ Данцигѣ и въ Пруссіи отвлекли вниманіе сейма отъ дѣлъ внутреннихъ, обративъ его на защиту края. Число диссидентовъ въ Литвѣ и Польшѣ возрасло между тѣмъ до огромной цифры; не говоря уже о православныхъ которые съ давнихъ поръ населяли собственную Литву, Бѣлоруссію, Подолію, Волынь, Украйну и юго-восточную часть самой Польши (епархія Львовская, Пршемыская, Владимірская, Луцкая, Хелмская, Пинская), въ остальныхъ провинціяхъ жили также не римско-католики, а лютеране и кальвинисты, именно въ Ливоніи, Литвѣ и принадлежавшей тогда Польшѣ восточной Пруссіи, такъ что римско-католики оставались только въ собственной Польшѣ—и то одинъ простой народъ, да меньшинство въ другихъ провинціяхъ. Почти вся высшая администрація Рѣчи-Посполитой была въ рукахъ диссидентовъ, такъ что, основываясь на показаніяхъ Любенецкаго, Цихоцкаго, Несѣцкаго и другихъ, приходится допустить слѣдующее число высшихъ должностей, занимаемыхъ во второй половинѣ XVI вѣка диссидентами. Каштелановъ краковскихъ и воеводъ не римско-католиковъ было тогда до 50; каштеляновъ старшихъ и старостъ жмудскихъ 40, каштеляновъ младшихъ болѣе 100, великихъ гетмановъ коронныхъ и литовскихъ—8, полевыхъ гетмановъ коронныхъ и литовскихъ— 2, великихъ маршаловъ коронныхъ и литовскихъ—5, надворныхъ маршаловъ—2, великихъ канцлеровъ—5; великихъ подскарбіевъ—4, генераловъ великопольскихъ и маршаловъ сеймовыхъ—6.

Разсматривая появленіе диссиденства или разновѣрства въ Литвѣ и Польшѣ, при огромномъ перевѣсѣ при томъ въ ихъ народонаселеніи элемента православнаго, со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, трудно въ событіи этомъ найти что либо аномальное, или противорѣчащее обыкновеннымъ законамъ историческаго развитія. Оно возникло постепенно, безъ посторонняго искуственнаго вліянія, безъ потрясеній, въ слѣдствіе одних вопіющихъ злоупотребленій латинскаго духовенства и присущаго славянину стремленія къ свободѣ совѣсти. Вотъ почему и не въ Польшѣ родилась мысль насильственнаго уничтоженія совершившагося; она родилась тамъ, гдѣ въ подобномъ порядкѣ вещей видѣли утрату вліянія и матеріальныхъ выгодъ. Историческій фактъ не согласовался съ интересами Ватикана и тамъ-то рѣшено было сломить его, не отступая, по обыкновенію, ни передъ какими средствами для достиженія предположенной цѣли, съ употребленіемъ въ дѣло, какъ орудія, уже прославившагося тогда въ этомъ отношеніи, об-

щества Іисусова (societas Jesu). Въ этихъ видахъ, для предварительнаго изслѣдованія дѣла на мѣстѣ, командированъ былъ іезуитъ Петръ Канизіусъ который, прибывъ въ Польшу въ 1558 году, тотчасъ же приступилъ къ дѣлу, и для собранія нужныхъ матеріаловъ вошелъ въ сношенія съ высшимъ духовенствомъ и со всѣми вліятелными людьми, такъ что чрезъ нѣсколько времени былъ въ состояніи сдѣлать подробное донесеніе Риму объ упадкѣ латинства въ Польшѣ и о средствахъ помочь дѣлу. Вслѣдъ затѣмъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, начали прибывать въ Литву и Польшу іезуиты, сначала небольшими партіями, потомъ основывать въ разныхъ мѣстахъ коллегіи, такъ что онѣ вскорѣ покрыли, какъ сѣтью, обширную въ то время Рѣчь Посполитую и выжидали только случая, чтобы, опираясь на подготовленныхъ, извѣстными іезуитамъ способами, агентахъ въ разныхъ слояхъ общества,— начать уже дѣйствовать открыто и энергически. Случай этотъ представился со смертію, въ 1572 году, послѣдняго изъ Ягеллоновъ—Сигизмунда II Августа, когда нужно было добиться прежде всего избранія въ короли человѣка, который бы способствовалъ ихъ тайному намѣренію къ водворенію латинства силою. Образовались, по польскому обыкновенію, конфедераціи, предлагавшія въ короли своихъ кандидатовъ,—главнымъ же условіемъ избранія, въ которомъ соглашались всѣ, было то, *чтобы король былъ не римско-католикъ* и, передъ вступленіемъ на престолъ *далъ присягу въ сохраненіи полной свободы всѣхъ вѣроисповѣданій* въ соединенныхъ уже тогда (1569) политическою уніею Литвѣ и Польшѣ. Здѣсь-то въ первый разъ конфедераты, говоря о себѣ, употребили выраженіе, что они dissidentes de riligione, почему съ этихъ поръ всѣ не римско-католики получили въ Польшѣ названіе диссидентовъ. Но восьмилѣтнее пребываніе іезуитовъ а также вліяніе легата папскаго Комендони, оказало теперь свою силу: выбранъ былъ въ 1573 г. младшій братъ французскаго короля Карла IX Генрихъ Валуа (Валезіушъ), тотъ самый, который незадолго передъ тѣмъ такъ безчеловѣчно отличился въ страшной рѣзнѣ гугенотовъ (французскихъ протестантовъ), въ ночь св. Варѳоломея 24 августа 1572 года и во многихъ другихъ религіозныхъ продѣлкахъ свирѣпствовавшихъ въ то время во Франціи. Такого-то бѣшеннаго фанатика и нужно было іезуитамъ, для достиженія ихъ темныхъ цѣлей; только, къ счастію, на этотъ разъ торжество ихъ продолжалось не долго, потому что 18 іюля 1574 года умеръ Карлъ IX, Генрихъ сдѣлался наслѣдникомъ французскаго престола и на этомъ основаніи формально бѣжалъ изъ Польши во Францію. При послѣдовавшемъ затѣмъ выборѣ, 14 декабря 1575 года, въ короли князя Седмиградскаго Стефана Баторія, какъ будто посчастливилось диссидентамъ; Баторій до того времени по крайней мѣрѣ слылъ сторонникомъ диссидентовъ. Но что современемъ сдѣлали изъ него іезуиты, усиливая съ систе-

матическою постепенностію свое роковое вліяніе на страну и націю? Баторій подъ конецъ до такой степени отдался іезуитамъ и ихъ видамъ, что едва ли, подобно египетскимъ царямъ, не считалъ ихъ равными себѣ по власти, бралъ ихъ всюду съ собою въ качествѣ совѣтниковъ, во время же его походовъ они состояли при его штабѣ. для насильственнаго обращенія въ латинство, напр., Ливонцевъ, а ихъ кирокъ— въ костелы. Извѣстна его поговорка „si rex non essem, jesuita essem.“ Удивительнѣйшія метаморфозы начали затѣмъ происходить и съ либеральными магнатами, шляхтою и вліятельными горожанами. Напр. князь Николай Радзивиллъ, сначала великій маршалъ литовскій, а потомъ воевода виленскій, послѣ торжественнаго принятія латинства, уничтожилъ всѣ заведенныя его отцомъ школы для диссидентовъ, отобралъ у нихъ типографію въ Брестѣ-Литовскомъ, назначилъ большую въ то время сумму въ 5,000 червонцевъ, на выкупъ всѣхъ изданныхъ ею книгъ, въ особенности библій, чтобы торжественно сожигать ихъ на рынкѣ въ Вильнѣ. Наконецъ, совершивъ, по внушенію іезуитовъ благочестивое путешествіе въ Іерусалимъ, пригласилъ ихъ за тѣмъ въ свой городъ Несвижъ, и пожертвовалъ огромную сумму денегъ для основанія тамъ ихъ коллегіи. Другой братъ Георгій Радзивиллъ, послѣ того, какъ обращенъ былъ въ латинство, выбралъ себѣ, по внушенію іезуитовъ, духовное званіе и отправился даже въ Римъ, для вступленія самому въ общество іезуитовъ, но тогдашній генералъ общества, Аквавива, разсчитывая, какую огромную пользу можетъ магнатъ этотъ принести со временемъ латинству, не принялъ его, уговоривъ возвратиться въ отечество. Не менѣе пользы извлечено было и отъ обращенія остальныхъ двухъ братьевъ, Войцеха и Станислава, который подарилъ, напр., іезуитамъ мѣстечко Лукишки подъ Вильной и сдѣлалъ большія пожертвованія, для основанной ими въ то время академіи въ Вильнѣ. Такимъ же образомъ привлечены изъ православія въ латинство Янъ-Кароль Ходкевичъ, старый кальвинистъ, староста жмудскій и губернаторъ Ливоніи, Ульрихъ Гозіусъ, братъ кардинала, Янъ Замойскій, княгиня Радзивиллъ, урожденная княжна Вишневецкая и множество другихъ,—причемъ всякое обращеніе сопровождалось и большими матеріальными выгодами для ордена. Диссиденты, не соглашавшіеся перейти въ латинство, были теперь систематически удаляемы отъ всѣхъ мѣстъ и должностей, и даже совершенно лишены наконецъ правъ служенія Рѣчи Посполитой, оставаясь только ея подданными, на всѣхъ же важнѣйшихъ постахъ государственной и общественной службы появились покорнѣйшіе слуги и орудія ордена. Забравъ въ свои руки людей вліятельныхъ, іезуиты, разумѣется, не упустили изъ виду и школы, какъ самыя дѣйствительныя средства для заблаговременнаго подготовленія для себя потребныхъ дѣятелей на будущее время.

Такимъ образомъ эти неумолимые исполнители темныхъ велѣній Ватикана, постепенно овладѣвая совѣстью народа и располагая притомъ значительными денежными средствами, до такой степени зачаровали наконецъ своихъ слѣпыхъ послѣдователей, что неслыханныя религіозныя насильства сдѣлались дѣломъ обыденнымъ и не возмущали уже болѣе тѣхъ недавнихъ еще отрицателей латинства съ его ложью и фанатизмомъ; доказательствомъ того— извѣстныя неистовства іезуитовъ при введеніи уніи между православными подданными Рѣчи Посполитой. Опустимъ здѣсь возмутительныя подробности того, съ какою послѣдовательностію и усердіемъ уничтожали іезуиты всѣ православныя древности и памятники, какъ, благодаря имъ, подверглись сожженію на кострахъ письменные историческіе документы, сборники пѣсенъ, сочиненія о язычествѣ, какъ и гдѣ истреблены были всѣ свѣтскія типографіи и вырваны съ корнемъ всѣ попытки къ народному образованію. Нечего по этому искать теперь памятниковъ *древнѣйшей* Руси, ни въ замкахъ вельможъ, ни на площадяхъ и улицахъ здѣшнихъ грязныхъ мѣстечекъ, ни въ архивахъ. Остался только одинъ памятникъ— это крестьянство, которое, хотя и низведенное на степень рабства, уцѣлѣло, какъ гранитный столпъ, во всей чистотѣ, не смотря на козни іезуитскія: оно сохранило, вмѣстѣ съ языкомъ, нравы и обычаи своихъ отцовъ и хранитъ все это, какъ святыню, до настоящаго времени. Въ эту-то эпоху всемогущества іезуитовъ уже не зачѣмъ было агитировать имъ въ пользу избранія въ короли своего кандидата: они прямо подготовили его воспитаніемъ еще съ малолѣтства и когда, въ 1587 году, умеръ Стефанъ Баторій, креатура ихъ *должна* была вступить на престолъ Польскій. Это былъ прославившійся своимъ изувѣрствомъ Сигизмундъ III, сынъ Шведскаго короля Іоанна III Вазы, отъ брака его съ Екатериною Ягеллонкою, руководившеюся во всемъ мнѣніями кардинала Гозіуса и іезуита Варшевицкаго. Окруженный іезуитами Скаргою, Высоцкимъ, Гербуртомъ, Вуйкомъ, Голинскимъ и другими, Сигизмундъ III, въ теченіи своего 45-лѣтняго царствованія, остался вѣренъ навязаннымъ ему и роковымъ для Польши убѣжденіямъ, что всѣ вѣры, кромѣ латинской, ведутъ къ погибели (а большая половина его подданныхъ была православною), что самая великая заслуга короля состоитъ въ томъ, чтобы привести къ латинству ввѣренные ему народы и вѣротерпимость— эта коренная добродѣтель племенъ славянскихъ— есть грѣхъ, который не искупятъ никакія заслуги передъ Богомъ. За самыя вопіющія неистовства противъ диссидентовъ и схизматиковъ, какъ называли христіанъ православныхъ, Сигизмундъ торжественно, въ присутствіи двора, получалъ отпущеніе (rozgrzeszenie) отъ исповѣдника своего іезуита Голынскаго. Нетерпимость стали проповѣдовать іезуиты съ амвоновъ по цѣлому королевству. Недавно еще богатая литература польская

упала, заключившись вся въ хвалебныхъ одахъ магнатамъ—благодѣтелямъ іезуитовъ; шляхтичъ обязывался честнымъ словомъ не читать сочиненій, неправившихся іезуитамъ, а плебею угрожала за это смертная казнь или конфискація имущества—szlachcicowi pod uczciwością, plebejowi pod gardłem i konfiskacyą dóbr zakazano. Вотъ какъ горсть іезуитовъ этихъ рьяныхъ блюстителей пользъ Ватикана, а не Польши разумѣется,—успѣла въ нѣсколько десятковъ лѣтъ перевоспитать націю, или дѣтей тѣхъ самыхъ отцовъ, которые осмѣлились желать, для блага своего отечества, отдѣленія отъ ультрамонтанскаго Рима! И Мицкевичъ въ своихъ парижскихъ лекціяхъ о славянскихъ литературахъ, совершенно справедливо говоритъ: „Что же это была за страшная сила, которая подняла народъ польскій, двинула его на русскія земли и отбросила за Днѣпръ русскую народность? *Это было колоссальное могущество римской церкви*, которая приняла подъ свое покровительство *польское дѣло*, и оно сдѣлалось *ея собственнымъ дѣломъ*.“ Но Мицкевичъ не хотѣлъ видѣть, что польское дѣло, слившись, какъ мы выше видѣли, такимъ страшно-насильственнымъ способомъ съ дѣломъ римской церкви, утратило тѣмъ самымъ характеръ органически развивавшагося народнаго дѣла и стало для Польши тѣмъ, чѣмъ было дѣло латинскаго изувѣра Филиппа II для Испаніи, лишившейся, благодаря его солидарности съ Ватиканомъ, всѣхъ самыхъ счастливыхъ задатковъ и матеріальнаго духовнаго благосостоянія. Какъ Испанію солидарность съ Римомъ лишила Нидерландовъ, Португалліи богатѣйшихъ американскихъ колоній и ея внутренняго благосостоянія такъ точно и Рѣчь Посполитую лишила—Малороссіи, Бѣлоруссіи, Литвы и подготовила внутреннее разложеніе, кончившееся извѣстною катастрофою. Религіозное движеніе въ Польшѣ во второй половинѣ XVI вѣка было, въ сущности, весьма естественнымъ стремленіемъ къ отдѣленію интересовъ латинской церкви отъ государства и народа, въ большей массѣ не принадлежавшихъ латинству, и потому естественно преслѣдовавшихъ свои государственныя и народныя цѣли, далеко не совпадавшія съ цѣлями чуждаго царя-первосвященника. Сосѣднія католическія государства конкордатами, болѣе или менѣе ограничивавшими самовластіе Ватикана, обезпечили себѣ правильное развитіе государственной и народной жизни,— Польша же, предавшись іезуитамъ усвоила себѣ латинство въ самомъ злокачественномъ ультрамонтанскомъ его значеніи и въ слѣдствіе того сдѣлалась съ теченіемъ времени самымъ послушнымъ и слѣпымъ орудіемъ чужой для нея исторической задачи римскаго первосвященника. Задача эта уясняется нѣсколько изъ того, что отложившись отъ единенія съ греко-восточною каѳолическою церковью, папа совершенно равнодушно смотрѣлъ на гибель христіанства въ Византіи подъ ударами послѣдователей ислама, или, въ виду грозившей во-

сточному христіанству опасности, выторговывалъ у послѣдняго императора согласіе на присоединеніе его съ народомъ къ латинству. А такъ какъ греко-восточное православіе преемственно перешло въ церковь русскую и отношеніе къ ней главы латинства, весьма естественно, осталось тоже самое, что и къ православію Византіи, то латинская Польша сдѣлана была съ этихъ поръ орудіемъ Рима, въ преслѣдованіи его прямой цѣли или, пожалуй, исторической задачи олатиненія черезъ Польшу православной Руси. Но можетъ ли существовать то государство, которое въ теченіи цѣлыхъ столѣтій систематически подвергаетъ судьбу составляющихъ его народовъ вліяніямъ чуждымъ, мотивированнымъ преимущественно фанатизмомъ и религіозною нетерпимостью? Въ Европѣ нантскій эдиктъ Людовика XIV-го, въ концѣ XVII столѣтія, былъ послѣднимъ событіемъ нетерпимости, въ Польшѣ же до конца XVIII-го нетерпимость эта, благодаря укоренившемуся вліянію Рима, продолжала быть постояннымъ мотивомъ внутреннихъ раздоровъ и волненій. Разумѣется, что такой порядокъ долженъ былъ привести наконецъ къ внѣшней интервенціи сосѣдей, которая положила конецъ существованію государства, уже давно не жившаго *своею* жизнію.

(Вил. Вѣстн.)

ПО ПОВОДУ ЛОНДОНСКАГО МИТИНГА О ЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ. (*)

Письмо князя Н. А. Орлова къ С. А. Маслову, напечатанное въ № 267 *Московскихъ Вѣдомостей* за прошлый г., обратило на себя вниманіе въ Англіи, и самый вопросъ о единеніи церквей подвергся обсужденію какъ въ газетахъ, такъ и на нѣкоторыхъ митингахъ. Между прочимъ, герцогъ Аргайль, предсѣдательствуя, 9-го января, въ годичномъ собраніи національнаго библейскаго общества Шотландіи въ Глазго, высказалъ нѣкоторыя сомнѣнія по этому вопросу. „Мы всегда должны помнить“, сказалъ онъ, „что связи съ одною категоріей людей нерѣдко влекутъ за собою еще большее разъединеніе съ другою“, и въ данномъ случаѣ онъ указалъ на предложеніе князя Орлова,—предложеніе, которое, по словамъ герцога, безъ сомнѣнія, вполнѣ соотвѣтствовало видамъ тѣхъ лицъ, которыя съ обѣихъ сторонъ собирались на митингъ,— чтобы въ Англіи издавались книги, объясняющія во всей подробности исторію англиканской церкви, ея ученіе и настоящее положеніе, съ цѣлью доказать, почему она не есть церковь протестанская, а каѳолическая, и почему она близка къ

(*) Смотри Вѣстн. Зап. Россіи кн. 5 Отд. IV. Стр. 225.

церкви восточной. Такимъ образомъ, по мнѣнію герцога Аргайля, великая цѣль единенія церквей заключается въ томъ, чтобы показать все болѣе и болѣе возрастающее различіе между церковью англиканскою и другими протестантскими церквами. Сверхъ того, по мнѣнію герцога, для очень многихъ соединеніе христіанскихъ церквей означаетъ только водвореніе надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ одного и того же церковнаго владычества. Но для успѣха христіанства, по мнѣнію герцога Аргайля, прежде всего необходима свобода совѣсти отдѣльныхъ лицъ и независимость другъ отъ друга отдѣльныхъ церквей.

Daily News стоитъ въ этомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія герцога Аргайля; но въ газетѣ *Guardian*, отъ 3-го января, мы находимъ по этому предмету слѣдующую замѣчательную статью, которую сообщаемъ съ небольшими сокращеніями:

„Нѣсколько недѣль тому назадъ, говоритъ *Guardian*, именно 15-го ноября 1865 г., собирался частный митингъ, на коемъ присутствовало много лицъ съ большимъ вѣсомъ и по характеру, и гдѣ было высказано желаніе содѣйствовать единенію христіанскихъ церквей Англіи, Америки и Востока. Такое желаніе независимо отъ нѣкоторыхъ частныхъ условій или пунктовъ этого единенія, едва ли можетъ быть порицаемо даже самыми ожесточенными противниками нашей общей религіи. Надобно было предположить существованіе нѣкоторыхъ предварительныхъ условій, кои могли бы съ извѣстною, хотя бы наружною, основательностью подвергнуться порицанію, для того, чтобъ это дѣло уронить во мнѣніи христіанскаго общества. Такой именно образъ дѣйствій былъ усвоенъ тѣми журналистами, кои во всякое время готовы чернить побужденія и образъ дѣйствій ревностнѣйшихъ членовъ англійской церкви. Основываясь на свѣдѣніяхъ, не совсѣмъ точныхъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ,—свѣдѣніяхъ сообщенныхъ въ одномъ частномъ письмѣ, напечатанномъ въ Москвѣ, эти публицисты представляютъ движеніе въ такомъ видѣ, какъ будто бы оно направлено къ измѣненію основныхъ пунктовъ ученія англійской церкви и ко введенію въ нее всего того, что соблюдается, или принято въ церквахъ восточныхъ. Нѣтъ надобности доказывать, что подобное обвиненіе не можетъ имѣть здѣсь мѣста. Догматы, исповѣдуемые нами, за немногими исключеніями, тѣ же самые, что и догматы христіанъ Востока, и грекамъ не настоитъ ни отвергать постановленія Тридентинскаго собора, ни забывать вѣроученія папы Пія. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ ихъ обрядовъ мы не можемъ принять. Но никто и не предлагалъ, чтобы наше несогласіе въ этомъ отношеніи было или выставляемо на видъ, или совершенно устранено.

„Но хотя между англійскою церковью и церквами восточными нѣтъ собственно отличія въ самомъ ученіи, однако между ними нѣтъ дѣйствительнаго общенія и нѣтъ обмѣна ва-

мѣнныхъ услугъ, которыя могли бы оказывать другъ другу различныя вѣтви христіанской церкви. Это практическое разъединеніе мы наслѣдовали отъ нашей прежней связи съ Римомъ. Папскія анаѳемы, разразившіяся надъ Константинополемъ около тысячи лѣтъ тому назадъ, навязали намъ то отчужденіе, въ которомъ мы играемъ роль только невинныхъ жертвъ. Когда намъ удалось свергнуть съ себя узурпацію Рима, то явилась возможность прекратить разрывъ въ Востокомъ; но тогдашнія обстоятельства были неблагопріятны для такихъ начинаній, у обѣихъ сторонъ и безъ того было достаточно дѣла. На западѣ папа и Испанія, а на востокѣ турки не оставляли тѣмъ, противъ кого была направлена ихъ вражда, досуга для опредѣленія условій единенія между столь отдаленными братьями: невѣжество на Востокѣ и высокомѣріе въ Англіи, въ свою очередь, устраняли мысль о примиреніи, и теперь, когда мы начинаемъ смотрѣть на этотъ предметъ подъ вліяніемъ побужденій, какія внушаетъ намъ само Евангеліе, мы встрѣчаемся съ тѣмъ унизительнымъ для насъ затрудненіемъ, что мы даже не знаемъ другъ друга настолько, чтобъ ясно разумѣть, въ чемъ именно мы различаемся другъ отъ друга. Устранить это обоюдное незнаніе другъ друга было бы первымъ шагомъ къ сближенію, и съ этою-то цѣлью образовались общества какъ въ Англіи, такъ и Америкѣ, и были наряжены комитеты отъ нашей собственной духовной конвокаціи и отъ американскаго духовнаго конвента. Легко можетъ статься, что подобныя изысканія раскроютъ предъ нами болѣе значительныя различія въ нашихъ обрядахъ, нежели какихъ мы желали, или ожидали бы. Но спрашивается: за кого мы себя принимаемъ, если думаемъ, что мы только одни непогрѣшительно правы, при всякомъ отличіи, которое оказалось бы или въ обрядахъ, или въ ученіи обѣихъ церквей? Подобнаго убѣжденія по необходимости должна держаться латинская церковь; но для насъ оно вовсе не существенно, и менѣе всего вѣрять въ необходимость подобнаго убѣжденія тѣ скептики, намѣреніямъ коихъ въ настоящую пору наиболѣе соотвѣтствуетъ бить тревогу по поводу вызваннаго ими самими призрака какихъ-то измѣненій въ нашей церкви. До насъ дошли разсказы отъ времени крымской войны о безхитростной вѣрѣ и благочестіи русскихъ изъ простаго народа,—вѣрѣ и благочестіи, которыя, по меньшей мѣрѣ, вполнѣ согласны съ истиннымъ духомъ христіанства; намъ стали извѣстны миссіонерскія усилія Россіи на отдаленномъ Востокѣ,—усилія, которыя свидѣтельствовали о религіозномъ чувствѣ, не совершенно бездѣйственномъ. Быть-можетъ кое-что эти миссіонеры и эти вѣрующіе могли бы заимствовать у насъ; тѣ изъ насъ, кто именно такого мнѣнія, тѣмъ съ большею ревностью должны были заботиться о томъ чтобы намъ ознакомиться другъ съ другомъ. Не странно ли, что тѣ же самые противники, которые кричатъ о русскомъ невѣжествѣ, на немъ основываютъ свои

доводы против попытокъ сближенія, которое могло бы повести къ просвѣщенію темныхъ людей? Но, говоря по истинѣ, такіе отзывы о русскомъ варварствѣ, когда они дѣлаются не въ пылу борьбы и не вслѣдствіе порождаемой ею необходимости, по большей части происходятъ отъ совершеннаго незнакомства съ русскими, о чемъ намъ слѣдуетъ только сожалѣть. Писатели, незнакомые съ образованнымъ русскимъ дворянствомъ, и вообще знающіе о восточномъ православіи только то, что сообщаютъ имъ ихъ энциклопедіи, считаютъ за должное искажать то, что они не въ состояніи оцѣнить, хотя бы съ приблизительною вѣрностью. Мы чувствуемъ, что мы и сами не имѣемъ еще права винить только этихъ однихъ писателей. Цѣль духовныхъ лицъ, собиравшихся въ ноябрѣ, состоитъ именно въ томъ чтобы познакомить другихъ съ этими предметами, а для того напередъ познакомиться съ ними и самимъ.

„Мы можемъ съ удовольствіемъ сказать, что путь нашъ нисколько не загроможденъ. Мы никогда не были въ антагонизмѣ съ Востокомъ—ни національномъ, ни политическомъ. Такъ, напримѣръ, члены какъ русской, такъ и англійской царской фамиліи могутъ на законномъ основаніи вступать въ бракъ между собой, что не возможно по отношенію къ принцамъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Восточные патріархи не потребовали бы себѣ никакого права суда надъ нами, и не пожелали бы вмѣшиваться въ церковныя дѣла нашего королевства. Вообще всѣ условія нашего церковнаго быта несравненно болѣе отличаются отъ условій церковнаго быта римскаго, нежели отъ условій церковнаго быта на Востокѣ. Для соединенія съ Римомъ понадобились бы такія уступки, какихъ ни одинъ папа никогда не захочетъ, или, быть-можетъ, не въ состояніи будетъ намъ сдѣлать, тогда какъ въ отношеніи къ восточной церкви разумная любовь къ ближнему могла бы вызвать между нами братскія отношенія, хотя бы еще цѣлыя поколѣнія должны были сойдти въ могилу, прежде чѣмъ могло бы быть достигнуто единство въ обрядахъ и обученіи народа предметамъ вѣры. Тѣ, кто первые дружелюбно протягиваютъ руку въ этомъ важномъ дѣлѣ, не боясь даже подвергнуться клеветѣ, достойны немалаго уваженія. Предпріятіе ихъ подвергается клеветѣ и со стороны невѣрующихъ, и со стороны римскихъ католиковъ. Насъ не удивляетъ ихъ досада. Всякому непріятно видѣть союзъ между своими противниками бывшими до сихъ поръ въ разладѣ. Римъ отлучилъ отъ церкви одинаково и Англію и Востокъ, и нечего удивляться, что онъ станетъ сокрушаться при видѣ ихъ взаимнаго соединенія. Что касается до невѣрующихъ, то разъединеніе церквей было всегда ихъ любимѣйшимъ и сильнѣйшимъ доводомъ противъ христіанства, и имъ не можетъ быть пріятно ослабленіе этого довода вслѣдствіе устраненія одного изъ обширнѣйшихъ древнѣйшихъ расколовъ, разъединившихъ Христову церковь.

Для всѣхъ же добрыхъ христіанъ самый этотъ союзъ папы и скептиковъ долженъ послужить весьма полезнымъ предостереженіемъ. Изъ признанія своихъ враговъ они могутъ уже уразумѣвать великую важность единенія православно-католическихъ съ независимыми отъ папы церквами, которыя давно уже согласны между собою въ томъ, что равно отвергаютъ надменныя притязанія римскаго престола. Тотъ протестантизмъ, сущность коего состоитъ въ томъ, что онъ вымышляетъ различныя ученія и размножаетъ секты, конечно, не станетъ высоко цѣнить единеніе церквей; но тѣ, кто протестуетъ противъ заблужденія не изъ чего иного, какъ изъ любви къ истинѣ, должны исполниться духомъ молитвы Спасителя о томъ, чтобы всѣ Его ученики повсемѣстно были едино въ Немъ Самомъ.

Толки иностранной прессы о недавнихъ двухъ указахъ, касающихся благоустройства римско-католической церкви въ Царствѣ Польскомъ и реформы въ землевладѣніи въ западной Россіи.

Всѣ реформы нынѣшняго царствованія и общее направленіе его, особенно обозначившееся въ послѣднее время, возбуждали и возбуждаютъ въ остальной Европѣ не сочувствіе, а скорѣе враждебныя чувства и опасенія. Причина этого понятна. Хотя и до сихъ поръ еще въ западной Европѣ принято говорить о Россіи какъ о странѣ варварской, но въ ея варварство давно уже перестали вѣрить и тѣ, кто толкуетъ о немъ. Не различіе между Россіей и остальною Европой въ ихъ бытѣ общественномъ и государственномъ, а возрастающее могущество Россіи было постояннымъ источникомъ тѣхъ опасеній, которыя она возбуждаетъ. Съ однимъ фактомъ особенно не могутъ примириться всѣ тѣ, кому ненавистно возрастающее значеніе Россіи. Фактъ этотъ заключается въ томъ признаніи русскихъ національныхъ интересовъ и русскаго общественнаго мнѣнія со стороны правительства, которое составляетъ отличительную черту нынѣшняго царствованія и служитъ залогомъ дальнѣйшаго преуспѣянія Россіи. Послѣдствія этого факта становятся совершенно очевидны для неприязненныхъ къ Россіи политиковъ и публицистовъ. Вся тактика ихъ состоитъ теперь въ томъ, чтобы совратить Россію съ того пути, на который она вышла. Съ этой точки зрѣнія объясняются возгласы иностранной, — преимущественно австрійской и французской журналистики,—вызванные послѣдними мѣрами нашего правительства по отношенію къ такъ называемому польскому вопросу, то есть, указами о благоустройствѣ римско-католической церкви въ Царствѣ Польскомъ и особенно объ усиленіи русскаго элемента въ землевладѣльческомъ классѣ нашихъ западныхъ губерній.

Обѣ эти мѣры, и особенно послѣдняя, произвели несомнѣнно сильное впечатлѣніе какъ между поляками, такъ и въ цѣлой Европѣ. Тогда какъ одна часть русскихъ подданныхъ польскаго происхожденія, по свидѣтельству *Познанскаго Дневника,* готова склониться даже къ принятію православія, лишь бы обойдти дѣйствіе закона, и нисколько не отказываясь отъ своихъ польскихъ притязаній, надѣется этимъ путемъ сохранить за собой господствующее положеніе въ западныхъ губерніяхъ, другая часть еще не отчаялась выиграть свое дѣло противъ Россіи съ помощію Европы и взываетъ къ ней, по своему обычаю, преувеличивая все дѣло. Такъ, между прочимъ, мы читаемъ въ вѣнской *Debatte,* въ письмѣ одного изъ польско-австрійскихъ корреспондентовъ, будто бы указъ 10-го декабря грозитъ экспропріаціей всѣмъ землевладѣльцамъ западнаго края польскаго происхожденія. „Цѣлый классъ населенія, говоритъ австрійскій полякъ, долженъ въ два года продать принадлежащія ему земли и покинуть свою родину и прахъ своихъ отцовъ. По истинѣ, продолжаетъ онъ, можно подумать, что мы перенеслись къ временамъ гоненія на христіанъ, или ко временамъ отмѣны Нантскаго эдикта.“ *Debatte* очень хорошо знаетъ, что въ указѣ 10-го декабря, дѣло идетъ только объ экспропріаціи тѣхъ лицъ польскаго происхожденія, которыя или сами были высланы изъ края, или имѣнія которыхъ были секвестрованы за явное участіе ихъ въ бывшемъ мятежѣ. Тѣмъ не менѣе, эта офиціозная австрійская газета охотно даетъ мѣсто на своихъ столбцахъ нелѣпымъ сравненіямъ мѣры 10-го декабря съ гоненіемъ на христіанъ. Стоитъ при этомъ замѣтить, что смѣшеніе католицизма съ полонизмомъ и въ этомъ случаѣ подаетъ поводъ къ извращенію смысла мѣры, которая, собственно говоря, не имѣетъ никакого отношенія къ какимъ бы то ни было религіознымъ вѣрованіямъ. Запрещается покупать имѣнія собственно только тѣмъ лицамъ, которыя, по своему положенію въ томъ краѣ, видятъ въ русскомъ государствѣ лишь временное зло, коему надобно, такъ или иначе, рано или поздно, положить конецъ,—которыя, волею или неволею, составляютъ въ этомъ краѣ заговоръ противъ Россіи. Польское происхожденіе не было бы достаточно опредѣлительнымъ признакомъ, потому что большинство землевладѣльцевъ западнаго края ведутъ свое происхожденіе вовсе не отъ поляковъ. Для точнѣйшаго опредѣленія, необходимо было обратиться къ тому печальному и опасному факту, что римская церковь въ западныхъ губерніяхъ стала символомъ полонизма. Дѣло до такой степени ясно, что безъ враждебнаго умысла, невозможно говорить о законѣ 10-го декабря, какъ объ актѣ религіозной пропаганды въ пользу православія. Самымъ несомнѣннымъ тому доказательствомъ служитъ то, что запрещая продажу имѣній католикамъ польскаго происхожденія, законъ дозволяетъ продавать эти имѣнія русскимъ не только православнаго, но и протестантскаго вѣроисповѣданія, а мѣстная администрація,

какъ можно надѣяться, не будетъ допускать къ покупкѣ имѣній въ западномъ краѣ и лицъ православнаго вѣроисповѣданія, но обратившихся въ православіе въ видахъ обойдти дѣйствіе закона (1).

Но враждебная Россіи журналистика пользуется существующимъ еще смѣшеніемъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ католицизма и полонизма, и спѣшитъ прежде всего возбудить противъ Россіи агитацію въ мірѣ католическомъ. Не ясно ли изъ этого, до какой степени необходимо провести черту раздѣленія между полонизмомъ и католицизмомъ, такъ чтобы лица принадлежащія какъ къ этому, такъ и къ другимъ терпимымъ въ Россіи вѣроисповѣданіямъ не были вынуждаемы отдѣлять себя отъ русскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать отъ католиковъ, протестантовъ, или, наконецъ, Евреевъ въ Россіи, чтобъ они сознавали себя настоящими русскими гражданами до тѣхъ поръ, пока въ самой важной и въ самой существенной сферѣ своей жизни, въ сферѣ религіозной, они должны оставаться по необходимости иностранцами и употреблять не иначе, какъ одинъ изъ иностранныхъ языковъ?

Впрочемъ, представляя въ превратномъ видѣ мѣру 10-го декабря, и придавая ей несвойственный характеръ акта религіозной пропаганды въ пользу православія, иностранные публицисты сходятся между собой въ признаніи за нею великой политической важности и стараются, съ этой также точки зрѣнія, болѣе или менѣе встревожить западную Европу. Еслибы можно было еще сомнѣваться въ важномъ значеніи мѣры 10-го декабря, то эти отзывы устраняютъ всякое на этотъ счетъ сомнѣніе. „До тѣхъ поръ", говоритъ австрійскій полякъ въ *Debatte*, „пока землевладѣніе въ западныхъ губерніяхъ было въ рукахъ поляковъ, и около нихъ группировалось большинство городскихъ жителей, торговыхъ людей, частныхъ должностныхъ лицъ и католическихъ духовныхъ, до тѣхъ поръ можно было по справедливости утверждать, что между Европой и Россіей все еще стоитъ Польша, какъ раздѣляющая ихъ страна. Теперь же все это должно измѣниться. Въ интересахъ религіи и цивилизаціи", продолжаетъ онъ „въ интересахъ австрійской монархіи должны мы обратить вниманіе на это опасное движеніе Россіи впередъ, по направленію къ западу. Россія даетъ Европѣ лишь два года срока; черезъ два года она, очистившись отъ чуждыхъ ей элементовъ, во всей своей силѣ, которую сообщитъ ей такая сплошная и однородная масса ея населенія, будетъ грозно стоять на границахъ западно-европейскаго образованнаго міра". Въ этомъ же смыслѣ разсуждаетъ и г. Сенъ-Маркъ Жирарденъ въ *Journal des Débats*. „До сихъ поръ", говоритъ онъ, „положеніе

---

(1) Почемъ знать, что они примутъ православіе съ этою цѣлью?
(Ред.)

западныхъ губерній Россіи было не только препятствіемъ для ея властолюбія, но и опасностію для нея, и выгоды, которыя она обѣщала себѣ отъ ихъ присоединенія, были совершенно ничтожны". Но французскій публицистъ имѣетъ въ виду не только встревожить европейскую и преимущественно католическую публику новою мѣрой русскаго правительства; въ своей наивной хитрости, онъ разсчитываетъ подѣйствовать на рѣшенія русскаго правительства, и отклонить его отъ дѣйствительного исполненія этой мѣры, а потому довольствуется лишь легкимъ намекомъ на тѣ благотворныя политическія послѣдствія, какихъ можетъ обѣщать себѣ Россія. Назвавъ эту мѣру системой политической и религіозной экспропріаціи, французскій публицистъ указываетъ на ея несправедливость въ отношеніи къ польскимъ землевладѣльцамъ, на ея, будто бы, революціонно-соціалистическій характеръ, на ея неудобоисполнимость, на вредъ, который она можетъ причинить русскому государственному казначейству, и особенно распространяется о томъ, что она, будто бы, была навязана русскому правительству какою-то „ультра-московскою партіей", главнымъ органомъ которой служатъ, разумѣется, *Московскія Вѣдомости*. Статья г. Сенъ-Маркъ Жирардена только одною стороной обращена къ европейской публикѣ, а всѣми другими—къ вліятельнымъ сферамъ въ самой Россіи.

„Польскіе помѣщики", говоритъ *Journal des Débats*, „лишены теперь права свободно располагать своими имѣніями. Какъ бы ни была велика ихъ нужда продать имѣніе, какъ бы ни были выгодны условія, имъ предлагаемыя, если только покупщикъ польскаго происхожденія, или,—если онъ не православнаго вѣроисповѣданія, то землевладѣльцамъ придется отказываться отъ продажи ихъ имѣній и ожидать другаго, можетъ-быть, менѣе выгоднаго случая". Разсужденіе это уже было опровергнуто нами прежде чѣмъ оно появилось въ заграничной печати. Мѣра 10-го декабря не сокращаетъ, а напротивъ, расширяетъ кругъ покупателей на земли въ западномъ краѣ. Не говоря уже о льготахъ, корорыя должны привлечь къ ихъ пріобрѣтенію, достаточно того, что этою мѣрой размыкается до сихъ поръ замкнутый кругъ польскихъ землевладѣльцевъ, которые, подчиняясь до сихъ поръ господствующимъ въ ихъ средѣ политическимъ стремленіямъ, употребляли всѣ усилія, чтобы не допускать въ нее русскихъ людей. Мѣра, теперь принятая, нанесетъ ударъ только политическимъ стремленіямъ, враждебнымъ Россіи, а отнюдь не частнымъ интересамъ, которые, быть можетъ, даже выиграютъ.

(Моск. Вѣд.)

Возобновленіе собраній православнаго духовенства минской епархіи.

Приводимъ изъ *Минскихъ Губ. Вѣд.* два документа, имѣющіе цѣлію установить и упрочить благое дѣло единенія минскаго духовенства.

Циркулярное посланіе духовенству минской епархіи высокопреосвященнаго Михаила, архіепископа минскаго и бобруйскаго.

Братолюбіе да пребываетъ: и общенія не забывайте. Евр. XII.—1 и 16.
Отъ устъ твоихъ сужду тя. Лук. 19—22.

Духовное общеніе въ дѣлахъ вѣры и нравственности христіанской беретъ начало съ апостольскихъ временъ.

Въ здѣшней странѣ, на нашей еще памяти, существовало общеніе духовенства, подъ названіемъ благочинническихъ собраній, или *соборикова*.

Нѣкоторые благочинные, въ похвальной ревности о святой православной церкви, пожелали возобновить таковыя собранія.

Въ полномъ убѣжденіи, что оныя принесутъ пользу какъ пасомымъ, такъ и пасущимъ, и что такое убѣжденіе раздѣляетъ со мною Богомъ ввѣренной мнѣ епархіи доброе и благонамѣренное духовенство, симъ благословляю всѣхъ благочинныхъ, въ томъ числѣ и васъ, приступить къ учрежденію собраній подвѣдомаго духовенства.

Предоставляю духовенству, на первомъ же собраніи, согласиться: сколько разъ въ году и въ какія времена созывать собраніе, и опредѣленіе свое представить на мое усмотрѣніе; покамѣстъ же предлагаю созвать въ первый срокъ выдачи духовенству жалованья. Впрочемъ, не воспрещается, не дожидаясь того срока, въ текущемъ еще году учинить соборикъ.

О срокѣ и мѣстѣ перваго собранія благочинный заблаговременно извѣститъ духовенство. Гдѣ же назначить слѣдующее собраніе, духовенство, на первомъ собраніи, большинствомъ голосовъ опредѣлитъ.

Къ явкѣ въ собраніе на срокъ, указанный благочиннымъ, никто, ни подъ какимъ предлогомъ, не долженъ уклоняться. Не явившемуся благочинный удержитъ жалованье до моего разрѣшенія.

Предъ началомъ соборика слѣдуетъ совершить соборное въ церкви богослуженіе и затѣмъ приличною молитвою открыть засѣданіе и продолжать не менѣе двухъ сутокъ. На другое же утро, по древнему обычаю, совершить панихиду за сродниковъ хозяина дома, въ которомъ назначено собраніе.

Занятія собранія должны быть слѣдующія.

О. Благочинный, въ присутствіи всего духовенства, объявляетъ распоряженія епархіальнаго начальства; разсматриваетъ документы и дѣла подвѣдомыхъ церквей, какъ-то: метрическія записи, приходо-расходныя книги, копіи съ указовъ, инвентарную опись церковнаго имущества, тетради поученій и проч.

Засимъ требуетъ отъ каждаго по очереди священника публичнаго отчета, о состояніи прихода, церкви, фундуша, церковныхъ строеній о занятіяхъ по приходу, объ успѣхахъ религіозно-нравственнаго образованія прихожанъ, о процвѣтаніи сельскихъ училищъ и пр. и пр. Замѣчаемыя общія и частныя упущенія благочинный объявляетъ гласно и, въ духѣ христіанскаго братолюбія, дѣлаетъ замѣчанія и наставленія.

Послѣ сего каждый изъ присутствующихъ, ревнуя о преуспѣяніи православія, о пользахъ церкви и чести духовенства, обязанъ высказать слышанныя или замѣченныя упущенія въ другихъ приходахъ; равномѣрно долженъ дать публичное свидѣтельство отличающимся примѣрною честною и благочестивою жизнью, ревностнымъ прохожденіемъ пастырскихъ обязанностей, назиданіемъ паствы, содержаніемъ училища, богобоязненнымъ, истинно - нравственнымъ воспитаніемъ семейства и пр., *да видятъ добрая дѣла и прославятъ Отца нашего, иже есть на небесѣхъ*.

Съ другой стороны, случается, къ прискорбію, что блюстители вѣры и нравственности христіанской сами подвергаются слабостямъ и порокамъ, а еще чаще въ членахъ причта, вмѣсто согласія и любви, разгарается вражда. Внушеніе исправленія первымъ и примиреніе послѣднихъ вмѣняется въ обязанность самаго духовенства. Съ этою цѣлію, при открытіи соборика, духовенство, по предложенію председательствующаго благочиннаго, избираетъ изъ среды своей двухъ, всѣми уважаемыхъ священниковъ въ *старѣйшіе*, которые, вмѣстѣ съ благочиннымъ, должны такого рода дѣла разсмотрѣть, степень вины опредѣлить и, съ помощью Божіею, прегрѣшающимъ исправленіе внушить, враждующихъ примирить. Если же такой богоугодный подвигъ исправленія и примиренія не достигнется, въ такомъ случаѣ старѣйшіе съ благочиннымъ составятъ актъ, съ краткимъ, но обстоятельнымъ, описаніемъ степени виновности подсудимыхъ, и съ заключеніемъ: какія къ исправленію первыхъ и къ примиренію послѣднихъ необходимо принять мѣры, для представленія мнѣ.

Подобнымъ образомъ могутъ быть разбираемы и рѣшаемы частныя и семейныя дѣла духовенства, равно какъ жалобы причетниковъ, вносимыя на судъ и рѣшеніе собранія.

Надѣюсь, что предоставленіе духовенству подобнаго разбирательства своихъ дѣлъ, избавляющаго отъ нравственнаго униженія при производствѣ обыкновеннаго публичнаго слѣдствія, принято будетъ съ сочувствіемъ.

На тѣхъ же собраніяхъ духовенство разсуждаетъ о частныхъ, мѣстныхъ и общихъ потребностяхъ, и о таковыхъ, по согласію большинства, доводится до свѣдѣнія епархіальнаго начальства.

О совершившемся соборикѣ составляется на имя мое, за подписью всѣхъ, донесеніе, съ показаніемъ занятій на оном.

Всеусердно молю Господа нашего Іисуса Христа, да благословитъ Онъ настоящее начинаніе, предпринимаемое къ благой, угодной ему цѣли,—къ вящшему утвержденію и прославленію святой православной церкви нашей въ вѣрныхъ ея пастыряхъ и пасомыхъ. Аминь.

Актъ собранія священниковъ минскаго благочинія.

1865 года, декабря 16-го дня. Въ исполненіе архипастырскаго циркулярнаго посланія всему духовенству минской епархіи отъ 19-го августа сего года, за № 2,785, объ учрежденіи благочинническихъ собраній, священники минскаго благочинія, по предварительному совѣщанію и приглашенію благочиннаго, прибыли 13-го сего декабря въ г. Минскъ ко всенощному богослуженію, которое и совершено было ими всѣми соборнѣ. Затѣмъ, 14-го декабря, совершена была литургія соборнѣ, на которой, на великой и сугубой эктеніяхъ, были приложены особыя прошенія о призываніи благодати Всесвятаго Духа. По окончаніи богослуженія, всѣми священниками единогласно признано—лично предстать къ его высокопреосвященству испросить архипастырское благословеніе. Послѣ чего священники собрались въ домъ благочиннаго и, по пропѣтіи стихиры: „днесь благодать Св. Духа насъ собра", приступили къ занятіямъ.

По прочтеніи благочиннымъ архипастырскаго посланія, избраны были на время занятій въ собраніи въ старѣйшины:, духовникъ соломорѣчской церкви священникъ Іоаннъ Нѣмішевичъ и гатовской церкви священникъ Павелъ Ярмоловичъ. Объявлены благочиннымъ послѣднія распоряженія епархіальнаго начальства. Причемъ всѣми священниками высказана благоі дарность правительству за возвышеніе средствъ содержано-но вмѣстѣ заявлена и его недостаточность, при невозможняsти, въ настоящее время, имѣть необходимую прислугу, при существующей дороговизнѣ всѣхъ предметовъ первой потребности и неурожаѣ. Почему и всепокорнѣйше просятъ изъ назначенной на сей годъ суммы 27 тысячь рублей серебр. въ пособіе духовенству минской епархіи, не лишить и ихъ сей милости. Заявлено также всѣми глубокое соболѣзнованіе о необезпеченіи престарѣлыхъ пастырей и церковнослужителей церкви, ихъ вдовъ и сиротъ и объ оставленіи безъ всякаго улучшенія состоянія просфирень.

Послѣ сего разсуждали о томъ, вполнѣ ли удовлетворительны съ нашей стороны отношенія къ причетникамъ и послѣ

разсужденія определяли стараться сдѣлать ихъ подобными отношеніямъ отца къ дѣтямъ; относиться къ нимъ справедливо—безкорыстно, развивать ихъ, объяснять имъ порядокъ и уставъ службъ церковныхъ, катихизисъ, чтеніе рядоваго апостола, слова и пѣсни церковныя, имъ непонятныя. Такимъ обращеніемъ съ ними, надѣемся, мы пріобрѣтемъ въ нихъ болѣе усердныхъ и преданныхъ намъ помощниковъ въ нашемъ служеніи. При семъ постановили всѣ доходы денежные на обѣдни и проскомидіи, а также и хлѣбные и всѣ другіе, жертвуемые по усердію прихожанами, раздѣлять между всѣми членами причта соразмѣрно получаемому жалованью. О недостаткахъ и винахъ причетниковъ, въ случаѣ ихъ неисправности, послѣ собственныхъ усовѣщеваній, заявлять благочинному, и затѣмъ вносить на рѣшеніе собранія. Присемъ священники: прилѣпской церкви Кириллъ Зубковичъ, кривичской—Яковъ Нарамовскій, бѣларучской—Василій Мацкевичъ, просили благочиннаго, съ открытіемъ весны, выдѣлить законную часть остальнымъ членамъ причта изъ фундушовой земли, причемъ и всѣми признано необходимымъ, въ избѣжаніе могущихъ встрѣтиться недоразруменій, съ открытіемъ весны, во всѣхъ приходахъ повѣрить церковные надѣлы причетниковъ и просфирень, составить въ двухъ экземплярахъ акты за общимъ подписомъ священника и другихъ членовъ причта и представить на утвержденіе епархіальнаго начальства, съ тѣмъ, чтобы копію съ утвержденнаго начальствомъ акта хранить при дѣлахъ церковныхъ и о семъ раздѣлѣ помѣчать, для всегдашняго извѣстія всѣхъ членовъ причта, въ клировыхъ вѣдомостяхъ, въ статьѣ, въ которой говорится о владѣніи причтомъ церковною землею. Повѣрку произведетъ или самъ благочинный, или, по его назначенію, по два священника на каждый приходъ, кромѣ мѣстнаго священника и причта, съ приглашеніемъ къ сему и прихожанъ, съ церковнымъ старостою.

При разсужденіи объ отношеніяхъ своихъ къ прибывающимъ великороссійскимъ чиновникамъ постановили относиться къ нимъ съ любовью, какъ къ собратамъ своимъ, самоотверженно пришедшимъ оказать намъ помощь; стараться сближаться съ ними; съ полнымъ довѣріемъ открывать имъ недостатки и потребности между мѣстнымъ православнымъ населеніемъ; просить ихъ братской снисходительности и заявлять имъ ожиданія отъ нихъ какъ свои, такъ и мѣстнаго православнаго населенія, именно—объявлять имъ, что прихожане наши смотрятъ на русскаго человѣка съ особеннымъ уваженіемъ, желаютъ видѣть въ немъ истиннаго сына церкви, ревностно исполняющаго постановленія, неупустительно посѣщающаго церковь, безкорыстнаго, справедливаго во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ, усерднаго къ благолѣпію храмовъ Божіихъ, и если видятъ отсутствіе сего въ чиновникѣ, то не хотятъ и вѣрить, что онъ русскій человѣкъ, и скорбятъ о несбыточности своихъ задушевныхъ желаній.

После некоторыхъ другихъ еще разсужденій, отправились ко всенощному богослуженію и послѣ онаго разсуждали о времени и мѣстѣ назначенія слѣдующаго благочинническаго собранія и предположили назначить оное въ настоящемъ 1866 году, 11-го іюля, при полученіи жалованья, въ г. Минскѣ, въ домѣ же благочиннаго.

15-го декабря отслужены были соборнѣ всѣми же литургія и панихида со вселенскимъ поминовеніемъ и поминовеніемъ вмѣстѣ и родственниковъ домохозяина; послѣ такой же митіи въ домѣ, приступлено къ разсужденію о религіозно-нравственномъ состояніи прихожанъ и нашей пастырской дѣятельности. Всѣми высказано, что, при помощи Божіей нравственность прихожанъ замѣтно улучшается, усердіе къ посѣщенію храмовъ Божіихъ и трезвость увеличиваются; но тѣмъ не менѣе чистосердечно исповѣдано, что знаніе вѣры и ея духа, ученіе и жизнь Христа Спасителя мало ими еще сознаны. Посему постановили стараться самимъ приближаться къ духу Христа Спасителя, предносить Его образъ и ученіе въ сердцѣ и въ умѣ своемъ и въ такомъ духѣ, въ духѣ истинно пастырской любви, относиться и къ прихожанамъ; возгрѣвать въ себѣ пастырскую самоотверженную любовь къ нимъ, искать не своей выгоды, а ихъ блага и спасенія. Для сего будемъ стараться какъ можно чаще читать слово Божіе, и въ особенности новый завѣтъ, чтобы самимъ воспринимать духъ Христовъ, для чего и постановили, согласно наставленію архипастыря, прочитывать ежедневно по одной или двѣ главы изъ дѣяній апостольскихъ, или посланій св. апостола Павла. Присемъ всѣми заявлено, что прихожане во всѣхъ приходахъ скорбятъ, что, по случаю существующихъ по городамъ и мѣстечкамъ въ воскресные дни торговъ, они лишаются богослуженія и слушанія слова Божія и желаютъ перенесенія торговъ съ воскресныхъ дней на будни.

При разсужденіи о проповѣданіи слова Божія, всѣми дано другъ другу іерейское слово никогда не оставлять прихожанъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и при всѣхъ требоисправленіяхъ безъ пастырскаго наставленія; какъ можно болѣе обдумывать, что нужно и должно говорить имъ; стараться, чтобы наставленія происходили изъ яснаго собственнаго сознанія, изъ любви пастырской и какъ можно ближе къ ихъ состоянію, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Причемъ всѣми сознана необходимость пріобрѣтенія въ пособіе катихизическихъ поученій и вообще проповѣдей, а также распространеніе журналовъ духовнаго содержанія. Въ частности, опредѣлили стараться развивать въ прихожанахъ любовь къ труду, какъ источнику благополучія, трезвость, воздержность, усердное исполненіе требованій правительства; приводить ихъ къ сознанію долга, познавать и уяснять истину православія и сосѣдямъ-латинянамъ, привлекать и ихъ къ православію; стараться возвышать въ прихожанахъ сознаніе прав-

ственнаго достоинства и внушать имъ усилiе выйдти изъ рабскаго подчиненiя еврейскому влiянiю.

Такъ какъ въ приходахъ нашихъ много римлянъ, то мы поставляемъ своею обязанностью обращаться съ ними кротко и любовью привлекать къ себѣ, пользоваться каждымъ случаемъ уяснять имъ истину православiя и отступленiя латинства, но присемъ не только не раздражать ихъ, но и не подавать повода къ раздраженiю.

Такъ какъ во всѣхъ приходахъ, за исключенiемъ праниицкаго, открыты въ настоящемъ году училища, а въ нѣкоторыхъ приходахъ заведено и по двѣ школы, то мы съ своей стороны всемѣрно должны стараться поддерживать въ прихожанахъ расположенность отдавать дѣтей въ училища и какъ можно внимательнѣе и усерднѣе заниматься ими. Праниицкому же священнику Виктору Ситкевичу поручить лично просить мироваго посредника, полковника Шишко оказать зависящее содѣйствiе къ учрежденiю училища или школы въ праниицкомъ приходѣ.

При разсужденiи о содѣйствiи другъ другу къ достиженiю нравственнаго преуспѣянiя и самоусовершенствованiя, всѣ дали слово другъ предъ другомъ слѣдить искренно, съ братскою любовью за поведенiемъ другъ друга, сосѣдъ за сосѣдомъ, и, при первомъ неблагопрiятномъ слухѣ, каждый сосѣдъ, не взирая ни на лѣта и родство, долженъ тотчасъ высказать сей слухъ погрѣшившему, и если увидитъ въ немъ чистосердечное раскаянiе, благодарить Бога и стараться помогать ему не впадать въ прежнее погрѣшенiе; если же, чего не дай Богъ, не достигнетъ, то заявить о семъ своему другому сосѣду, чтобы и тотъ съ своей стороны замѣтилъ съ любовью его погрѣшенiя; въ случаѣ же недостиженiя цѣли, вдвоемъ или втроемъ вмѣстѣ поговорить съ собратомъ; если же и это не приведетъ къ желаемому успѣху, объявить благочинному и, по совѣщанiи съ нимъ, въ случаѣ недостиженiя желаемаго успѣха, внесть на разсужденiе перваго собранiя. Если же откроется, что сосѣдъ зналъ о чемъ-нибудь не вполнѣ удовлетворительномъ въ своемъ сосѣдѣ и ничего не предпринималъ, то собранiемъ дѣлается ему выговоръ и при повторенiи сего, представляется его высокопреосвященству какъ погрѣшность одного, такъ и укрывательство и неусердiе къ сосѣду другаго. Молимъ Господа, да не попуститъ намъ впадать въ погрѣшенiя, и, при настоящемъ, благодаренiе Богу, состоянiи нашего поведенiя, постановленiе сихъ мѣръ сдѣлано нами не для исправленiя нашего, но какъ правило для будущей нашей дѣятельности, для предостереженiя, охраненiя и вспомоществованiя другъ другу соблюдать свое имя и званiе въ чистотѣ и непорочности.

Затѣмъ, для утвержденiя прихожанъ въ доброй нравственности, будемъ стараться посѣщать ихъ дома какъ можно чаще, съ молитвою и крещенскою водою; присемъ случаѣ стараться узнавать ихъ семейства, вникать въ образъ жизни и

преподавать имъ пастырскіе совѣты и наставленія; присемъ обращать вниманіе на чистоту и опрятность какъ самихъ прихожанъ, такъ и ихъ жилищъ и на благоговѣйное содержаніе ими въ домахъ своихъ иконъ, и при томъ только православныхъ.

Такъ какъ между прихожанами находятся нѣкоторые обычаи, не вполнѣ соотвѣтствующіе духу христіанства, то стараться уничтожать ихъ: такъ, напримѣръ, погребеніе мужчинъ въ шапкахъ, употребленіе въ пищу крови животныхъ (Быт. 9, 4, 5, и Дѣян. 15, 20), сборища, гульбища и повѣрья купальныя въ ночь на 24-е іюня, и т. п. Присемъ поставляемъ своею обязанностью обратить вниманіе и какъ можно точнѣе узнать обыкновенія и повѣрья, которыми руководятся прихожане во всѣхъ случаяхъ своей жизни, доискиваясь начала ихъ происхожденія чтобы, удобнѣе на мѣсто ихъ вводить здравыя понятія христіанскія.

При увеличивающейся, благодареніе Богу, охотѣ прихожанъ къ посѣщенію храмовъ Божіихъ, признана всѣми благовременность вводить обыкновеніе ставить въ церкви свѣчи предъ иконами; для сего объяснять имъ значеніе и благоприличіе сего обыкновенія; внушать имъ и своимъ словомъ и дѣйствовать на нихъ чрезъ церковнаго старосту и старшинъ церковнаго совѣта; располагать прихожанъ къ употребленію свѣчей и при христіанскихъ требахъ въ ихъ домахъ.

Для сближенія со всею православною россійскою церковью, будемъ стараться вводить крещеніе, какъ вполнѣ соотвѣтствующее правиламъ церкви, чрезъ погруженіе, и для сего обязываемся безотлагательно нынѣ же сдѣлать въ каждую церковь крестильню.

Приглашать прихожанъ въ церковь на великій канонъ въ среду пятыя недѣли, въ великій четвертокъ къ чтенію страстныхъ евангелій; въ великую пятницу къ выносу плащаницы, и располагать ихъ къ употребленію при семъ и свѣчей.

Всѣ сіи разсужденія и предположенія опредѣлили записать въ настоящій актъ, для представленія его высокопреосвященству и, совершивъ благодарственное Господу Богу молебствіе, съ возглашеніемъ многолѣтія ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и всему царствующему Дому, святѣйшему правительствующему сvноду, его высокопреосвященству, высокопреосвященнѣйшему Михаилу, архіепископу минскому и бобруйскому и всему освященному причту, православнымъ прихожанамъ минскаго благочинія и всѣмъ православнымъ христіанамъ, окончить свои занятія въ настоящее собраніе.

Актъ сей, по снятіи съ него каждымъ изъ насъ копіи, для руководства и исполненія, за общимъ нашимъ подписомъ представить чрезъ благочиннаго его высокопреосвященству.

Подлинный подписали: благочинный священникъ Никаноръ Смоличъ и четырнадцать священниковъ.

«Московскія Вѣдомости» о галицкихъ дѣлахъ и примѣчаніе Вѣстника западной Россіи о семъ предметѣ.

Логика событій неумолима. Одинъ невѣрный шагъ ведетъ за собою множество другихъ подобныхъ; но всякая ошибка или недоразумѣніе, доведенныя до крайности, вынуждаютъ погрѣшившаго или идти все дальше и дальше по ложному пути, или сознаться въ своемъ заблужденіи. Нѣчто подобнее творится въ послѣднее время съ такъ-называемою русскою интеллигенціей въ восточной Галиціи. Оторванная случайностями исторіи отъ остальной массы русскаго народа, поставленная болѣе нежели когда-либо въ непріязненныя отношенія къ полякамъ, русская народность въ Галиціи искала выхода изъ своего затруднительнаго положенія въ той федеративной программѣ, которую провозгласили съ 1848 года славянскіе публицисты въ Австріи. Но эта программа обѣщаетъ политическое счастіе и національную равноправность только тѣмъ народностямъ, которыя могутъ доказать свою особность, свою самостоятельность въ этнографическомъ отношеніи. Руководители русскаго населенія въ Галиціи, увлеченные обѣщаніями федеральной программы, сдѣлали капитальную ошибку въ 1848 году, когда австрійское правительство изъ личныхъ расчетовъ, обратилось къ нимъ съ вызовомъ о ихъ народныхъ правахъ и притязаніяхъ. Вращаясь до тѣхъ поръ только среди церковныхъ вопросовъ, галицко-русская интеллигенція кинулась въ политическую дѣятельность съ легкомысліемъ юноши, которого долго держали въ черномъ тѣлѣ. Соціальный переворотъ, начатый такъ насильственно еще въ 1846 году и раздуваемый агентами правительства, вскружилъ голову помянутой интеллигенціи, которая вообразила, что въ полуосвобожденной массѣ сельскаго населенія откроются источники всесторонняго возрожденія галицкой Руси: политическаго, религіознаго и литературнаго. Въ первомъ отношеніи она довѣрилась партіи вѣнскихъ централистовъ, и довѣріе ея было обмануто безпощаднымъ образомъ. Восточная Галиція не только не получила политической автономіи, но не добилась даже до сихъ поръ удовлетворительной администраціи. Одно изъ пламенныхъ желаній русской интеллигенціи во Львовѣ состоитъ въ раздѣленіи Галиціи на два намѣстничества; изъ Вѣны получаются слухи о томъ, что вѣнское правительство готово открыть въ краковской половинѣ особое отдѣленіе намѣстничества. Но главный органъ русскихъ галичанъ, газета *Слово*, съ скорбію признается, что мѣняются только названія, а не самая сущность дѣла: вмѣсто Landesregierung будутъ говорить Stathalterei-Comission. Въ вопросѣ о церковной независимости галицко-русская интеллигенція ушла не далѣе чѣмъ въ вопросѣ политическомъ. Цѣлый рядъ самыхъ возмутительныхъ притязаній католической іерархіи на свободу греко-уніатскаго обряда въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи вызывалъ неоднократные протесты со

стороны русскаго духовенства львовской и перемышльской епархій. Буллы папъ, декреты императоровъ обѣщали равноправность обоимъ обрядамъ; унія переименована въ конкордію, и это превращеніе отпраздновано съ особымъ торжествомъ. Но по прежнему греко-уніатская церковь служитъ средствомъ для политическихъ цѣлей; по прежнему ея обряды наполнены заимствованіями изъ католическихъ; оба исповѣданія, уніатское для русскихъ и католическое для поляковъ, такъ мало различаются между собою, что въ краковской уніатской церкви до сихъ поръ ведется обычай совмѣстнаго служенія уніатскаго и католическаго священниковъ въ день Богоявленія. Объ этомъ говоритъ таже газета *Слово* въ послѣднемъ нумерѣ своемъ: что скажетъ на это такъ-называемая партія обрядовщиковъ между русскими галичанами? Наконецъ и въ литературномъ отношеніи галицко-русская интеллигенція осталась вѣрна своимъ заблужденіямъ, повинуясь федеративной программѣ; она еще въ 1847 году выставила свое особое знамя какой-то *русинской* народности. Она забыла, что трансильванскіе румыны, оставаясь вѣрными австрійскому правительству, не считали нужнымъ отрекаться отъ языка, которымъ говорятъ румыны въ Молдавіи и Валахіи; что австрійскіе сербы не разрывали своей литературной связи съ сербами княжества; что австрійскимъ нѣмцамъ не было надобности изобрѣтать свой литературный языкъ, который отличалъ бы ихъ отъ сосѣднихъ баварцевъ, саксонцевъ и пруссаковъ. Идя по пути, указанному руководителями разныхъ мелкихъ славянскихъ народностей, галицкая интеллигенція попыталась создать особый литературный языкъ, и результаты ея попытокъ были самыя плачевныя. Явилось нѣсколько правописаній; каждый авторъ употреблялъ свой языкъ; каждая газета исправляла присылаемыя въ ея редакцію статьи по своей собственной грамматикѣ. Неудивительно, что сосѣдняя съ Галиціей венгерская Русь не признала нововведеній львовскихъ украйнофиловъ. Но еще сильнѣйшее разочарованіе должна была испытать галицко-русская интеллигенція, когда увидѣла напрасными свои усилія ввести еще пока изобрѣтаемый ею языкъ въ офиціальныя сферы жизни. Ни вѣнское правительство, ни львовскій сеймъ, ни галицкое намѣстничество, ни газеты господствующихъ въ Австріи партій не признали этой попытки возможною къ исполненію. ,Языкъ искусственный можетъ ли быть способнымъ къ политической, юридической и экономической терминологіи? *Debatte*, *Pesti Naplo*, *Gazeta Narodowa*, одна за другой, доказали галицко-русской интеллигенціи, что языкъ, которымъ она пишетъ, не можетъ быть считаемъ языкомъ литературнымъ. Галицко-русскія газеты поспѣшили напечатать на своихъ страницахъ рѣчь г. Петрушевича, произнесенную имъ на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій львовскаго сейма; онѣ выставили ее, какъ послѣднее слово съ ихъ стороны въ защиту офиціальныхъ правъ галицко-

русскаго нарѣчія. Но вотъ ихъ противники самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываютъ имъ, что въ Галицкой Руси нѣтъ общаго литературнаго языка, что большая часть самой русской интеллигенціи говоритъ и пишетъ по-польски, что прошлогодняя попытка львовскаго ученаго общества такъ называемой Русской Матицы, выработать правила для своего литературнаго языка, не принесла никакихъ послѣдствій. „Будь рѣчь о языкѣ церковно-славянскомъ, или московскомъ,— говоритъ *Gazeta Narodowa* (1) въ передовой статьѣ своей отъ 19-го января—тогда другое дѣло; тогда вопросъ о равноправности былъ бы возможенъ.“ Газета *Przegląd* говоритъ, что отрицать существованіе русской народности въ Галиціи, съ ея особымъ, непохожимъ на польскій языкъ, нарѣчіемъ—нельзя; но что языкомъ оффиціальнымъ, языкомъ администраціи и сейма долженъ быть языкъ польскій. Словомъ, возраженіемъ галицко-русской интеллигенціи повторяютъ свое старое убѣжденіе, что какъ въ политическомъ, такъ въ религіозномъ и литературномъ отношеніяхъ, русскіе галичане были и будутъ *gente Rutheni, natione Poloni*, что въ Галиціи живутъ только поляки двухъ обрядовъ.

Что же могли отвѣчать на всѣ эти возраженія представители русской народности въ восточной Галиціи? Въ газетѣ *Слово* напечатано: „Воззваніе къ преподобному священству обѣихъ епархій“ (то есть львовской и перемышльской). Въ этомъ воззваніи говорится о вопляхъ и рыданіяхъ восточной Галиціи надъ участью ея языка, а священники приглашаются къ употребленію роднаго языка въ семьѣ, въ школахъ и въ сношеніяхъ съ администраціей, и къ побужденію прихожанъ слѣдовать тому же примѣру. Далѣе, въ томъ же самомъ нумерѣ газеты *Слово* напечатано вынужденное безпрестанными нападеніями польскихъ газетъ, но тѣмъ неменѣе довольно интересное признаніе, на счетъ отношеній галицкой Руси къ Вѣнѣ, Варшавѣ и Москвѣ: „Мы, слава Богу, не дошли еще до необходимости выбора между Москвой и Варшавой. Но еслибы дошло до такого выбора, то можемъ увѣрить *Газету Народову*, что Москва ближе намъ по происхожденію, языку и обряду церковному, нежели Варшава.“ Наконецъ, *Слово* присовокупляетъ, что, въ случаѣ непринятія львовскимъ сеймомъ предложенія г. Петрушевича, примиреніе между русскою и польскою народностями въ Галиціи будетъ невозможно. Мы думаемъ, что галицко-русской интеллигенціи рано или поздно придется говорить еще болѣе откровеннымъ языкомъ.

Примѣчаніе ред. Вѣстника зап. Россіи. Галицко-русская интеллигенція уже и говорила этимъ языкомъ въ 1858—61 годахъ, и если перестала говорить имъ въ 1861

(1) Какъ, должно быть, очевидно истина, когда «Народувка» даже не могла ни сокрыть ее, ни исказить. Ред. Вѣст.

оду и далѣе, то только по своей безтактности и безразсудности гетмано, или украино-фильской партіи, пойманной на удочку разныхъ Мѣрославскихъ. Сперва «Основа», потомъ «Мета» раззадоривали фантазію украино-филовъ и сами раззадоривались идеей обособленія языка, сепаратизма національностей. Старые коноводы хохломановъ, спрятавшись за молодое отродье Шевченки, искусно экзальтировали недоучившуюся и переучившуюся университетскую и гимназическую молодежь. Послѣ понесеннаго fiasco въ Россіи, вся эта рьяная дружина, разбитая на всѣхъ пунктахъ Вѣстникомъ, эмигрировала въ Галицію, со всѣми запасами лжи и клеветы на Москву, со всѣми бреднями славянскою 11-и мильонною націей, съ густымъ до угара куреніемъ ѳиміама Австріи, съ награбленными у простодушнаго народа *грошами*,— и произвела тѣмъ рѣдкое смѣшеніе не только языковъ, но и понятій и желаній. «Мета» заговорила языкомъ, котораго не пойметъ ни одинъ малороссъ, приняла кирилловку идущую въ перерѣзъ народному говору и условіямъ всякой славянской письменности и грамматики. «Слово» круто повернуло назадъ и на своихъ столбцахъ повторило образчики вавилонскаго смѣшенія языковъ; «Галичанинъ» пошелъ рядомъ съ «Словомъ»; «Страхопудъ весьма удачно подтрунивалъ надъ этимъ тріо и, шутя, говорилъ дѣло, а нѣмцы и ляхи изъ за угла натравливали русскихъ на русскихъ и потирали руки отъ удовольствія.

И переходъ отъ жаргона львовскихъ газетъ къ языку польскому не такъ крутъ, не такъ ужасенъ, чтобы стоило слишкомъ много хлопотать объ окаменѣніи его. Нарѣчіе, которымъ перебивается галицкая письменность, уже такъ смѣшанно, такъ переполнено полонизмами, что, потерявшись въ польскомъ языкѣ, оно теряетъ половину лишь самаго себя. Еслибъ мы захотѣли выписать здѣсь слова и обороты, употребленныя хоть въ одной какой либо львовской «Дописи», изъ какой либо тамошней «Часописи», мы должны были бы израсходовать словъ и времени далеко больше, чѣмъ сколько израсходовано ихъ на настоящее примѣчаніе. Это полнѣйшая унія русскаго языка съ польскимъ! Не такъ борются съ тѣмъ элементомъ, который считаютъ враждебнымъ, и съ которымъ не хотятъ имѣть ничего общаго!....

А еслибы русскіе галичане доселѣ шли тѣмъ путемъ, на который ступили было назадъ тому около 6 лѣтъ, они

уже въ совершенствѣ владѣли бы тѣмъ языкомъ, который выработанъ исторіей и литературой великой представительницы и покровительницы славянскихъ народовъ, и теперь имъ не смѣлъ бы сказать, вмѣстѣ съ ляхами, „Debatte“, разсуждая о рѣчи г. Петрушевича, слѣдующій комплиментъ: «Русины не имѣютъ развитаго литературнаго языка, какимъ же образомъ сеймъ призналъ бы своимъ оффиціальнымъ языкомъ тотъ языкъ, который вовсе не существуетъ, и какой выбрать жаргонъ для сейма изъ многихъ жаргоновъ, употребляемыхъ русскими галичанами: тотъ ли, которымъ говоритъ Петрушевичъ, или тотъ, которымъ говоритъ Кучемскій, или, можетъ быть, даже тотъ, которымъ перебивается Ковбасюкъ? Всѣ эти три жаргона—такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, что, когда эти депутаты говорятъ въ засѣданіи одинъ послѣ другаго, то можно забыться и вообразить, что присутствуешь не на галицкомъ сеймѣ, а при столпотвореніи вавилонскомъ. Такимъ образомъ, какъ бы ни желалъ галицкій сеймъ осуществить желаніе Петрушевича, оно останется рѣшительно не выполнимымъ.»

Изъ многихъ писемъ, которыя получали мы отъ передовыхъ славянъ венгерскихъ и галицкихъ видно было, что вопросъ о выборѣ южными славянами общелитературнаго языка былъ уже рѣшенъ, какъ и должно быть, въ пользу языка Россіи. Симпатіи къ нашему языку высказывались такъ часто, такъ задушевно, мы такъ щедро надѣляли нашихъ южныхъ братій произведеніями русской прессы вообще и экземплярами Вѣстника, а особенно (по просьбѣ ихъ) отдѣльными оттисками передовыхъ его статей вчастности, что только интрига ляховъ, да безуміе нашихъ украинофиловъ и лживыхъ корреспондентовъ «Меты, Слова и Галичанина» могли произвести у австрійскихъ славянъ настоящую филологическую путаницу. Большинство писемъ, полученныхъ нами изъ Венгріи (*) и Галиціи было писано такимъ правильнымъ, чистымъ языкомъ русскимъ, что намъ оставалось только привѣтствовать эти корреспонденціи радостнымъ изумленіемъ. Мы увѣрены, что продолженіе этого яв-

(*) Особенно изъ Венгріи, куда не проникла, подстрекаемыхъ польскими революціонерами, интрига украйно-филовъ. Это доказываютъ и письма въ редакцію изъ Австріи, и особенно помѣщаемая въ слѣдующей книжкѣ Вѣстника статья одного венгерскаго славянина: „народныя движенія венгерскихъ руссиновъ.“

енія вполнѣ зависѣло отъ здравомыслія и доброй воли славянъ. Конституціонная Австрія и не смѣла, и не думала подвергать остракизму *языкъ* русскій потому только, что онъ лучше жаргона ея подданныхъ-славянъ. Если ужъ нужно усвоять какому либо языку политическій характеръ, такъ это одному польскому. Если *русскій* говоритъ теперь лучше по *русски*, нежели говорилъ вчера, что теряетъ отъ того государство, и что нужно сказать о томъ правительствѣ, которое желало бы, чтобъ его подданные говорили *своимъ* языкомъ хуже? Да и напрасны были бы усилія правительства сдѣлать *совершенно* чуждыми тѣ племена, которыя породнило Провидѣніе и исторія. Подобныя усилія ускорили бы только реакцію. Развѣ не можетъ одинъ братъ жить въ Россіи, другой въ Австріи, оставаясь оба добрыми братьями и добрыми гражданами своихъ націй?

Г. Д......й, примите къ свѣденію все сказанное здѣсь и пеняйте сами на себя за то, что вы сильно вліяли на послѣднее, моральное междоусобіе славянъ, что вы такъ не простительно попали въ ловушку егомосцей, такъ легкомысленно повѣрили лжамъ и клеветамъ корреспондентовъ изъ доброй и счастливой Россіи, что вы такъ безжалостно осудили на ретроградное движеніе свою письменность,—что вы очень скоро можете заговорить на галицкомъ сеймѣ попольски... Мы это говоримъ вамъ потому, что вы могли увлечься, могли быть обмануты на время. При вашемъ умѣ и познаніяхъ историко филологическихъ, вы скоро можете замѣтить свою ошибку, а при вашемъ сердцѣ, скоро можете очистить свою русскую совѣсть отъ напускныхъ прегрѣшеній. Мы ничего этого не скажемъ г. К.....у, потому что онъ и не пойметъ насъ, не оцѣнитъ безъинтересности и любви нашей къ братьямъ нашимъ, и нашихъ желаній—видѣть русскихъ русскими, защитить ихъ языкъ и ихъ самихъ отъ глумленія тѣхъ егомосцей, которые начинаютъ уже сами замѣчать, что ихъ литература, ихъ сила нравственная и физическая предъ нами—все равно, что шмель предъ слономъ.

Ред. Вѣст. зап. Рос.

Избіеніе русскихъ въ конституціонной Венгріи и постановленія мукачевскаго съѣзда.

По восточнымъ окраинамъ Венгріи живетъ русское племя, числомъ до 500,000 душъ. Оно занимаетъ до 8 комитатовъ, изъ которыхъ въ четырехъ составляетъ сильное большинство между остальными жителями; въ прочихъ же комитатахъ живетъ перемѣшанное съ Словаками, Мадьярами, Нѣмцами и Румынами. Предъ началомъ выборовъ въ депутаты на нынѣшній венгерскій сеймъ, Русскіе выставили въ 12 выборныхъ округахъ своихъ кандидатовъ, которые, при правильной избирательной системѣ, могли бы смѣло разчитывать на успѣхъ. Но мадьяризація высшаго сословія давно уже лишила русскихъ восточной Венгріи возможности имѣть сильныхъ вождей. Руководителями народа остались его уніатскіе священники и немногіе изъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Люди, выдвинувшіеся изъ народной массы во время 1848 года, большею частію перемерли; оставшіеся въ живыхъ заняты служебными обязанностями въ Вѣнѣ и Пештѣ. Мѣстная же интеллигенція вовсе не многочисленна и не пустила еще глубокихъ корней среди сельскаго населенія. Администрація также не на сторонѣ русской народности.

При такихъ условіяхъ открылась избирательная дѣятельность въ восточной Венгріи. Почти во всѣхъ выборныхъ округахъ, гдѣ русскіе избиратели могли надѣяться на большинство, Мадьяры дѣйствовали насильственными мѣрами. Вотъ что, напримѣръ, происходило при единственномъ удачномъ, для русской партіи, выборѣ въ депутаты А. И. Добрянскаго. Мѣстомъ, для предварительнаго записыванія избирателей и для самыхъ выборовъ, назначено было не средоточіе выборнаго округа, а одно изъ пограничныхъ мѣстъ его. Русскіе избиратели должны были идти въ холодное время за 20 и за 30 верстъ; уже это значительно уменьшило число ихъ. Кромѣ того, мадьярская партія возбудила противъ русскихъ словацкое населеніе, воспользовавшись тѣмъ, что Словаки Маковицкаго округа принадлежатъ къ католическому исповѣданію, между тѣмъ какъ русскіе къ уніатскому. Противъ Добрянскаго выставленъ былъ кандидатомъ противной партіи мадьяровъ Казвинскій. Русскіе избиратели явились на мѣсто выборовъ съ пѣніемъ молитвы *Царю небесный* и спокойно ожидали начала выборовъ. Партія Казвинскаго пришла съ крикомъ и шумомъ; дѣло сейчасъ же дошло до драки, явившіеся 16 жандармовъ не могли возстановить порядокъ. Часть русскихъ избирателей ушла домой; нѣсколько человѣкъ перешло даже на сторону Казвинскаго. Но къ русской партіи присоединились Словаки евангелическаго исповѣданія. Католики предлагали уніатамъ и евангеликамъ за переходъ на ихъ сторону 100 гульденовъ и одну бочку горѣлки; называли Добрянскаго пра-

іерженцемъ москалей, а уніатовъ схизматиками, Но русскій :андидатъ получилъ большинство голосовъ, хотя не являлся ично на выборы и только прислалъ краткую отвѣтную телеграмму на приглашеніе со стороны своихъ избирателей: nehme n (принимаю). Борьба эта, слава Богу, обошлась безъ убійствъ. Ιалѣе вотъ что разказываютъ славянскія газеты о выборѣ деутата въ округѣ Собрянскомъ, гдѣ избиратели раздѣлялись а двѣ партіи: русскіе выставили кандидатомъ г. Негребецкаго; мадьяры, большею чѣстію реформатскаго исповѣданія,— . Ибранія. Виномъ, угрозами и ложными обѣщаніями старались Мадьяры отвлечь русскихъ отъ г. Негребецкаго; но это мъ мало удавалось. Тогда они обратились къ урбаріальнымъ книгамъ и воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что ногіе изъ землевладѣльцевъ въ тѣхъ мѣстностяхъ носятъ два ли три имени: одно по метрическимъ книгамъ, другое по збирательнымъ, а въ урбаріальныхъ книгахъ имена эти употребляются безразлично, иногда даже съ прибавленіемъ новаго розвища. Такимъ образомъ коммиссія, управлявшая выборами и состоявшая изъ однихъ мадьяровъ, вычеркнула изъ писка избирателей имена всѣхъ русскихъ, которые были обозначены въ упомянутыхъ книгахъ разными прозвищами. Такихъ вычеркнутыхъ именъ корреспондентъ газеты *Слово* начитываетъ до 400. Ночью, мѣстечко, гдѣ должны были происходить выборы, представляло видъ мѣстности, подвергшейя осадѣ отъ непріятеля: мадьярская партія окружила его громнымъ таборомъ, въ которомъ виднѣлись цѣлыя толпы вооруженныхъ конныхъ людей. Многочисленные костры освѣщали дикую сцену. Самые выборы происходили подъ руководствомъ коммиссіи, бывшей на сторонѣ Ибранія. Одинъ зъ членовъ ея, при подачѣ голосовъ, раздавалъ деньги тѣмъ, то изъявлялъ готовность подать свой голосъ за мадьярскаго кандидата. Между тѣмъ на дворѣ нотаріатскаго дома началась рукопашная, вслѣдствіе которой часть русскихъ поспѣшила возвратиться въ свои жилища. Между прочимъ люди, руководившіе выборами, распространяли въ народѣ слухъ, то уніатское духовенство и вообще мѣстная русская интеллигенція для того выставили русскаго кандидата, чтобы при омощи его выпросить на сеймѣ увеличеніе церковныхъ податей: отроковины, эпитрахильщины и т. п.; что всѣ приверженцы г. Негребецкаго—настоящіе москали и исповѣдуютъ осковскаго Бога. (*) Г. Ибраній былъ избранъ значительнымъ ольшинствомъ голосовъ. Еще большею опасностію для русской партіи сопровождался выборъ въ Севлюшскомъ округѣ

(*) Если мы не говоримъ: папскаго Бога, то тѣмъ болѣе не къ лицу книжникамъ усвоять кощунственное названіе *московскаго* Богу истинныхъ христіанъ—православныхъ. Ред. Вѣсти.

Тамъ Мадьяры выставили своимъ кандидатомъ барона Перини, а руская партія—Петра Долиная, бывшаго великаго жупана мармарошскаго, возбудившаго еще въ 1848 году ненависть къ себѣ въ Мадьярахъ. Еще за нѣсколько дней до выборовъ, вооруженная толпа Мадьяръ на коняхъ явилась въ Тисса-Уйгацкій выселокъ, сорвала и разорвала на части флагъ, выставленный партіей Долиная, а стѣны уніатской церкви и церковнаго дома исписала бранными стихами. Чрезъ нѣсколько дней, въ самомъ мѣстечкѣ Севлюшахъ толпа горожанъ, „съ кольями и топорами" въ рукахъ, бросилась на домъ русскаго священника, Георгія Буковскаго, вывѣсившаго знамя Долиная. Въ толпѣ слышались крики: „Надо убить русскаго попа, да и самого русскаго Бога" (**) Уже окна дома были выбиты каменьями, и нѣсколько человѣкъ изъ нападавшихъ ворвались во внутреннія комнаты, когда русскіе обыватели того же мѣстечка, сбѣжавшіеся на призывный звонъ церковнаго колокола, успѣли прогнать разъяренную толпу. На другой же день русскіе подали жалобу въ комитатскій судъ: но послѣдній, вмѣсто того, чтобы наказать нападавшихъ, посадилъ подъ арестъ на двѣ недѣли нѣкоторыхъ изъ русскихъ; а надъ священникомъ Буковскимъ было наряжено слѣдствіе, помѣшавшее ему участвовать на выборахъ и прекратившееся тотчасъ же послѣ нихъ. Въ ту же ночь было нападеніе на усадьбу русскаго помѣщика Пака, въ Карачфалѣ; причиной этого нападенія было Долинаево знамя, тутъ же на мѣстѣ разорванное. Ко дню самыхъ выборовъ мадьярская партія была усилена 400 человѣкъ, явившихся изъ сосѣднихъ округовъ; всѣ они были вооружены фокошами (родъ топора), саблями и револьверами. Мѣстные и пришлые Мадьяры заняли, такимъ образомъ, и снаружи и внутри, тотъ домъ, гдѣ должны были происходить выборы. Кромѣ того, они собрали на дворѣ этого дома большія кучи каменьевъ. Русскіе, предвидя намѣренія Мадьяръ, рѣшились собираться въ двухъ сосѣднихъ съ Севелюшами селахъ. Толпами во сто, въ двѣсти и триста человѣкъ собирались русскіе подъ предводительствомъ своихъ приходскихъ священниковъ, въ назначенныя мѣста. Собралось ихъ всѣхъ до 1,500 человѣкъ. Въ день выборовъ, вся эта масса русскихъ избирателей двинулась по дорогѣ въ Севлюши; но при самомъ входѣ въ мѣстечко была встрѣчена окружнымъ судьей и нѣкоторыми изъ предводителей мадьярской партіи, которые пропустили въ комитатскій домъ только четырехъ священниковъ, въ томъ числѣ Поповича и Шпавульскаго. Въ то время, какъ эти представители русской народности входили въ избирательную залу, на улицѣ произошла воз-

(**) Какое невѣжественное и святотатственное глумленіе надъ Богомъ истиннымъ, Богомъ христіанъ! Ред. Вѣсти.

мутительная сцена. Изъ оконъ комитатскаго дома, со двора его и изъ толпы, окружавшей этотъ домъ, посыпались увѣсистые каменья въ народную массу. Русскіе волей-неволей должны были податься назадъ. Тогда всѣ вооруженные между Мадьярами бросились на отступавшихъ. Русскіе были смяты, многіе изъ нихъ ранены; въ томъ числѣ 42 человѣка понесли тяжелыя увѣчья, одинъ, отецъ пяти человѣкъ дѣтей, былъ убитъ. Ударовъ не избѣжали и священники. За Буковскимъ гнался одинъ Мадьяръ, принадлежащій къ зажиточному классу людей, и только за дверями коммиссіи для сбора податей преслѣдуемый могъ найдти себѣ безопасное убѣжище. Тутъ жандармы остановили гнавшагося за нимъ. Будучи вытѣснены за околицу, русскіе подобрали своихъ раненыхъ и убитаго и разъѣхались по своимъ селеніямъ. Между тѣмъ одинъ изъ священниковъ, явившихся въ избирательную залу, Поповичъ, не имѣя возможности подойти къ предсѣдателю избирательной коммиссіи, рѣшился издали объявить во всеуслышаніе, что есть партія, предлагающая въ депутаты Долиная. Близь стоявшіе Мадьяры вытолкали его на дворъ. Тогда священникъ Шивульскій, выждавъ той минуты, когда предсѣдатель, по предписанному закономъ обычаю, спросилъ: нѣтъ ли еще кандидата кромѣ Перини? отвѣчалъ: „отъ имени 1,500 избирателей провозглашаю кандидатомъ Долиная.“ Съ криками: Ki vele! (вонъ его!) схватили его окружавшіе и понесли къ окну, съ намѣреніемъ выкинуть на улицу. Между членами избирательной коммиссіи нашлась однакожь двое благоразумныхъ людей, которые, перескочивъ черезъ столъ, отдѣлявшій ихъ отъ толпы, успѣли освободить Шивульскаго и отвести его въ квартиру великаго жупана, гдѣ онъ и оставался до окончанія выборовъ. Между тѣмъ Мадьяры, оставшись одни въ избирательной залѣ, единогласно провозгласили депутатомъ Перини. Ночь прошла въ пиршествахъ, во время которыхъ подкутившіе Мадьяры неоднократно кричали: Le a Muszkkakal (прочь съ москалями).

Наконецъ произошла кровавая сцена при выборѣ депутата отъ Берегскаго округа, въ которомъ считается болѣе 80,000 русскихъ. Кандидатомъ русскихъ въ Берегскомъ выборномъ округѣ былъ человѣкъ считающійся однимъ изъ образованнѣйшихъ представителей своего народа и извѣстный ему еще съ 1848 года, Иванъ Пастелій. Его репутація такъ велика въ той мѣстности, что когда онъ былъ объявленъ кандидатомъ, Мадьяры, которыхъ считается только 3,000 въ Берегскомъ округѣ, не только не протестовали противъ его кандидатуры, но обѣщали подать свои голоса за него же. Выборъ Пастелія обѣщалъ быть единодушнымъ и праздничнымъ. Задолго до дня, когда онъ долженъ былъ совершиться, толпы народа расхаживали по русскимъ селамъ Берегскаго округа съ пѣснями и громкимъ крикомъ: „най живетъ посолъ нашъ многая лѣта!“ Народъ пѣлъ:

„Тепла осень, тепла, мило въ Верецкахъ,
Най живетъ нашъ посолъ Иванко Пастелій.
Проситъ Русь-свободу въ Угорской Краинѣ,
Буде за насъ мовца нашъ любый Пастелій.
Стелемъ ему цвѣтья на его дорогу.
Най го Богъ проводитъ къ Пештянскому сойму.“

Но это были преждевременные восторги. Хотя Мадьяры, при каждомъ появленіи Пастелія, продолжали кричать eljen, но, во время народныхъ пирушекъ, нѣкоторые изъ нихъ начинали проговариваться насчетъ истиннаго образа своихъ мыслей. Такъ, въ одномъ собраніи русскихъ священниковъ Мадьяръ Иловсай, разгоряченный виномъ, сказалъ, что онъ и его друзья никогда не допустятъ, чтобы „песъ Русинъ былъ посломъ“, и что „ни одинъ попъ не будетъ больше Господи помилуй казати, который на избираніе посла явится.“ Когда приблизилось время для записыванія именъ избирателей въ установленные для того списки, Мадьяры стали распространять въ народѣ слухъ, что записавшіеся должны будутъ служить въ народномъ ополченіи, отправлять барщину и платить усиленныя церковныя подати. Несмотря на то, духовенству удалось образумить тѣхъ, которые повѣрили этимъ слухамъ. Тогда Мадьяры выставили своего кандидата, по имени Шипоша, и чтобы привлечь народъ на его сторону, разсыпались по всѣмъ селамъ, гдѣ есть корчмы, и стали спаивать народъ, раздавая при этомъ горсти тютюна. Подавшиеся на эту приманку они говорили, что священники потому стоятъ за Пастелія, что онъ обѣщалъ имъ выхлопотать на сеймѣ десятину отъ всѣхъ сельскихъ произведеній; Шипошъ же обѣщаетъ выхлопотать уничтоженіе всякихъ податей. Соблазнившихся такими обѣщаніями было немного. А въ селѣ Мстичевѣ, куда явился самъ Шипошъ, окруженный своими приверженцами, и обратился къ народу съ мадьярскою рѣчью, обѣщая свободу отъ военной повинности, толпа, не слушая его дальнѣйшихъ разглагольствій, повернула къ своей церкви съ крикомъ: „да живетъ Пастелій“. Затѣмъ раздался колокольный звонъ, изъ церкви появился крестный ходъ и длинная процессія потянулась къ сосѣднему базиліанскому монастырю. Мадьяры оставили народъ въ покоѣ; но зная, что въ Мстичевѣ и въ сосѣднемъ съ нимъ селеніи Бѣлкахъ живетъ мелкое и большею частію необразованное русское дворянство, обратились къ нему съ увѣщаніями отстать отъ духовенства; при этомъ обѣщали возстановить барщину, окончательно уничтоженную въ 1848 году, а во все время избирательства платить перешедшимъ на сторону Шипоша по одному гульдену въ сутки. Послѣдняя мѣра имѣла нѣкоторое значеніе. Въ народѣ появились пасквили на Пастелія, усердно распространяв-

шіеся при помощи такъ-называемыхъ мадьяроновъ, то-есть людей, преданныхъ дѣлу мадьяризаціи. Партія, оставшаяся вѣрною отвѣчала на всѣ эти клеветы новыми пѣснями:

„Сколъ Горѣшнявьскій
Нашъ сынъ Бережанскій
Якъ ангелъ изъ неба,
Мужъ мудры якъ треба,
Посолъ нашъ Пештянскій.
Вѣтрику подувай
Туда, куда Дунай;
Най летитъ въ свой столецъ
Нашъ миленькій хлопецъ
Бережанска слава.
Горѣ при престолѣ
Орудуй, Пастелій
Выробляй намъ ласку
Радостну якъ паску,
Жій, жій, нашъ Пастелій“ и пр.

При такихъ условіяхъ, партія Шипоша не могла получить перевѣсъ и рѣшилась дѣйствовать насильственными мѣрами. Она нападала на села, въ которыхъ были выставлены флаги, съ именемъ Пастелія, и срывала эти флаги. Въ одинъ изъ такихъ набѣговъ на Мстичевъ, Мадьяры принялись-было разбирать по частямъ уніатскую церковь, произнося хулы на восточный обрядъ; но были прогнаны народомъ. Въ день выборовъ представители мадьярской интеллигенціи явились въ Берегъ, съ обѣщаніями объявить себя за Пастелія. На богатыхъ Мадьярахъ видны были шапки съ сине-желтыми перьями, на которыхъ красовалась надпись eljen Passtelyi! Тѣ же самыя слова виднѣлись на знамени, водруженномъ подлѣ дома, назначеннаго для выборовъ. Самъ великій жупанъ отправилъ къ Пастелію письмо, въ которомъ обѣщалъ выслать жандармовъ и коммиссаровъ для обереганія русскихъ избирателей и приглашалъ Пастелія явиться на выборы. Русскихъ избирателей собралось до 2,000. Переночевавъ въ большомъ селеніи Реметахъ, находящемся неподалеку отъ Берега, вся толпа отправилась съ утра къ мѣсту выборовъ; но ни жандармы, ни коммиссары не явились для встрѣчи. Напротивъ, лишь только русскіе, предводимые священниками и мелкопомѣстными дворянами, успѣли пройдти лѣсъ, находящійся между помянутыми селеніями, какъ были встрѣчены сильнымъ отрядомъ конныхъ Мадьяръ, собравшихся большею частію изъ сосѣднихъ комитатовъ и вооруженныхъ чѣмъ-попало. Первымъ

дѣломъ этой шайки было провозглашеніе имени Пастелія, что заставило русскихъ довѣрчиво идти впредъ. Но едва первые Русскіе показались въ полѣ, какъ Мадьяры бросились на нихъ съ крикомъ: üsd, vàgd, az oroszok kutja krisztusat! (бей, руби, песьяго русскаго Христа), (*) въ нѣсколько минутъ первые ряды русскихъ избирателей пали жертвой довѣрчивости. Остальная масса бросилась назадъ въ селеніе Реметы. Мадьяры погнались за ней. Множество людей было ранено при этомъ преслѣдованіи: у кого былъ выбитъ глазъ, у кого переломлена рука, у кого сорвана желѣзными вилами кожа съ головы. Число окровавленныхъ людей было значительно. Число убитыхъ при первомъ нападеніи до сихъ поръ еще не опредѣлено. Но во время преслѣдованія по лѣсу, убиты, кромѣ сельчанъ: мелкопомѣстный дворянинъ Валентинъ Горзовъ, отставной офицеръ австрійской арміи и общинный судья, и священникъ Ярошинъ. Добѣжавъ до села, народъ обступилъ духовенство, и бросившись на колѣни передъ нимъ, говорилъ: „Панове! идете до царя, берете и насъ, мы будемо свѣдчити, что дѣютъ съ нами Мадьяре! вѣдай царь заступитъ насъ, бо мы царски хочемъ быти, а не паньски.“ Духовенство отвѣчало: „Да здравствуетъ царь Австріи, подъ котораго скипетромъ познавъ народъ нашъ свое человѣческое право. Да здравствуетъ баронъ Бахъ.“ Тѣмъ временемъ Мадьяры избирали Шипоша.

11-го декабря собрались въ Мункачевѣ 35 человѣкъ, пользующихся наибольшимъ уваженіемъ среди русскаго населенія того края: священники, учителя, помѣщики, выборные чиновники и нѣсколько зажиточныхъ сельчанъ. Мѣстомъ собранія былъ домъ мункачевскаго викарнаго каноника Ивана Дешкова. Наибольшимъ одушевленіемъ были согрѣты рѣчи игумена Базиліанскаго Мункачевскаго монастыря и двухъ сельскихъ судей изъ Илницъ и Бѣлокъ. Согласились не принимать отнынѣ никакого участія въ конституціонной жизни Венгріи. Затѣмъ рѣшено было составить просьбу на имя императора отъ имени русскаго населенія Берегскаго комитата изъ восьми пунктовъ, касающихся преимущественно автономіи мѣстнаго управленія по дѣламъ церковнымъ, школьнымъ, судебнымъ на низшихъ инстанціяхъ, сельской комитатской администраціи. Далѣе, рѣшено было обратиться къ мункачевскому базаліанскому монастырю съ просьбой завести у себя типографію и печатать въ ней учебники для народныхъ школъ, церковныя книги, и наконецъ издавать газету на русскомъ языкѣ. Въ случаѣ же, если монастырь окажется не въ состояніи осуществить всѣ эти намѣренія по недостатку матеріяльныхъ средствъ, постановлено открыть подписку для поддержки задуманнаго предпріятія, и притомъ въ формѣ акці-

(*) Здѣсь нужно сказать тоже что и выше.

онернаго общества. Зашла рѣчь объ учрежденіи стипендій для бѣдныхъ сиротъ и сельскихъ мальчиковъ, отличающихся дарованіями. Священникъ Дешковъ предложилъ для помѣщенія стипендіатовъ церковное зданіе своего прихода. Наконецъ постановлено и впредь съѣзжаться на общія совѣщанія о дѣлахъ народныхъ, на которыя должны являться представители всѣхъ сословій, съ тою цѣлію, чтобы Мадъяры не могли говорить, будто только духовенство и нѣсколько фанатиковъ борются за сохраненіе русской народности. Изъ частныхъ мнѣній, которыя были приняты на слѣдующихъ совѣщаніяхъ того же собранія, заслуживаютъ вниманія слѣдующія два: добробратовскій благочинный Августинъ Даніеловичъ предложилъ выбрать способныхъ людей, которые слѣдили бы за мадьярскою журналистикой, опровергали ея клеветы на русскихъ, и обо всѣхъ явленіяхъ русской народной жизни въ Венгріи писали въ львовскую газету *Слово.* Иванъ Пастелій предложилъ, чтобы никто изъ русскихъ не подписывался на мадьярскія газеты, не покровительствовалъ мадьярской литературѣ, а покупалъ русскія газеты, журналы и книги, хотя бы онѣ были издаваемы „и въ Камчаткѣ." Слѣдуетъ прибавить къ этому, что самъ пештскій сеймъ не призналъ избранія Шипоша правильнымъ, что онъ долженъ былъ вернуться домой изъ Пешта, и что по всей вѣроятности Пастелій будетъ депутатомъ. Такія же извѣстія принесли послѣднія газеты и объ участи мадьярскаго депутата, избраннаго въ Севлюшахъ.

Какъ бы то ни было, взаимное раздраженіе между русскими и Мадьярами въ восточной Венгріи не прекратилось и можетъ повлечь къ новымъ столкновеніямъ. Люди, павшіе жертвой во время депутатскихъ выборовъ, были похоронены со всевозможнымъ торжествомъ. Въ нѣкоторыхъ сельскихъ и городскихъ церквахъ восточной Венгріи были отслужены по нихъ панихиды. Въ первый же день новаго года были совершены торжественныя моленія за убитыхъ въ Берегѣ въ уніятскихъ церквахъ Львова, Перемышля и Кракова.

Нилъ Поповъ.

ОПЕЧАТКИ въ 5-й КНИЖКѢ.

Отдѣлъ III, въ статьѣ: »Недоразумѣніе.»

Напечатано:	*нужно читать:*
Стран. 42, строка 2-я отъ конца:	
русской.	**полу-русской.**
Стран. 47, строка 7 сначала:	
польза	**нельзя**

Отдѣлъ IV, статья: »Главная цѣль» и проч.

Стран. 141, строк. 14.	
знать	**гнать**

На послѣдней строкѣ 143 страницы пропущенъ знакъ вопроса.

На стран. 145, строк. 8	
въ изъятую	**изъятою**

На той же страницѣ, въ строкѣ 19, слово: рожденія—лишнее.

...ЕРЖАНІЕ 6-й КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 18$^{65}/_{66}$ ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.